ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА

ПИСЬМА

ПИСЬМА А. БЛОКА

«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1927

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА К РОДНЫМ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И ПРИМЕЧАНИЯМИ
М. А. БЕКЕТОВОЙ

«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1927

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА К РОДНЫМ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И ПРИМЕЧАНИЯМИ
М. А. БЕКЕТОВОЙ

«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1927

Обложка работы
В. П. БЕЛКИНА

Ленинградский Гублит № 40917. Тираж 2.500 экз.

2-я типография Транспечати НКПС. Ленинград. Ул. Правды, 15.

Александр Александрович Блок (1907 г. 27 лет)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большую часть первого тома писем Ал. Блока к родным составляют письма к матери. Остальные письма, к деду, бабушке и двум теткам, относятся к детским и юношеским годам поэта, письма к отцу обнимают период с 1898 по 1909 г. включительно.

Письма к родным извлечены из архива покойной матери поэта, расположены в хронологическом порядке и снабжены моими примечаниями, с сохранением правописания и пунктуации подлинников писем в пределах допускаемых новой орфографией. Подробности о родных и друзьях Блока, упоминаемых в письмах, можно найти в моих книгах: „Ал. Блок. Биографический очерк“ (изд. „Алконост“, 1922 г.) и „Ал. Блок и его мать“ (изд. „Петроград“, 1925).

В тексте писем применяются двоякого рода скобки: круглые ( ), употреблявшиеся автором писем, и прямые [ ], в которые помещены зачеркнутые в рукописях слова.

Даты писем по возможности установлены точно. В тех случаях, когда установить точную дату не представлялось возможным, письмо отнесено к концу года или периода, датировка которых несомненна.

В тексте писем допущены пропуски, незначительные количественно и замененные точками. Несколько кратких писем, слишком интимных по содержанию, остались неопубликованными.

Встречающиеся в письмах стихотворения Ал. Блока приводятся полностью лишь в тех случаях, когда есть разночтения с опубликованным текстом.

Считаю долгом выразить мою глубокую благодарность К. С. Лабутину и Д. М. Пинесу, безкорыстное и деятельное участие которых в моем труде помогло мне довести до конца всю сложную работу по подготовке к печати „Писем Ал. Блока к родным“.

М. Бекетова.

ПИСЬМА

1890 г.

1.

А. Н. БЕКЕТОВУ (1).

Милый мой дидя, я очень тебя люблю мне тут нравятся собаки они постоянно ходят в сад, потому-что там привязали другую собаку которую зовут Цербер. Одна собак здесь мне особенно нравится ее зовут Барбос. Я бы очень хотел уехать в Шахматово (2). Здесь есть очень хорошие цветы. Я научился играть в крокет. Это мне очень понравилось. Мне здесь очень нравится, целую тебя.

Твой Сашура.

Мы с Булей (3) делаем дома между деревьями даже с крышами. Один раз мы сделали сторожевую будку а теперь делаем дом.

Мулому диде.

Здесь бывает очень жарко. Раз было двадцать семь градусов в тени и 31 на солнце. Я купался два раза и после этого заболел. У меня сделался насморк, и заболел живот. После этого я совсем не купался. Иногда я катаюсь на бочке. Дедушка (4) уехал третьяго дня. Он жил здесь одну неделю. Еще раз крепко целую тебя.

диде от сашуры.

Собаку
зовут
Трезор (5)

1891 г.

2.

А. Н. БЕКЕТОВУ (1).

Милый дидя я очень тебя люблю, приезжай сюда поскорее, мамуля мне сказала что ты приедешь через 10 дней. Тогда мы опять пойдем гулять подальше. Погода портится. Сегодня было холодно. Небо заволокло тучами.

———

Феролька (2) ходит нахмурившись, не хочет не во что играть, когда его спросишь что нибудь он махает ручкой или сердиться, вчера даже случилось с ним следующие печальное происшествие: Феролька почти целый день просил метлу: наконец тетя Софа (3) ему сделала: конечно Андрюшенок (4) сейчасже потребовал метлу себе; Феролька отталкивал отталкивал Андрюшенка наконец уступил ему метлу и взял взамен Андрюшенкину. Но увидев что на Андрюшенкиной метле палка короче Феролька стал просить что-бы тетя Софа сделала ему другую палку. Тетя Софа сказала ему что у нее нету другой палки: Феролька стал хныкать: тетя Софа стала его уговаривать что-бы он не хныкал. Тогда он стал бить ее метлой. Она его потащила во флигель. Стала его уговаривать... Но он не унимался, и,—так проплакал порядочно долго.

———

доехали мы хорошо, я проснулся в [первом] *шестом* (5) часу утра и уже не спал, а сидел и смотрел в окно.

Твой Сашура.

1892 г.

3.

Е. Г. БЕКЕТОВОЙ (1).

10 марта 1892 года.
вторник.

Милая бабушка!

У меня бол[ит]ел живот и меня обманули, дав мне касторки в виде эмульсии. Я уж два дня не ходил в гимназию,—завтра пойду. Мне очень хочется спать,—теперь это бывает всегда очень рано. Я пишу через транспарант который мне дала мама (2),—из бумаги, которую ей подарила тетя Феля. Тетя Феля (3) подарила маме бумагу для маленьких и для больших записок. Для маленьких записок в коробке, которая покрыта лицами кис. Для большой, в коробке с птичками. Потом я подарил маме книгу для записывания, а Францик (4)—большой флакон с духами и розу. Тогда еще распустилась только одна, а теперь две уже цветут. Оне очень красивы и хорошо пахнут. Надеюсь, что ты скоро к нам приедешь. Вот уж скоро и Пасха! Время идет очень скоро. Я кончил самую главную часть маминой полочки, и пилю кронштейн. Сегодня я сломал две последние пилки. Мама мне купит клею, [и] пилок и дерева. Полочка будет хоро-

шенькая. Я смотрел бумагу, которую ты мне подарила в ней есть очень хорошенькие бумажки с ласточками. Нашего Милорда (5) украли, — ты даже и не видала его. Он был очень смешной и неуклюжий. Морда у него желтая с черным и добрые глаза.

Целую тебя.

Твой Сашура.

Приезжай как можно скорее, я о тебе соскучился.

4.

МАТЕРИ (1).

9 июня
1892 года

Милая Маминька!

Я страшно о тебе соскучился и хочу что-бы ты скорей, как-можно приезжала. У нас чудная погода, солнце светит, небо голубое. Поцелуй за меня Францика. Сейчас дядя Адысь (2) уезжает, потому не могу написать длиннее. Сегодня я принес земляники букетик тете Мане (3). Уже в огороде есть редиска. Пиши мне, моя кроша, и я тебе буду писать почаще. Мы играем с Феролей и Андрюшей в поезда, а иногда в солдаты. Федор (4) уж подал лошадей.

Твой Сашура.

5.

ЕЙ ЖЕ.

10 июня
1892 года.

Милая крошечка мама!

Я тебя страшно люблю и страшно соскучился о тебе. Скоро-ли ты приедешь. Пиши скорее про Францика и про себя, как ты доехала и здорова-ли ты.

В Шахматове все время чудная погода. Шиповники отцветают, а серебрянка в полном цвету. Так ты ее и не увидишь! Везде такая прелесть! Живот мой не болит нисколько и действует очень хорошо каждый день. Только сегодня утром он подействовал не так, как в другие дни, но все-таки очень хорошо. Вчера уехал дядя Адысь и мы провожали его до самой колдобины (1). Перед моим окном распускаются розы. Я ел котлету все эти дни, которая мне очень не нравится. Сегодня встал в седьмом часу и гулял с бабушкой. Каждый день гуляем я, Фероля, Андрюша и тетя Софа куда-нибудь. Сегодня были около елки (2) и сидели на гумне возвратившись оттуда. Каждый принес свое занятие; я принес марки и рисование. Это было между завтраком и обедом. Перед завтраком ходили в орешник (3) и, возвратясь, снова сидели на гумне.

Каждый день играем с Феролькой и Андрюшкой в поезда и бегаем друг за другом.

Сегодня на гумне я попросил у Андрея лист синей бумаги, по которой нужно давить. Андрей очень любезно подарил его мне и, подошедши,

потребовал у меня, что-бы я поцеловал его; при этом он обнял меня и поцеловал сам.

Сегодня вечером мы играли в цирк в троем около флигеля. Фероля и Андрюша ушли— теперь в соленую ванну, а я пришел писать тебе письмо. Я иногда раскладываю пассианс у бабушки или в столовой. Устроил очень интересную штуку для марок, когда ты приедешь я тебе покажу. Я ношу твое письмо со станции (4) все время в кармане, в белой тряпочке.

Мне ужасно весело, не достает только тебя в довершение удовольствия.

Целую тебя крепко, крепко, крепко, поцелуй Францика.

Твой Сашура.

Будь здорова, приезжай скорей. Надеюсь, что ты приедешь с Франциком.

6.

ЕЙ ЖЕ (1).

Милая, крошечная мама!

Пожалуйста приезжай как-можно поскорей, я страшно о тебе соскучился, моя крошка, ты не можешь поверить как я соскучился.

Письмо твое я получил, мне оно ужасно понравилось.

Ты ведь знаешь что я опять оглох, только на левое ухо. Из-за этого мы с дидей ездили на Подсолнечную к Орлову (2) после завтрака 14 июня.

Заложили тарантас и мы отправились. Ехали не очень скоро но было очень интересно, особенно на Подсолнечной.

[Как-то] Когда мы туда — приехали, то не сейчас-же Орлов нас принял. Мы вошли в приемную но ушли, потому-что дидя боялся заразы. Там была толпа народу.

Тогда дидя отвел меня в маленький садик и сам пошел хлопотать, что-бы нас приняли. В скоре он пришел и повел меня к [нему] Орлову в кабинет, где Орлов лечил больных.

Орлов положил мне ваты в ухо с каким-то лекарством и я ее поносил—минут 15. После он вынул ее и велел своей фельдшерице промыть мне ухо.

Она промывала три раза, и я все-таки теперь плохо слышу левым ухом. Тетя Софа промывала мне ухо 2 раза и перед этим я лежал на боку с полным ухом соленой воды смешанной с этим лекарством.

Погода у нас сносная.

Иногда солнце, иногда темно и уже 2 дня, как сильный ветер.

Поцелуй, крошечка моя, Францика, и скажи ему, что я о нем также страшно соскучился.

Целую тебя крепко, еще крепче чем в предыдущем письме.

У Орлова я играл в крокет с 3-мя девочками и одним мальчиком (3). Потом мы с дидей пошли на станцию и видели товарный и пассажирский поезда.

Прощай кроша!

Твой Сашура.

7.

ЕЙ ЖЕ (1).

Драгоценная, капельная мамочка.

Я тебя страшно люблю и ужасно соскучился о тебе. Пишу это письмо утром. Погода замечательно изменилась: Сегодня с утра идет то маленький, то большой дождик. Я только-что умылся. Сегодня уезжают тетя Саша и тетя Наташа (2), потому и пишу тебе это письмо. Сегодня утром мне как-то замечательно весело не смотря на дурную погоду. Пожалуйста, моя капелька, не беспокойся о моем ухе. Ничего дурного нет и быть не могло. Ты послала просто ужас, какое отчаянное письмо. Не бойся, кроша. Писем твоих у меня в кармане накопилось целых три. Особенно понравились мне точные сведения о кисе. Она воображается мне, такой прелестной, мягкой, пушистой!

Твое второе письмо о том, что мне есть, было просто пророческое: все—то, что там написано дают мне. Только последнее ты написала, что мне нельзя сырого, а мне дали вчера за завтраком 10 ягод клубники или виктории (уж не знаю чего, потому-что так был рад, что и не заметил) (3).

Стекла залиты дождем, ведь ты знаешь, что я теперь живу на верху, в бывшей Катюлиной (4) комнатке.

Мы с братьями делаем наш дом. Феролька каждый день учится и завидую ему ужасно.

Я соскучился о III-ем классе, о тебе, о Францике, и еще о многих вещах, оставшихся в Петербурге; в числе их о „Сидетиконе" и о простом клее.

Сейчас пойду в столовую к бабушке.

Прощай, моя милая крошка, Господь с тобой.

Поцелуй Францика, я о нем ужас, как соскучился. Мама моя дорогая, приезжай, как-только можешь скорее.

Твой Сашура.

8.

ЕЙ ЖЕ.

22 июня, 1892 года.
Понедельник.

Дорогая кроша!

Дядя Адысь написал тете Софе, что вы приедете по всей вероятности на этой неделе.— Так-ли это? Я так ужасно соскучился о вас, что страшно был-бы рад, если-бы вы приехали.

Погода сносная: иногда идет—дождик из какой-нибудь внезапной тучки, но большей частью погода светлая, яркая, красивая. Вчера дидя, тетя Софа, Фероля и Андрюша ходили в Семеновское (1), а сегодня они-же, только со мной ходили в Яркино (2). Я устал довольно сильно, ты знаешь, что я устаю теперь сильнее, чем уставал, когда был поменьше. Тетя Софа говорит, что это от старости!

Спасибо тебе, крошка за клей, которого я еще не пробовал, но который наверно хорош, потому-

что он из сока вишен. Бутылка особенно удобн[а]
такая, а губка, также хороша очень.

В эту минуту идет сильный дождик, усили-
вающийся все больше и больше. Мы сейча[с]
только шалили с братьями в саду, теперь я н[е]
знаю, где они.

Подошла к окошку киса; пиши мне, мама, про
киску, ты внушила мне к ней своими письмами
большую симпатию (3).

Мне вас обоих с Франциком ужасно жалко.
В Шахматове такая прелесть!

Я занимаюсь иногда марками, это доста-
вляет мне большое удовольствие. Дядя Платон
(4) привез мне голубую марку, какой-то Южной
Азии, должно-быть—Индостан. Цветут белые,
красные и розовые розы. Я надеюсь, что к ва-
шему приезду погода будет очень хорошая.

Я написал вчера—Фероле к его приходу
2 письма и телеграмму, в которых извещал его,
что он глуп. Тетя Маня конфисковала [его]
письма, что-бы показать тебе. Пиши мне кро-
шечная мама почаще. Вчера,—когда наши ходили
в Семеновское, они пришли сюда очень—поздно,
а именно без 5-ти минут семь; пришли-бы еще
позже, если-бы не старик из Семеновского
74 лет не провел их ближайшей дорогой. Дидя
говорит, что этот старик шел замечательно
быстро и перенес через ручей деток (5); ты
знаешь,—что устройство кладок тут очень при-
митивное! Когда они пришли сюда, то дидя
велел напоить старика чаем и дал ему денег,
а тетя Софа дала ему леденцов для его детей.

Не успела она оглянуться, как старик бросился
и расцеловал ее; дидю точно также.

Теперь, мамочка, растут твои любимыя цветы:
серебрянка и поповники. Серебрянка даже—
уж начинает отцветать.

Поцелуй хорошенько Францика, будь здорова.

Господь с тобой, драгоценная,
маленькая крошка!

Твой Сашура.

Сплю я очень хорошо, слышу, почти-что со-
вершенно хорошо, живот, хотя немного вчера
побаливал, и было не совсем „много, хорошо,
не болел“ (6), но это ничего. Сегодня-же жи-
вот не действовал. Вообще, насчет меня, тебе—
нечего беспокоиться, моя крошка.

1893 г.

9.

Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

24 ноября 1893 года.

Милая бабушечка!

Я ужасно о тебе соскучился и надеюсь мы скоро увидимся. Как-ты себя чувствуешь? Сегодня мама пошла в гимназию узнавать, какие я пропустил уроки. Я приготовил диде подарок (1), а именно тарелочку, раскрашенную эмалевыми красками. Сегодня я ее докончил. Я провел свое рожденье очень весело и мне страшно понравилась книга с „С севера на юг" (2). Я ее однако еще не начинал, но мама прочла мне маленькую книгу, которую подарила мне тетя Феля; эта книга называется „Маленькие мужчины" (3). А бумагу, на которой я пишу тебе подарили мне Коля и Ася (4) [также тетя Феля], а перо—Андрей. Фероль подарил мне записную книжку, а тетя Софа работы из гипса. Я сделал три штуки из гипса, но их пришлось бросить в печку. Сохнут они довольно долго. Пожалуйста, напиши мне ответ, так-как я очень хочу получить от тебя письмо.

Мама подарила мне шесть листов бумаги, на которых были нарисованы самыя разнообразные животныя и клейка „Ноева ковчега". Затем там были: сам Ной, его жена и сыновья со своими женами.

В довершение всего этаго я окончу это письмо стихами, присланными из Франции, только несколько переиначенными, а именно:

Moi, enfant, docile aux maîtres
Je travaillerai, songeant à demain
Et je jour approche peut-etre
Où nous nous serrons la main. (5)

Твой Сашура.

P. S. Сегодня мама чувствует себя порядочно, но Францик нехорошо. Уходя в манеж, однако, он сказал, что чувствует себя лучше.

10.

ЕЙ ЖЕ.

22 декабря, 1893.

Милая бабушечка!

Надеюсь, что скоро увижу тебя. Я ходил сегодня и вчера в гимназию, сегодня по-моему прекрасная погода. Мама ездила за покупками к Рождеству и купила много хорошеньких картонажей и хлопушек. Мы все здоровы. Мама сегодня мне купила также синей, переводной бумаги и я уже перевел несколько картинок. Сейчас мы играли с мамой в карты и я обыграл маму один раз в дураки и три раза в мельники. Мама-же обыграла меня только раз в дураки. Теперь Францик ушел в дежурную комнату. Нас уже распустили и дали четверть, при чем у меня

есть только тройки из русского, латинского и математики и 4 из французского. 24-аго числа мы поедем на елку к братьям (1). Догонять мне уже почти ничего не осталось (2), на праздники задано мало. К своей выставке я прибавил много картин и к каждой приклеил номерок (3). Кисы разгуливают часто по комнатам, много едят, особенно большая, которая в 1 секунду проглатывает кость от курицы, которую мы даем ей с Францикой. Вчера была мятель и, когда я пришел, мама до-того обрадовалась, что со мной ничего не случилось, что дала кушать жирной кисе мухе (4). Муха-же никак не ожидала этого и попятилась назад, но потом съела и попросила еще. Целую тебя и желаю тебе всего хорошего.

Твой Сашура.

11.

ЕЙ ЖЕ.

26 декабря. 1893 г.

Милая бабушечка!

Я очень хочу тебя видеть. Завтра будет у нас елка и я этому очень рад. Мы все здоровы. Сегодня мама золотила орехи, а киса спала около нее, положив голову на лапы или сидела и смотрела. Францик вколачивал гвоздики в орехи а я вешал их на палку. Я страшно много ем и, несмотря на это, чувствую себя вполне хорошо. Мне подарили у тети Софы на елке два тома Купера и очень интересную игру, вроде театра, а именно „Китайские тени". Тут приложено 6 промасленных декораций, которые видны на свет. Сзади двигаются разные картонные фигуры и бросают тень. Купера я еще читать не начал, потому что читаю другую книгу (то-же Купера, но другой том). Всех томов теперь у меня 7.

Целую тебя!

Твой Сашура.

12.

ЕЙ ЖЕ.

18 $\frac{28}{XII}$ 93 г.

Милая Бабушечка!

Мы все чувствуем себя довольно хорошо, только я сильно хриплю и кашляю. Вероятно это последствия елок. Я о тебе очень соскучился. Мама успела отдохнуть от вчерашней елки, а ночью еще окончательно отдохнет надеюсь. Не могу сказать, что-бы было особенно тесно вчера, хотя народу было 26 человек. [Я] Мама подарила мне вещь, которая мне очень нравится, а именно револьвер, который сделан как настоящий. Он стреляет мягкими пульками, самое меньшее может попасть на 10 метров, а то и на 15. Это французская игрушка; тут даже пистоны особенные, каждый в виде крошечного стаканчика. Еще мама подарила мне 2 бутылки клею (Синдетикона и Лапидузона), а ты мне подарила страшно интересную книгу, которую я уже начал и очень тебе благодарен. Дядя Платон подарил мне порт-сигар с шеколадными сигарами и подписной билет на „Родник" (1). Он подарил те-же „Приключения Финна" (2) Ферове. Вчера на елке

2*

было ужасно весело. Мы все бегали, шумели, кричали и бесновались. Мы изображали разбойников и прятались за стулья, но, что удивительно, так это то, что нам хватало места на все эти упражнения (3). Целую тебя, дидю и тетю Маню. Я всех вас, кроме диди, давно не видел и соскучился о[б] вас.

Твой Сашура.

13.

ЕЙ ЖЕ.

30 декабря 1893 года.

Милая бабушечка!

Завтра наконец-то мы с тобой увидимся. Сейчас мы с мамой делали репетицию того представления, которое тетя Феля подарила мне на своей елке. Мама читала книжку, где все написано, а я передвигал фигуры. Надо разучить это представление и тогда будет хорошо и можно будет представлять. Мама чувствует себя хорошо и Францик тоже. Мой хрип уже гораздо лучше, потому-что я полощу горло бурой и Францик меня мажет.

Теперь мама ушла в гостинную, где Францик читает газету, а киса спит на столе. Сегодня старая киса разыгралась, точно молодая, хотя ей недавно (вероятно в Октябре) минуло три года.

Елка все время стоит и я ем с нее шеколад и мармелад. У мамы был припасен календарь для меня на 1894 год, а я, открывая шкап увидел его нечаянно. Сегодня, когда я рассказал об

этом маме, а сейчас мне его и подарила. Я каждый день учусь понемногу. Целую тебя и надеюсь завтра тебя видеть.

Твой Сашура.

P. S. Теперь я не выхожу, а сижу дома. Мама делала визиты Астаховым (1), Бринкенам (2) и Грибовским (3); застала только Астаховых. Заезжала к тете Софе от Бринкенов и оказалось [ывается], что все были в цирке. Там на арене была огромная елка и всем решительно детям роздавали игрушки. Фероле дали маленькую гармонику, а Андрею лошадку. Все они возвратились страшно веселые. . . . . Мама приглашала их всех переночевать к нам, но все они сначала слушали с удовольствием, но, услышав, что ночевать, отказались.

Итак, до завтра...

Твой Сашура.

1894 г.

14.

Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

Воскресенье, 16 января,
1894 г. вечером.

Милая бабушечка!

Я очень хочу тебя видеть. Сегодня мы были с мамой вдвоем в Александринском театре и видели „Плоды просвещения". Это мне ужасно понравилось и я хочу очень опять попасть туда. Вчера дядя Лука (1) достал билеты и сегодня утром мы с мамой съели два бифштекса и, выпив чаю, отправились в карете, так-как погода была прескверная. В театре нам не пришлось ничего искать. Мы сидели в партере, в пятом ряду. Театр был до того пуст, что во всех рядах перед нами сидело человек 8, так что мы видели все прекрасно. Я был сегодня только во второй раз в театре и нахожу, что балет „Спящая красавица" скука и гадость, в сравнении с этим. Из артистов особенно хороших не было, кроме Ливкеевой (2), Далматова (3), Панчина (4) и еще некоторых. Мне особенно понравился спиритический сеанс.

Тетя Софа хочет, у себя на квартире, устроить уроки танцев каждую субботу, так-что мы будем

часто видеться с братьями, что конечно приятно. Напиши мне, пожалуйста, письмо. Целую тебя. Надеюсь, мы скоро увидимся.

Твой Сашура.

15.

ЕЙ ЖЕ.

2 сентября, 1894 год.
Пятница, вечером.

Дорогая бабушечка!

Поздравляю тебя с твоими имянинами и надеюсь скоро тебя увидеть. Мама довольно здорова, хотя у нее сегодня закружилась голова. Она сегодня перевела 6 страниц. Францик здоров. 30-ого августа мне было страшно весело. У нас обедали Евгений Осипович (1), дядя Адась и тетя Липа (2), и мне много надарили, хотя мама и сказала летом, что кроме седла мне ничего не подарит на имянины! Она подарила мне „Принца и нищего" (3), которого я уже прочел и, который мне страшно нравится. Потом она подарила мне в красивой коробке почтовую бумагу, 12 листов, они все почти разные и замечательно красивые. На одном из них я тебе пишу. Францик подарил мне складной ножик, стоющий 3 рубля. Зато он великолепный: в нем 2 ножа, пилка, шило и штопор для откупориванья клея. Я получил поздравительное письмо от тети Софы и от Фероля. От диди мама мне купила огромный карандаш с пенальчиком в нем для графитов, пенал с точилкой для карандашей, резинкой, пером и футлярчиком с перьями. Дядя

Адась подарил мне готовальню с 11-ью предметами, очень красивую, а тетя Липа подставку для перьев с пером, карандашем ножичком и ножом для разрезания книг. Сегодня может быть придет дядя Платон, или завтра. Бой и Норка здоровы. Бой очень хорошая собака. У него длинные уши и грустная морда с желтыми бровями. Он очень смешно виляет своим кусочком хвоста и страшно ласков. Норка очень безобразна. Она крошечная гладкая собака с желтыми глазами, но с длинным хвостом. Она также страшно ласкова, но часто гадит. Бой сделал сегодня утром в гостиной „Много, хорошо, не болел", за что его сильно отдули ремнем.

Пожалуйста напиши мне письмо. Целую тебя.

Твой Сашура.

1895 г.

16.

Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

10 марта, 1895 года.

Дорогая бабушка!

Мы ужасно давно не видались с тобой, но скоро, может-быть, увидимся, потому-что, если будет хорошая погода, приедем с мамой вдвоем обедать к вам в понедельник. Мама с Франциком здоровы и не были на выставке только потому, что очень скверная погода. Сегодня, когда я шел в гимназию, меня чуть не унесло и я даже один раз свалился на большом проспекте (1). Мой товарищ, догнавший меня в это время, сказал, что это двойное „salto mortale". Из гимназии Осип (2) увез меня на извощике. Вчера я видел, как сошла конка с рельсов; к счастью там никого не было; она только несколько шагов прогремела по камням и остановилась! Кондуктора сейчас-же сдвинули ее на место. Сегодня, в разных местах Большого проспекта, стоят конки, потому-что рельсы завалены снегом.

Хотя мои дела идут не особенно хорошо, но я почти уверен, что перейду без экзамена (3). Мама в этом не уверена!

Дела „Вестника" (4) идут хорошо. Больше половины апрельского номера напечатано. Напиши, пожалуйста, стихотворение, хотя оно не может быть напечатано в апреле; там уж их два. Также я очень не отказался-бы от прозы твоего сочинения. Скоро кончается третья четверть (кажется,— завтра). Бойка страшно хорошая собака. Штаны на задних ногах достигли уже длины вершка с лишним. Приметы: нос длинный, уши отвислые, хвоста нет (это неточно: есть подобие хвоста), на спине седло.

Скоро можно будет поехать в Костюнино (5)! Целую тебя. Надеюсь скоро увидимся.

Твой Сашура.

17.

ЕЙ ЖЕ.

2 сентября, 1895 года.
Суббота.

Дорогая бабушка!

Поздравляю тебя со днем твоих имянин и желаю тебе всего хорошего. Надеюсь, что мы скоро с тобой увидимся, а я уже порядочно соскучился о тебе. В Петербурге время тянется очень долго: Шахмотовский месяц соответствует здешним двум неделям! Тем не менее тут вовсе не скучно: в гимназии довольно весело, и у меня много интересных занятий: выпиливание, езда в город, а главное переплетанье книг. 30-ого августа мама подарила мне настоящие переплетные инструменты, так-что, когда я научусь, я могу переплетать какие-угодно книги. В тот-же день при-

звали полкового переплетчика Илларионова, который числится в роте Францика, и он дал мне урок: мы переплели с ним книгу, которая очень удалась нам. Мама с Франциком чувствуют себя довольно хорошо. Тетя Маня прислала длинное сочинение в „Вестник", который опять запоздал „по непредвиденным обстоятельствам". Погода ужасно переменчива: например сегодня с утра дождь лил, как из ведра, а к моему уходу из гимназии стало очень тепло и сильно подсохло. Завтра я отправляюсь вероятно в Лесной к Кучерову (1). Боинька здоров, хотя раз ему приходилось давать касторки. Он ее так не любит, что вымазал даже глаза. Сегодня он похож на американскую вонючку, потому-что вывалялся где-то на дворе. Поэтому его выгнали и не позволили присутствовать за обедом, что его страшно обидело. Вероятно мама с Франциком скоро поедут в театр смотреть Шекспира (в пятницу).

Как поживают Мальчик (2), Диана и Орелка (3), а также колодезь (4). Сегодня мы получили твое письмо от 31 числа, где про него ни слова. Из этого можно заключить, что воды не видать... Целую вас всех. Твой Сашура.

1896 г.

18.

С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

5 января, 1896 г.
Пятница.

Дорогая тетя Софа!

Сегодня мама хотела отправиться к Вам, но с утра чувствует себя очень плохо. У нее жар 37.8, и вероятно начинается инфлуэнца. Она простудилась.

Напиши пожалуйста, как чувствует себя Фероль?

Целую тебя.

Твой Сашура.

19.

ЕЙ ЖЕ.

16 марта, Суббота.
1896 год.

Дорогая тетя Софа!

У мамы очень болят глаза, а потому я пишу тебе за нее. Мы, к сожалению, не можем приехать к вам обедать потому-что я не совсем здоров. Вчера, придя из гимназии, я почувствовал себя скверно и лег в постель сейчас-же

после обеда. У меня сразу было 39.3°. Сегодня был Метропольский (1) и сказал, что у меня простой приступ перемежающейся лихорадки. После ухода Метропольского я встал, и теперь у меня вероятно уже нет совсем жара.

Очень жалко, что вы сами не можете приехать к нам обедать; нельзя-ли послать хоть одного Фероля к завтраку. Надеюсь, что ты его отпустишь!

Мы получили твое письмо сегодня, в конце обеда. Целую тебя, Фероля и Андрея.

Твой Сашура.

P. S. Пожалуйста, если отпустишь Фероля, скажи ему, что-бы он приезжал с портфелем редакции и со штемпелем (2).

Выходить мне не придется еще несколько дней, потому-что я буду принимать хину.

20.

МАТЕРИ.

Понедельник,
8 июля. 1896 г.
Нижний-Новгород.

Дорогая мамочка!

Я сижу теперь на квартире барона Пиляра (1), а Фероль моется с хохотом. Спали мы довольно хорошо, потому-что весь день ходили по выставке (2). Я не ожидал от выставки и от самого Нижнего такой цивилизации. В Москве сравнительно с ними такая пыль, грязь и духота, что ужас! Волга удивительно красива. Вообще

невозможно описать всех моих впечатлений. Лучше я расскажу их после!

От Подсолнечной мы ехали довольно хорошо. В Москве мы [пил] обедали на Николаевском вокзале, а потом переехали на Нижегородский, удивительно красивый, как снаружи, так и внутри. Сидеть здесь для тети Софы было настоящим мучением, но нам очень весело и приятно. Мы смотрели поезда и очень веселились. Наконец билеты были взяты носильщиком и мы дожидались поезда.

Он пришел с запасных путей на 40 минут позже, чем следовало. На полном ходу все бросились к вагонам и мы видели [из] через окна, как в вагонах I класса брали кресла с бою. Наконец мы по страшной толпе влезли в вагон и всю ночь просидели в ш е с т е р о м: мы, два англичанина и русский; о н и оказались очень любезными господами и потому мы все-таки спали, т. е. главным образом я; Фероль и тетя Софа спали [очень] довольно плохо.

Вчера весь день были на о ч е н ь интересной выставке, в конце обеда в ресторан „Эрмитаж" пришли Голицын, Трубецкой и Мюрат (3). Пока в экспертизе все удельные вина идут первыми (4).

Целую тебя. Очень тороплюсь идти в гостинницу. Твой С а ш у р а.

21.

Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

18 ноября, 1896 года.

Дорогая бабушка!

Поздравляю тебя со днем твоего рожденья. К сожалению, я могу приехать только в среду, потому-что много уроков. Заметь бумагу, на которой написано это письмо: ее подарил мне Францик. Сегодня все время я учил уроки, которых была масса: русское сочинение, физическая задача и др. Довольно сильно хочу спать, так-как двенадцатый час. Надеюсь, что тебе уже лучше. До свидания в среду.

Твой С а ш у р а.

невозможно описать всех моих впечатлений. Лучше я расскажу их после!

От Подсолнечной мы ехали довольно хорошо. В Москве мы [пил] обедали на Николаевском вокзале, а потом переехали на Нижегородский, удивительно красивый, как снаружи, так и внутри. Сидеть здесь для тети Софы было настоящим мучением, но нам очень весело и приятно. Мы смотрели поезда и очень веселились. Наконец билеты были взяты носильщиком и мы дожидались поезда.

Он пришел с запасных путей на 40 минут позже, чем следовало. На полном ходу все бросились к вагонам и мы видели [из] через окна, как в вагонах I класса брали кресла с бою. Наконец мы по страшной толпе влезли в вагон и всю ночь просидели вшестером: мы, два англичанина и русский; они оказались очень любезными господами и потому мы все-таки спали, т. е. главным образом я; Фероль и тетя Софа спали [очень] довольно плохо.

Вчера весь день были на очень интересной выставке, в конце обеда в ресторан „Эрмитаж" пришли Голицын, Трубецкой и Мюрат (3). Пока в экспертизе все удельные вина идут первыми (4).

Целую тебя. Очень тороплюсь идти в гостинницу. Твой Сашура.

21.

Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

18 ноября, 1896 года.

Дорогая бабушка!

Поздравляю тебя со днем твоего рожденья. К сожалению, я могу приехать только в среду, потому-что много уроков. Заметь бумагу, на которой написано это письмо: ее подарил мне Францик. Сегодня все время я учил уроки, которых была масса: русское сочинение, физическая задача и др. Довольно сильно хочу спать, так-как двенадцатый час. Надеюсь, что тебе уже лучше. До свидания в среду.

Твой Сашура.

1897 г.

22.

МАТЕРИ (1).

19 Августа. 1897.

Дорогая мамочка!

Все обстоит вполне благополучно. Ходить в гимназию страшно надоело, там нечего делать. Вот как мы провели сегодняшний день: мы хотели встать в $7^1/_2$ час., но Францик проспал. Я, выпив чай, ушел в гимназию, ничего нового там нет, кроме перемены формы, именно: на фуражках вместо С. П. В. Г. будет ПВГ (С не знаю где!). Это во всех гимназиях и очень безобразно. Уроки сегодня были такие: физика, латинский, зак. божий, русский и греческий. Ничего нового кроме моего разговора с Суровцевым (2).

Суровцев: Что вы делали летом по русскому языку?

Я: читал Достоевского.

С: что именно?

Я: то-то и то-то!

С. А сочинение писали?

Я. Нет, я был заграницей. (3)

С. Значит у вас не было времени заниматься русским языком (?)

Я сажусь...

Завтра будет латинский, математика, французский, гимнастика и греческий. В гимназии настолько много идиотизма, что у меня заболела

Александр Львович Блок, отец поэта
(1878 г.)

голова, впрочем прошла, когда я оттуда выбрался. Шел с Фоссом (4) и Гуном (5). Придя Францика не застал: он пришел через час и мы пообедали. Потом ушли запасные и некоторым из них Францик дал фотографии Грановского (6), где сняты: он, Грановский, Шершов, Лавренович (7) и др. Пообедав, я удрал в город за книгами, между-прочим был у тети Липы и сообщил ей, что мы будем в четверг у ней обедать. Видел Чехову (8) и прошел с ними весь Измайловский проспект. Они пошли на конференцию (9), а я сел на пароход и доехав до „Аниськина моста“ вошел в магазин Вольфа (10), где увидел Кучеровых (11). Купил книг на 5 р. 40 к., и еще придется купить. Ел мороженое у Андреева (12) и затем сел с ними на пароход, а у паровой конки расстался. Придя домой, застал Францика. Он писал отчетность. Сейчас будем пить чай. Если хочешь, я буду тебе писать подробно о каждом дне. Забавник маленький! (13) Францик зовет пить чай.

ДосвиШвеция! (14)

Твой Сашура.

Целую всех. Пожалуйста, напиши мне письмо.

23.

ЕЙ ЖЕ.

Петербург 20 авг. 1897 г.

Дорогая мамочка!

Описываю тебе опять подробно весь день. Завтра напишу еще и тогда пошлю письмо; сегодня было так: Францик встал позже меня

и, побывав на службе, отправился на Фурштадтскую (1), где все оказалось запертым. Тогда он побывал в Департаменте Уделов и в обществе (2). Говорят, что мундир мне можно сшить через неделю, а сукно купить по 2 р. 50 к. Таким образом мундир обойдется около 20 рублей. Штаны и фуражка уже заказаны и будут готовы в день твоего приезда (в воскресенье). Потом Францик вернулся к нашему обеду (в 4 часа) почти вместе со мной. Я был опять в гимназии. Математик замял дело о задачах. Пишу тебе расписание наших уроков: понедельник: история, греческий, латинский, космография, франц. Вторник — написано уже в прошлом письме. Среда: латин., матем., франц., гимн., греческ. Четверг: история, лат., греч., русск., немецк. Пятница: зак. бож., русск., греч., физика, лат. Суббота: матем., русск., немецкий, франц. и греческий. Математики страшно мало (2 урока в неделю), поэтому придется повторять по многу. Сегодня на французском языке кричали: Vive la France! Vive Felix Faure! (3). Француз был доволен и благодарил. Он знает, где Наугейм (4), чего я не ожидал от него; он дурак вообще. На гимнастике нам сказали, что мы основа гимназии, на что мы отвечали мяуканьем (по обыкновению!). Космографии учитель новый, зовут его „сиамец", говорят он свинья... это покажет будущее! Уроки уже задают, к четвергу я учил первую главу „Мертвых душ", устройство греческого театра и биографию Тита Ливия. Грек и латинист по прежнему благоволят (5) ко мне. Кучеров притащил из Финляндии огромный финский нож и подарил его мне. Галкину он

подарил такой-же. Он очень удобен для роли Ромео (6) (то-есть не Галкин, а нож). Мы было сидели в старом классе, но нас переводят в помещение восьмого. Там мы будем сидеть в своей компании, а именно. Направо Кучеров, затем по сторонам Галкин, Лейкин, Фосс, Гун и др. Класс огромный (для 8-го) 34 человека! Выпуск будет особенно большой. Вот все новости. Придя домой, мы пообедали с Францикам был бульон, курица и чай. Я выучил уроки и пошел шататься по городу, будучи в отвратительном настроении. Вернулся в 9-ом часу. Францик чувствует себя неважно: у него ломит опять спину и бока. Я думаю, что это от сырой погоды и от того, что он много ходил. Погода сырая и днем шел дождь. Грязь порядочная, но тепло. У меня приходит конец этой почтовой бумаге, а междутем она очень удобна. Нельзя-ли еще купить такой? Сейчас мы будем пить чай. Завтра я докончу письмо и пошлю его. Новый деньщик Иван довольно симпатичный, но грязноватый. Вообще в квартире все очень хорошо. За чаем мы едим холодное мясо, так как рано обедаем. А обедать рано удобно, потомучто остается много времени потом. Сегодня я ехал в конке и видел артиста и артистку. Они ехали на Финл. вокз. и рассуждали о том, как трудна какая-то партия и о других интересных вещах. Я получил два письма от Фероля и написал ему еще одно. Андрей тоже писал мне. Гимназия надоедает страшно, особенно с тех пор, как я начал понимать, что она ни к чему не ведет. (Вошел Босик (7), затяпав лапами). Ты просила меня писать про настроение: оно было все время

хорошее, но теперь скверное, отчасти от погоды, а также от других причин. Гимназия страшно плебейская (8) и совсем не вяжется с моими мыслями, манерами и чувствами. Впрочем чтожь? Я наблюдаю там типы купцов, хлыщей, забулдыг и проч. А таких типов много, я думаю больше и разнообразнее, чем в каком нибудь другом месте (в другой гимн.). Однако повидимому на завтрашний день не остается места, а потому посылаю письмо сейчас-же. Целую тебя очень крепко и желаю скорее видеть. Пожал., напиши. Твой Сашинька.

24.

ЕЙ ЖЕ.

Петербург, 21 авг. 1897 г.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе на последнем листе бумаги. Письмо это вероятно уж последнее и ты получишь его на станции (1)? Мы с Франциком только что вернулись в конках от тети Липы, которая закатила нам обед следующий: селедка, редиска, суп с пирожками, цветная капуста, жар. курица и арбуз! При этом я выпил бутыль пива и еле мог двигаться. Днем Францик был на Васильевском остр., но очень поздно, так как шел сильный дождь большую часть дня. В гимназии было следующее: я уселся в своей компании окончательно на самое лучшее место класса. Это у стенки и в уютном уголке среди столиков: при случае можно соснуть, списать и спрятаться! Все

это неоцененные качества, но это место досталось нам не без больших скандалов. К концу урока истории дело однако уладилось. Нам дали теперь специальные дневники для записывания уроков. Еще будет книжечка для балов и проч. чепуха. Суровцев читал удивительно интересную статью о Гоголе, где описывается его жизнь. Статья к удивлению написана, хотя и со школьными приемами, но не усыпительно. Устройство греческого театра забавно; вообще уроков я не учу. Придя из гимназии, съел 3 репы (2). Комната моя почти убрана, но лень особенно ей заниматься. Францик чувствует себя уже лучше, чем вчера, но к вечеру довольно устал. Я также неизмеримо хочу спать. Поэтому, прекращаю письмо тем более что новостей никаких нет. Очень скоро мы увидимся. До свидания. Целую всех.

Твой Сашура.

1898 г.

25.

Е. Г. БЕКЕТОВОЙ (1).

О, бабушка!

Прости меня, что конверт и бумага разные. Сию минуту мы с „мамою“ (2) сочинили стихи за завтраком, кои считаю долгом и обязанностью своей священной Вам препроводить. Вот стихи:

Если хочешь Ты лимону,
Можешь кушать апельсин,
Если любишь Антигону,
То довольствуйся, мой сын,
Этой Феклой престарелой,
Что в стряпне понаторела.

11 апреля, 1898 г.
Суббота.

„ИЗ БОДЛЭРА“ (3).

Посмотри на альбатроса,
Закуривши папиросу,
Как он реет над волной...
Повернись к нему спиной,

Чтоб от дыму папиросы
Не чихали альбатросы,
Вон вдали идут матросы,
Неопрятны и курносы...
Затуши ее скорей,
А не то потухнуть ей
От дыхания матроса...
Не кури-же папиросы...

26.

МАТЕРИ (1).

Дорогая мамочка, мы доехали прекрасно спали не очень мало, приехали во время, уже теперь устали от беготни по городу, сейчас собираемся кутить. Погода сначала была неважная, шел дождь, теперь небо совсем чистое и свежо. Завтра утром выезжаю в Шахматово, денег, вероятно, не останется ни копейки, осталось уже не очень много, еле могу доехать.

Твой Саша.

Всему этому виноват я—Кока, совращаю Сашу с пути истинного (2).

На обороте: С.-Петербург. Петербургская сторона, казармы Л.-Гв. Гренадерского полка кв. 2. Ее Высокоблагородию Александре Андреевне Кублицкой Пиоттух.

27.

ЕИ ЖЕ.

5 июня. 1898.

Дорогая мамочка!

Видишь, какой я молодец, наконец написал письмо матери, да еще с Нижегородского вокзала тоже написал. Вообще писать слишком много не стоит, я лучше расскажу о том, как мы с Кокой были пьяны „вдрызг" и какая была оперетка. Привожу только выдержку:

Без женщины мужчина,
Что без паров машина,
Что без пули
пи́столет,
Мешок пустой,
Куль,
Нуль, нуль, нуль.

Хор: Нуль, нуль, нуууль!!!
Нет, полковник мой прекрасный,
Генерал мой дорогой,
Не пирожник я несчастный,
Я не маклер биржевой!

Вообще день мы провели очень весело, истратили все деньги, и Кока проспал поезд. Я же [проспа] приехал в Шахматово в 2 часа, всю ночь спал, как убитый и сегодня в настроении довольно порядочном. Сегодня приехал дядя Адась. Очень лень писать, ибо погода прекрасная, а вчера было 4° и ветер с дождем. Целую тебя и Францика.

Сашура.

P. S. (1) Я уже почти протрезвился.

28.

ЕИ ЖЕ (1).

Дорогая мамочка!

На поверку вышло, что мы остались в Дедове (2) еще на один день по просьбе Маруси (3) и меня. Мне кажется, что все приняли нас очень любезно, впрочем тебе напишет об этом тетя Маня (вероятно), т. к. я как-то не могу судить об этом. Маруся кажется еще совсем не барышня, хотя я ей это и говорю очень часто. Она просто довольно симпатичная девочка, с ней можно много разговаривать, мы с ней часто гуляем, уже два вечера загуливались немного слишком долго, что ей очень нравилось, т. к. мы гуляли под ручку, она-же поэтому чувствовала себя на положении барышни.

Ухо мое все еще глухое, сплю я [еще] очень хорошо, приехал дядя Коля (4) (вчера). Завтра днем уезжаем в Трубицыно (5). Мне довольно весело (хотя и не все время), чувствую я себя вообще очень порядочно. Поговаривают на счет спектакля, кажется моя декламация нравится.

Обожающий тебя Саша.

P. S. (6) Надеюсь, Аля, что ты дашь нашему Сашуре 5 рублей 99 коп. на поездку в августе.

Я очень тебя благодарю за 5 рублей, котор. ты мне дашь (7).

29.

ЕЙ ЖЕ

Утро 7 авг. (1)

Дорогая мамочка!

Еще чай неготов, а потому пишу тебе утром; когда я приехал сюда (с Марусей, Эльзы (2) еще не было) мы оба страшно устали, и, кроме того была такая невыносимая скука, что я очень хотел попасть в Шахматово. Маруся надоела мне хуже горькой редьки. К счастью на другой день приехала Эльза, веселая и разбитная девчонка, стало немного повеселее. Спектакль отложен до 9 авг., так как тетя Саша больна, у нее расстройство желудка и жар. В общем скука, хотелось бы поскорей приехать в Шахматово, хотя все очень любезны и внимательны. Играть будут сцену у фонтана (3), сцену с Монгомери (4) и Женитьбу Гоголя (часть 1 действия). Я буду играть Подколесина, Сережа (5)—Степана, Эльза—сваху. Как видишь я совсем раскис, хотя чувствую себя очень хорошо. Сережа—мальчик очень симпатичный и славный. Соловьевы (6) приехали 1 августа и очень милы. Все жалеют, что ни тебя, ни тети Мани нет, почему-то думали, что вы непременно приедете, врут вообще достаточно, кроме Соловьевых, которые сдержанны и сидят в своем флигеле (7). Тетя Оля (8) собирается написать тебе письмо, чтобы я привез его с собой. 10-го непременно приеду, к несчастию не раньше. Если от Коки будет письмо, распечатай его и посмотри, когда он приедет, я же приеду [вероятно] утром. Писать больше нечего. Целую всех вас крепко.

Твой Сашура.

30.

ЕЙ ЖЕ (1).

Петерб. вокзал.

Дорогая мамочка! Доехал очень хорошо в веселой компании, хотя спал сидя, но хорошо, поезд был битком набит. Сейчас еду в казармы (2). Напиши поскорей. Целую тебя крепко.

Твой Саша.

На обороте рукою бабушки Е. Г. Бекетовой: Станция Подсолнечная Николаевской ж. дор., с. Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

31.

ЕЙ ЖЕ.

25 авг. (1).

Дорогая мамочка!

Я в чудном настроении. Мне нравится, как Петербург, так и квартира наша и вообще все. Квартира в порядке, очень хорошо и чисто, но Паша (2) все бегает и беспокоится. Вчера я уже заказал Дмитриеву брюки (15 рубл.), тужурку (не из диагонали, а из гладкого кастора (25 р.) и пальто касторовое (55 р.). Сюртук, если нужно будет скоро явиться к ректору, о чем сейчас узнаю в Университете, закажу сегодня-же, вместо тужурки. Он стоит 40 рубл. (без брюк). Дмитриев очень любезен и обещает все сделать наверное к 31 августа. Фуражку заказал в Обществе, она будет готова 29 августа. Кроме того я вчера стригся и зашел за Феролем в гимназию, но его уже не было, и я прямо пошел на Фурштадтскую, где меня так накормили, что я долго не мог опомниться. Mademoiselle (3)

страшно потолстела и даже, как будто похорошела (?!). В общем я только все время [не] радуюсь, что я не гимназист. Из сегодняшней газеты видно, что им несчастным запрещено ходить по праздникам по Невскому, Вознесенскому и Морской даже днем!

Сейчас, по дороге в университет зайду в гимназию и узнаю, когда акт, а потом за билетом в Александринку на „Горе от ума"—30 авг. Паша просит написать, что все хорошо, что, впрочем, я вижу и без нее. У дяди Адася масса дела, он разъезжает и дома почти не бывает, на днях опять поедет в Тверскую губернию на торги. Тетя Софа чувствует себя довольно порядочно, Андрей почти поправился, они с Феролем очень веселы. Буля (4) похож на Александровскую колонну, увидев меня в штатском, испугался и был со мной почтителен. Коля Енишерлов (5) опять был вчера вечером у т. Софы, на днях едет в Урлейку (6). Сейч. иду в Универс. Целую тебя и жду.

Твой Саша.

32.

ОТЦУ.

Милый папа! (1)

Я все не мог собраться написать Вам; вообще я слаб насчет писанья. Теперь пишу и поздравляю Вас с днем Вашего рожденья.

Теперешней своей жизнью я очень доволен, особенно тем, конечно, что развязался с гимназией, которая смертельно мне надоела, а образования дала мало, разве „общее". В Университете конечно гораздо интереснее, а кроме того очень сильное чувство свободы, которую я, однако, во зло не употребляю и лекции посещаю аккуратно. Относительно будущего пока не думаю, да и рано еще мне, кажется, думать о будущем.

Из лекций меня интересует история русского права, благодаря, вероятно, Сергеевичу (2), который читает очень популярно, даже немного элементарно. Единственный дурно читающий профессор—Петражицкий (3), который отвратительно говорит по-русски и сыпет иностранными терминами, не объясняя их, хотя следовало бы ему всетаки помнить, что мы—гимназисты 8-ого класса и еще не привыкли к научному языку. Георгиевский (4) и Ефимов (5) читают ровно и очень недурно.

Теперь я довольно часто бываю у Качаловых (6) (по субботам), где все со мной очень милы и любезны. Близко познакомился с кузинами и постоянно провожу с ними время. Кроме того, бываю у Менделеевых (7), с которыми коротко познакомился летом, когда они устраивали спектакли, и я очень много играл и имел даже некоторый успех. Провожу довольно много времени с моим другом Гуном, который теперь на другом факультете, постоянно гуляю по Петербургу, вообще очень весело и приятно провожу время, пишу стихи, иногда пытаюсь писать прозу, но у меня ровно ничего не выходит. Пока еще мое времяпрепровождение довольно водянисто и писать совсем нечего.

Ваш Саша.

$18\frac{18}{X}98$ г.

1899 г.

33.

ОТЦУ (1).

Милый папа!

Бабушка (2) передала мне о Вашем желании получить от меня письмо в том случае, если мне понадобятся деньги. Вы посылаете мне 400 (3) рублей в год, в нынешнем году я получил от Вас 350 рублей. Значит, остается дополучить 50. В эту минуту деньги очень нужны мне, так как осенью всегда бывает особенно много расходов. В Университет за первое полугодие я уже внес (44 рубля). Мне предстоит купить несколько необходимых книг и несколько обновить свой костюм, так что, если это не затруднит Вас, то пришлите мне остающиеся 50 рублей, за что буду крайне Вам благодарен.

Что касается Университета, то II-ой курс мне гораздо интереснее I-ого, да и профессора в общем читают как-то занимательнее. Впрочем, может-быть я уже привык к университетской жизни вполне, и потому мне легче слушать лекции. Наиболее интересуют меня русское и государственное право. Последнее придется проходить по курсу Коркунова (4), чего я несколько боюсь, так как слышал, что он трудно написан.

Никакой „обструкции" пока нет, все спокойно. Сходки назначались, но не состоялись, впрочем поговаривают об этом все более и более серьозно. Может-быть что-нибудь и будет, но, по моему мнению, во всех случаях что-нибудь не особенно умное.

Я совершенно здоров, был у Качаловых два раза, но теперь мне предстоит очень много дела, так что не знаю, буду-ли бывать у них так часто, как в прошлом году. Думаю посократить слегка свой „светский" образ жизни и заниматься, тем более, что занятия могут быть интересны и увлекательны. Экзамены будут трудные (по слухам, которым не всегда можно доверять, особенно, если их распускают студенты; впрочем на этот раз, кажется, слухи справедливы).

До свиданья, целую Вас.

Ваш Сашура.

18 $\frac{20}{\text{VIII}}$ 99. (5)

С. Петербург.

34.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа,

очень Вам благодарен за присылку денег, даже значительно больше обыкновенного. Это мне теперь очень кстати, потомучто в прошлом году было сделано много платья, за которое приходилось выплачивать портному. Теперь уже долг остается очень незначительный. Я, хотя

и был вторично у Качаловых, но бабушке денег еще не передал, впрочем это успеется до Рождества.

Вы хотели узнать насчет „новых“ практических занятий. Достоверно еще ничего не известно, но я слышал от Грибовского, что факультет выработал шесть предметов, какие, перечислить в точности не могу. У нас будут практические занятия или по государственному праву, или по истории русского права (а может-быть и то и другое?). Во всяком случае все это еще предстоит и вероятно будет много дела и с этим. Покамест я довольно усердно занимаюсь государственным правом по курсу Коркунова, слушаю Ивановского (1) без пропусков, а за все остальное еще не принимался (т. е. только слушаю остальные лекции). Сравнительно с прошлым годом, у меня выработалась некоторая привычка к сосредоточению, ктому-же больший интерес. Читают хорошо все, кроме Кауфмана (статистика), которого я даже бросил совершенно слушать, такую скуку он наводит.

Относительно светских отношений (визитов и пр.) воздерживаюсь, т. е. довожу их до минимума, чтобы не развлекаться. К Гардерам (2) зайду непременно, да и еще придется, кое-куда зайти.

Досвиданья.

Ваш Сашура.

7/x—99 г.

35.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа!

Вчера и третьего дня я был у Качаловых и узнал следующее: 25-ого утром у бабушки был апоплексический удар—кровоизлияние в мозг, причем отнялась правая сторона и язык. Впрочем, доктора говорят, что опасность миновала, так как второй удар обыкновенно повторяется в течение 24-х часов после первого.

Выздоровление пойдет во всяком случае медленно, вчера днем бабушка была еще в бессознательном состоянии; скоро я опять зайду туда узнать об ее здоровьи.

Бабушка теперь лежит в комнате кузин; за ней ухаживают домашние, Петр Львович (1) и Александра Николаевна (2). Удар произошел очевидно от склероза; сначала, повидимому, отнялся язык, потому что бабушка утром подошла к Николаю Николаевичу (3) и хотела что-то сказать ему, но не могла. Она собиралась идти в церковь. Затем она прошла в комнату кузин, и там уже они положили ее, так как у нее отнялась правая сторона. Бессознательное состояние, говорят доктора, продолжается не долее 3-х дней; затем начинается медленное всасывание.

Ваш Сашура.

27/xii 99.

1900 г.

36.

ОТЦУ.

Милый папа!

Прошу Вас, если можете, прислать мне теперь те деньги, о которых Вы говорили, так как мои денежные средства приходят к концу; пришлось взять отсрочку в Университете.

Лекции у нас начались очень поздно—15 января, что несколько повлияло на мое умственное настроение, так как на Рождестве я ничего не делал и настроился более в сторону искусства (преимущественно драматического теперь), чем науки. Впрочем теперь я вхожу в курс лекций и стараюсь по мере возможности совмещать приятное с полезным; [Впрочем] пока это несколько трудно, потомучто я поступил в „Петербургский драматический кружок" и мне дали большую драматическую роль первого любовника в скверной пьесе, которую я буду играть 6 февраля в зале Павловой (1); считки, репетиции, а главное мысль об исполнении такой ответственной роли берут у меня, конечно, время; однако, я аккуратно хожу на лекции и немного занимаюсь дома.

Стихи подвигаются довольно туго, потомучто драматическое искусство—область более реальная, особенно, когда входишь в состав труппы, которая, хотя и имеет цели нравственные, но, неизбежно, отзывает закулисностью, впрочем, в очень малой степени и далеко не вся: профессиональных актеров почти нет, во главе стоят присяжные поверенные. Во всяком случае время я провожу очень приятно и надеюсь получить некоторую сценическую опытность, играя на большой сцене. Несмотря на все это, начинаю подумывать об экзаменах и университетских репетициях, а также практических занятиях по русскому праву, которые начнутся у меня 25-ого (обязательные). В чем они будут состоять—пока неизвестно. У нас на IV семестре ими руководит Грибовский; во всяком случае, едва-ли они будут теперь особенно сериезны и трудны, чему, может быть, поспособствуют 8 февраля (2), Грибовский и весна.

Целую Вас,

Ваш Сашура.

22 января 1900.
С-Петербург.

37.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа!

Очень вам благодарен за деньги (275 р.), которые я получил от дяди Пети (1); я провел там вечер в воскресенье 30 января.

Что касается спектакля и практических занятий, и тот, и другие обманули мои ожидания; спектакль отложен вероятно на 2-е марта, репе-

тиции пока прекратились, и я занимаюсь „Жалованной грамотой дворянству“, что требуется для практических занятий, которые оказались еще пустее, чем я предполагал. Грибовский, у которого мы занимаемся 2 (т. е. 1 ½) часа в неделю, задал прочесть по курсу Латкина о „Жалованной грамоте“ и спрашивает на практ занятиях „в размерах курса“, причем кто-нибудь читает статьи „Грамоты“ по порядку. Вопросы его часто бессодержательны, а если под ними кроется что-нибудь серьезное, то, обыкновенно, большинство молчит. Если кто прочел несколько статей (для чего требуется единственно уметь читать по-русски), его спрашивают, „не утомился-ли он?“ и ставят крест. Получившие несколько (?) таких крестов допускаются к экзаменам. Иногда бывает весело, именно, когда Грибовский рассказывает анекдоты. Впрочем, он уже сильно выдохся и далеко не производит впечатления благоприятного в смысле остроумия и глубокомыслия. Я еще пока не читал, а только присутствовал при чтении, но, в следующий раз, не откажусь получить крест, если будет можно. Теперь один из назначенных вторников пропускается, благодаря 8-му февраля, о котором носятся разноречивые и смутные слухи, впрочем не только неблагоприятные (2).

До свиданья.

Ваш Сашура

4 февраля 1900 г.

38.

С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

5 сентября 1900.

Дорогая тетя Софа!

Очень тебе благодарен за письмо, поздравления и пожелания, которые застали нас с мамой еще в Шахматове. Даже письмо, которое ты послала маме в Петербург (1),—Францик переслал сюда. Теперь 5-ое сентября, а мы все еще сидим здесь, впрочем мама уже поговаривает, что пора было уезжать раньше, но мне здесь довольно приятно. Завтра 6-ого мы уезжаем, наконец, с надеждой видеть вас на будущий год в Шахматове (об этом я не пишу ни Феролю, ни Андрею,—ты вероятно не очень льстишь их надеждами на этот счет, а между тем из твоих последних писем видно, что это может случиться, благодаря тоске по родным и России, отсутствию сколько нибудь порядочной дачи и пр., и пр.). Не очень, повидимому, выгодно для Томской губернии сравнение ее с Московской, а особенно уж ваши места не много говорят за себя! Остается только надеяться на то, что вы на будущее лето будете здесь, а пока привыкнете немного и к Барнаулу, чего особенно желаю тебе, потомучто и Фероль и Андрей перенесут все гораздо легче и безболезненнее.

В Шахматове, по обыкновению, замечательно красивая, хотя сероватая осень. Дождя не очень много, удается часто (особенно мне) быть на воздухе, а мама и тетя Маня привязанные к диде (2), иногда уходили от него в период молотьбы ржи и овса, теперь-же опять почти не выходят,—

правда, холодно. Рожь убрана прекрасно, овес немногим хуже, но урожай ниже среднего (около сам 5). И мама стала принимать большое участие в хозяйстве после длинных известных тебе разговоров с бабушкой. Теперь работы кончены, мамины нервы расстроены, конечно причин этому очень много, кроме хозяйственных. С Иваном (3), который остается на зиму и от времени до времени поражает своим идиотизмом, заключен в некотором роде, юридический акт, именно, составлен инвентарь и хранится у бабушки за его подписью; впрочем в инвентаре непоследнее место занимают сломанные тарантас и плуги, и другие вещи, или испорченные или стоющие сами по себе от 2 до 6 копеек; Иван, слава богу, пока принимает все это сериезно и считает „безгрешным делом“. Не думаю, однако, чтобы вы отказались принимать участие и присутствовать при всем этом. При ближайшем рассмотрении оказывается сложным для неопытных людей и Шахматовское хозяйство, требующее любви и труда.

Всякие подробности вероятно пишут тебе мама, бабушка и тетя Маня. Пока всех нас занимает это хозяйство и я лично, несмотря на завтрашний отъезд и полную перемену обстановки, брожу кругом и мало представляю себе университет. Скоро все это переменится и „образ Шахматова утонет в грохоте Петербурга“.

Желаю вам всем счастья, здоровья и привычки, надеюсь видеть вас через 9 месяцев. Целую тебя, дядю Адася и детей, целую твою руку, до свиданья.

Твой Сашура.

39.

ОТЦУ.

26 сентября 1900.

Дорогой папа!

Я узнал только третьего дня у Качаловых, что вы прислали ваши лекции и статьи мне, потомучто они показывали их мне, но сами не знали, кому они предназначены. Именно потому я и не писал вам о том, что получил их, и теперь, хотя еще не принес их к себе, тороплюсь вам написать и очень благодарю за них и за деньги; не знаю, когда мне удастся прочесть все это, потомучто кроме специально университетских юридических наук я занимаюсь теперь историей философии вообще (которую слушаю у Введенского (1) 3 часа в неделю) и специально Платоном по Льюису и переводу подлинника Вл. С. и Мих. С. Соловьевых (2),—насколько позволяет мне это время, занятое нерациональными, но часто приятными родственными посещениями. К томуже и настроение не может всегда совпадать с чистотой диалектической мудрости Платоновых творений, а тем более с далеко не всегда научными курсами Сергеевича, Латкина и других. Все это последнее часто кажется разбавленным водой, но тем не менее трудно уловимым и запоминаемым после отвлеченнейшей логики и философии. Программа II-ого курса значительно увеличилась теперь сравнительно с прошлым годом,— не ведет ли это к уничтожению государственных экзаменов? Прибавили историю философии права и особенную часть догмы римского права заменили общей, не говоря уже о практических

занятиях, которые мне лично очень не по-нутру; к тому-же новые формальности в университете ведут к ужасной неурядице и напоминают мне „волокиту“. Практ. занятия до сих пор висят в воздухе, я еще на них ни разу не был. Надеюсь заменить их конспективным изложением какого-нибудь сочинения по русскому праву, что также предлагается и практикуется, напр. у Грибовского, избегнуть которого надежды не имею. Наиболее интересным, но зато и очень трудным для слушания предметом мне кажется история философии права; слушаю я конечно Петражицкого, к которому уже привык отчасти на I-ом курсе; он начинает сериезно интересовать меня, как философ; очень расхолаживает к слушанию лекций г-н Кауфман (статистика); я еще никогда не слышал ничего более бессвязного и беззубого, чем его изложение, да и сама статистика для меня нисколько не интересна. По государственному праву я записался к Дымше, который мне нравится до некоторой степени. Вообще же чтение лекций возбуждает во мне скептицизм, что неудивительно при нынешней бесталанности и халатности профессоров. Приходится радоваться далеко не совершенным Сергеевичу и Петражицкому,—лучше их я себе представить пока не могу. Впрочем и большинство студентов также не нормально относятся к чтению и слушанию лекций. Однако, пока я слушаю почти все. Еще раз благодарю вас, папа, до свиданья.

Ваш Сашура.

40.

С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

Дорогая тетя Софа.

Поздравляю тебя с днем твоего рождения, желаю тебе всего самого лучшего и благодарю тебя за очень ласковое письмо. У нас не очень-то много новостей, как и у вас, особенно последнюю неделю, когда мама нездорова и никуда не выходит еще (у нее кончается инфлуэнца), да и у нас не бывает особенно много народу, что, впрочем, имеет свои большие достоинства— без недостатков, с моей точки зрения. На днях приедет дядя Лука, и тогда начнется порядочная кутерьма, что впрочем, я думаю, тебе известно. Бабушкино рожденье прошло в этом году ужасно бледно, почти никто ее не поздравлял в этот день, были, конечно, Ольга Юрьевна с детьми (3-мя!) (1), Евг. Осипович (2), m-lle Эмилия Железнова (3), и даже Гущины (4) спутали день и не пришли. Я обедал там, но после обеда удрал, так как мне нужно было попасть в Зал Павловой для того чтобы аплодировать новой знакомой барышне, соучастнице наших литературных вечеров, по фамилии Лучинской. Хотя и не очень было хорошо удирать от бабушки и тети Мани, но они поощряли и я с опозданием прибыл в зал Павловой,—„ибо наступила черта моя,—а я прирожденный скот!“ как говорит Мармеладов.

Теперь на очереди дидино рожденье, и мама может быть будет там, сильно закутанная, впрочем, еще не наверное, она сильно кашляет и

насморк у нее, а, главное, после инфлуэнцы отчаянное состояние нервов и настроения, что почти всегда бывает при этом. Приходит к нам Катя Хрусталева (5) и происходит „мелодекламация“ (с моим-то слухом!), впрочем, говорят недурно, она как-то подыгрывает под меня, а я без всякого с ней соображения, говорю стихи. Во всяком случае иногда это оживляет и отвлекает, маме нравится, Катя хохочет, болтает, иногда и вздор, но живой и полезный, что и требуется, потомучто мы с мамой частенько „находимся по отношению к земному в меланхолическом состоянии“ (выражение Феролем, очень меткое). Вероятно и вы в Барнауле разделяете наши настроения, притом на довольно реальной почве, вполне себе представляю это. Marie (6) также приходит, очень много говорит по французски, убедительно, но не всегда с русской точки зрения понятно. Она грустит о вас и вообще не очень веселится. Веселиться-то вообще трудновато, зима встала, небо большей частью серое, а Петербург всё, как всегда волнуется, шумит, впрочем от нас довольно далеко, и „раскрывает объятия театров и магазинов“, а Платон и Христос говорят о бессмертии души, в университете внушают юридические и другие науки. Не очень то я часто бываю в Университете, а если и бываю, то слушаю лекции Введенского истории философии вообще (а не права!)—и только. Больше занимаюсь дома по прежнему, нахожусь в общении с Гиппиусом (7), который умен и часто интересен, вообще вполне противоположен Коке Гуну и пр. „их-же имена ты веси, господи“.

Таковы эскизы нашей жизни в самых общих чертах, извини, пожалуйста за крайне непоздравительное письмо мое, но „такова уж черта моя!“ Очень хочу видеть вас всех, целуй от меня дядю Адася, Феролям и Андрея. Целую тебя, до свиданья.

Твой Сашура.

23/XI 1900.

41.

ОТЦУ.

Милый папа!

Благодарю Вас за переданные мне дядей Петей 250 рублей, которые я получил вчера, потомучто несколько дней не собрался придти за ними.

Что касается моих занятий, то они идут по прежнему, т. е., также, как и в прошлом году с той разницей, что университетские успешнее. Я уже успел прочесть курс истории русского права, начал Коркуновский курс госуд. права, пишу взамен практических занятий реферат, т. е., конспект книги Петровского „О сенате в царствование Петра“. Остается еще довольно много дела, так что занимаюсь более или менее правильно, насколько позволяет мне это петербургская жизнь, сопряженная всегда со многими удовольствиями, из которых особенно меня привлекает декламация; декламировать приходится довольно много у разных знакомых, может-быть удастся также играть современем, что мне также

очень желательно, потомучто я давно не играл. Философские занятия, по преимуществу Платон, подвигаются не очень быстро. Все еще я читаю и перечитываю первый том его творений в Соловьевском переводе—Сократические диалоги, причем прихожу часто в скверное настроение, потомучто все это (и многое другое, касающееся самой жизни во всех ее проявлениях) представляется очень туманным и неясным. Иногда совершенно наоборот (реже, конечно), и это главным образом после известного периода целесообразных занятий, когда все приходит в некоторую логическую систему. Читаю посторонних книг вообще мало, но, вообще, стараюсь занимать свое время всегда так, чтобы не быть вполне праздным, не знаю, в какой степени это удается. Не могу сказать, чтобы все давалось без труда, многие мои прохождения с ним связаны, хотя и не всегда в прямом и точном смысле. В университет я уже не хожу почти никогда, что кажется мне правильным на том основании, что я второй год на втором курсе, а кроме того и слушание лекций для меня бесполезно, вероятно, вследствие, между прочим, моей дурной памяти на вещи этого рода. Стихов пишу немного и нерационально, потомучто не имею в виду их печатания. Вот все мои занятия на поприще ума и темперамента, к ним можно прибавить общую петербургскую жизнь с постоянной суетой. Летом можно больше углубляться в самого себя и числить. Целую Вас, папа, до свиданья, ваш

Сашура.

1/XII 1900.

1901 г.

42.

М. А. БЕКЕТОВОЙ.

Тетя, тетя (1)! Вот адрес Панченки (2):

Berlin W.
Genthiner Str. 28.
Hof-Parterr. Rechts.

Не очень-то советую туда писать—пожалуй он оттуда уже уехал. Адрес Покровского (3): В. О. 1-ая линия, 54, кв. 15.

Маменька кланяется. Францика сегодня не видел—он на смотру.

На след. странице приведено стихотворение Ал. Блока с эпиграфом из Симеона Полоцкого.

Твой доброжелатель.

26 апр. 1901.

На обороте стихотворение:

Права русского историю (4)

43.

ОТЦУ (1).

Милый папа!

Не сразу отвечаю Вам на письмо, в чем очень извиняюсь. Это происходит оттого, что я приготовлялся к экзамену истории русского права,

а собраться с мыслями в такое беспокойное время очень трудно. Сегодня, наконец, я выдержал этот экзамен (получил у Латкина 3)— предпоследний; остается еще одна статистика, которая, однако, задержит нас с мамой в городе еще за 22 мая.

Что касается подробностей учебных волнений, то я знаю о них также большею частью по газетам (самое точное?). Частные-же слухи до такой степени путанны, сбивчивы и неправдивы, а настроение мое (в основании) так отвлеченно и противно всяким страстям толпы, — что я, едва-ли, могу сообщить Вам что-нибудь незнакомое. Потому-же, между прочим, а также по некоторой свойственной моему духу неподвижности, я за эту зиму ни разу не посетил ни судебных, ни дворянских, ни городских учреждений. Впрочем, я наверстаю это в будущем; ибо подобное провождение времени не чуждо и привлекательно для меня и заключает в себе поэтическое, философское и актерское. Теперь-же трудно вводить еще и это в круг совершающихся событий; тем более, что весна почуяла свою силу и отозвалась на моем настроении в высшей степени. Пора свести городские счеты и временно перейти в созерцательность.—Мама благодарит Вас за поздравление.

Ваш Сашура.

2 мая 1901.
С. Петербург.

44.

С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

Дорогая тетя Софа!

Благодарю тебя очень за то, что ты всё обо мне заботишься и беспокоишься—все думаешь о моих развлечениях. Мне бы хотелось вас увидеть и путешествовать с вами в горах, но дело в том, что мы решили, что моя теперешняя поездка в Барнаул была бы несвоевременна по следующим причинам: прежде всего, в Шахматове нас очень уж мало и отсутствие мое было бы очень заметно, особенно, если принять во внимание неприятное (хотя, по моему, не имеющее особого значения практического) письмо (1), полученное бабушкой. Я уверен, что я составляю некоторую нравственную гарантию безопасности, хотя и не могу, конечно, спасти, например, от поджога; а впрочем, от него и никто не может спасти и мы не убереглись бы, будь десять мужчин в каждой комнате. Такова главнейшая и благоразумнейшая, по моему, причина. Другая состоит в том, что, при назначенном вами огромном маршруте и огромных расстояниях отсюда до вас, я рисковал бы вернуться в конце августа и чуть не прямо в Петербург, а это в высшей степени нежелательно ввиду также и вышеуказанного. Что касается окружающей нравственной атмосферы, то я не угнетен ею, ибо у меня много рессурсов—книг, мыслей, а также спектаклей и репетиций. Только что миновал один спектакль (о котором, я думаю, тебе писала мама), оставивший мне прекрасные впечатления. И вообще, я доволен окружающим настоящим, да,

в сущности, это и естественно, потому что, кроме диди, около которого я мало бываю, все располагает к пользованию жизнью. Другое дело,— мама и тетя Маня,—они угнетены, и то, впрочем, находят случаи восхищаться и радоваться, „будучи по природе не лишены чувства справедливости“, как сказал про себя Вл. Соловьев. Очень, еще раз, благодарю тебя, крайне жалко, что мы теперь не увидимся, но причины на это, как видишь, довольно серьезны. Целую вас всех крепко, желаю всем быть довольными путешествием, а тебе не очень устать.

Твой Сашура.

Шахматово.
5/VII 1901.

45.

ЕЙ ЖЕ.

Дорогая тетя Софа, благодарю тебя очень за поздравления и пожелания. В свою очередь поздравляю тебя и желаю всего, что только может быть тебе приятно. Как видишь, я до некоторой степени воспользовался твоим разрешением и „подгоняю“ к 17-ому (1). Теперь так мало материалов для писания, что ответы Феролю и Андрею я даже откладываю до Петербурга, куда после завтра мы едем. Там сразу ожидают нас всевозможные новости и, по обыкновению, впечатления. Здесь-же пока мы отправили тяжелый багаж, а сегодня слабо приготовились к завтрашним имянинам бабушки, для чего мы с мамой принесли большой букет из дуба, папоротников и красных листьев вересклета.

Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух, мать поэта (1911 или 1912 г.)

Осень чудная, совсем хрустальная, свежая; последние дни всё очень пожелтело и покраснело, озими только чисто зеленые и всюду большие. Ночи ужасно темны и звездны, трудно добираться до флигеля (2). Плотники в невероятном количестве (сосчитать нет возможности—не то 6, не то 8!) строят погреб, курятник, кроют крышу дранкой, без нас начнут вывешивать (3) скотный. А Дмитрий (4) копается в саду и наводит небывалую цивилизацию на яблони, смородину и крыжовник—все это очень оживленно, а мама даже находит, что приготовляет к городу. „Инвентарь“ значительно пополнился заступами и пр., вообще—фуроры и этуали! Настолько красиво и все идет быстро, что жалко уезжать (мне, но не маме, которой хочется в город). Впрочем я и от Петербурга не прочь, только лекции должно быть начнутся поздно (числа 15?). Зима представляется мне в высшей степени привлекательной, мы с мамой уже мечтали о том, как будем ходить в Эрмитаж и др. музеи. Дела всякого будет очень достаточно вообще. Лето прошло прекрасно для меня, я им ужасно доволен (в общем); да и погода была какая-то исключительно лучезарная, хотя иногда трудно было терпеть жару. Последнее время я далеко ездил верхом по окрестностям, даже в некоторые места мало знакомые, куда, надеюсь, поехать на будущий год уже в приятной и теплой кампании с братьями. Целую тебя крепко и желаю всего самого приятного.

Любящий тебя Сашура.

5 сентября 1901.
Шахматово.

46.

ОТЦУ (1).

Милый папа!

В этом году я более, чем когда-нибудь, почувствовал свою полную неспособность к практическим наукам, которые проходят на III курсе. Об этом мы с мамой говорили уже и летом, причем я тогда уже возымел намерение перейти на филологический факультет. Теперь же, в Петербурге, я окончательно решился на этот серьезный и крайне для меня важный шаг и уже подал прошение ректору о переводе, о чем и спешу сообщить Вам, как о важной перемене в моей жизни; дело в том, что, пока я был на юридическом факультете, мое пребывание в Университете было очень мало обосновано. Три года тому назад я желал больше всего облегчения занятий и выбрал юридический факультет, как самый легкий (при желании, разумеется). Теперь же моя тогдашняя леность и бессознательность прошли, и, вместо того, я почувствовал вполне определенное стремление к филологическим знаниям, к которым, кстати, я теперь значительно подготовлен двумя теоретическими курсами юридического факультета. Сознание необходимости моих занятий до сих пор у меня отсутствовало и никаких целей (практических) я даже не имел возможности провидеть впереди, потомучто был ужасно отчужден от того, что собственно должно быть в полной гармонии с моими душевными наклонностями. Мама очень поддерживает меня в моих начинаниях. Хотел бы знать, что думаете об этом Вы? Лекции я уже слушать начал. Со вторника начнутся для меня правильные занятия. Здоровье мое за лето поправилось.

Целую Вас крепко и жду Вашего ответа.

Ваш Сашура.

29 сентября 1901 года.
СПБ.

47.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа!

Очень благодарю Вас за присылку денег, которые пришлись теперь очень кстати, потомучто новое поприще требует массы новых учебников, дорогих и трудно доставаемых. Моя новая деятельность не только примиряется, но и совсем сливается с созерцательностью, свойственной мне лично (потомучто я почти никогда не созерцаю пассивно) и больше я уже не вижу прежнего раздела, что, само собой разумеется, еще более способствует моей „ясности", как внешнее, но необходимое обстоятельство (mens sana in corpore sano) (1). Хотя я и не знаю „bonum et malum" (2) (почему и не могу быть „sicut Deus") (3), но чувствую уже невозвратно, по Фалесу (4), что πάντα πλήρη θεῶν (5) и „под личиной вещества бесстрастной везде огонь божественный горит" (стих. Вл. Соловьева) (6), и такое твердое убеждение укрепляет дух во всех начинаниях, но еще „труден горный путь" и „далеко все что грезилося мне" (7). Мне ужасно нравятся многие профессора-филологи, прежде всех, конечно, Введенский, которого я уже слушал

в прошлом году, когда он читал историю древней философии. Кроме него, несмотря на присутствие „великих грешников“ приват-доцентов, ударившихся в политическую экономию (что по моему на филологическом факультете не всегда извинительно), есть истинно-интеллигентные и художественные люди — Зелинский, читающий Еврипидовых „Вакханок“ и Ернштедт—греческих лириков (8). Они оба (особенно же первый) понимают всю суть классической древности, для меня же это—клад. Прилагаю Вам одно из последних моих стихотворений:

Ранний час. В пути незрима
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.
Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый, белый Ангел Бога
Сеет розы на пути.
Жду в пленительном волненьи —
Образ плачущей жены
Предо мной в успокоеньи
Вскроет крылий белизны (9).

Я очень рад, что Вы так сочувственно отнеслись к моему переходу. До свиданья зимой в Петербурге (цитирую Ваши слова). Целую Вас.

Ваш Сашура.

1901 года 16 октября.
Спб.

На конверте (10): Варшава. Кошиковая улица, д 29, кв 7. Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

48.

С А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

Милая и дорогая тетя Софа, поздравляю тебя, очень люблю и желаю всего самого приятного и лучшего и в твоей семье и всюду. Благодарю тебя за необычайно любящие и ласковые письма, прости меня за то, что я так долго всетаки не писал и не отвечал. У нас не так благополучно, потомучто у Францика оказалась грыжа, к счастью в легкой и безопасной форме, о чем ты, вероятно знаешь уже из писем мамы и тети Мани. Без операции, однако, нельзя будет обойтись, а это—неприятная перспектива. Мама была всё это темное и сумеречное время в ужасно подавленном состоянии—не помогал и приют (1); я надеюсь, что после солнцеповорота коечто в ее настроении изменится—все мы очень зависим от солнца, особенно-же в Петербурге, где оно не балует. Я только в этом году в значительной степени избавился от гнета погоды, оттого ли, что поздоровел, или больше дела, или (что, по моему всего скорее) начинаю чувствовать под ногами настоящую мистическую почву только изредка ускользающую — „неподвижный ключ жизни“, неподвижный всегда и при всех обстоятельствах. У нас в Университете происходят очень важные и многим интересные события, именно—коренная реформа; дошло дело до того, что вчера мы („1-ый курс филологов“) „выбирали“ старост в „разрешенном“ собрании под председательством Алекс. Ив. Введенского. Определились партии — радикальная, оппозиционная; а я со многими другими принад-

лежу к партии „охранителей“, деятельность которой, надеюсь, будет заключаться в охранении даже не существующих порядков, а просто учебных занятий, которые, как мне все больше кажется, составляют главную задачу Университета (по крайн. м.—русского). Такая партия (хотя не организованная) тем более необходима, что носятся тревожные слухи о том, что Ванновский (2) может изменить свое поведение, видя в студентах постоянное и часто (по моему) возмутительное упорство и обструкцию всем его начинаниям. Унив. ужасно шумит и кипятится, а в наших аудиториях и музее древностей чаще тишина, да и приват доценты больше производят впечатление „грезящих небом Греции своей“. Многие из филологов—люди сравнительно отвлеченные, что естественно; а это, можно надеяться, поддержит хоть у нас сильно вообще падающий дух науки. Пожалуйста, прошу тебя поцеловать от меня дядю Адася, Фероля и Андрея. Не рано ли Феролю умственно загромождаться Виндельбандтами (3) и прочее?

Твой Сашура.

27/XI 1901. Спб.

1902 г.

49.

ОТЦУ.

Милый папа!

У меня к Вам большая просьба: не можете-ли Вы прислать мне удостоверение в том, что я—единственный сын. Дело в том, что мне необходимо представить его к 1-му марта в присутствии по воинской повинности; там мне сказали, что в Петербурге такого удостоверения выдать не могут, потомучто (очевидно) требуется засвидетельствование отца.—В нашем Университете (который 6 февраля закрыт) происходят ужасные вещи; на сходке требовали активной забастовки, и на следующий-же день „свыше“ прекратили занятия. Еще есть однако слабая надежда, но вопрос в четырех неделях, потомучто Ванновский, повидимому, приведет в исполнение все, что обещал (Вы вероятно знаете уже о „предварительном объявлении“ и т. п.). Занятия мои шли бы в нормальных условиях своим порядком, не смотря на сравнительную трудность экзаменов. За зиму я убедился в том, что не трудно возобновить в памяти мертвые языки и, кроме того, почувствовал большую „близость“ к философии. Теперь изучаю логику и психологию, курсы очень объемистые, но изложение Введенского велико-

лепно. Вообще, я мало где бываю и чувствую себя в некоторой отделенности от внешнего мира, совершенно, однако, естественной и свободной, находящей свое разрешение в довольно большом количестве стихов попрежнему, не смотря на гражданские струи, лишенных этих преимуществ. Впечатление от Университета какое-то смутное — „временные" и бессильные „организации", которые возят по головам студентов, отчего последние свирепеют уже в последней мере; практических же перспектив трудно и доискаться в этом хаосе, где нельзя даже различить точно, кто первый виноват. Вообще, положение очень неопределенно и, уже тем самым, нежелательно и требует выяснений, которые впрочем, надо полагать, не очень замедлят. Институты, Женские Курсы и Медицинская Академия очень тревожатся, как по общим, так и по личным причинам, так что и здесь обещает разыграться очень серьезная драма.

Ваш Сашура.

8 февраля 1902. Спб.

На конверте (1): Варшава. Кошиковая улица, 29, кв. 7. Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

50.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа.

Очень благодарю Вас за документ и за деньги, которые я получил от Сони Качаловой. Кажется, теперь можно надеяться на экзамены и продолжение лекций, потомучто наши обструкционисты, говорят, решили отложить свои действия до осени. Пока что,—их наказывают теперь очень строго и в большом количестве. Однако, экзамены, по всей вероятности, будут отложены на две недели и могут кончиться в июне; кажется, министр на этом стоит. Лекций у филологов в этом году пропущено очень много, так что курсы все равно прочитаны не будут, и откладывание экзаменов имеет мало смысла. В студенческом сборнике этого года будут напечатаны три мои стихотворения (1), которые, впрочем, редактор сборника (прив.-доц. Никольский) очень не одобряет за декадентность. Художественную часть сборника редактирует Репин, книжка выйдет, кажется, осенью (2). До сих пор мне приходится ходить на лекции, что ужасно утомляет и отнимает время, а пора уже приготовляться к экзаменам серьезно. Прилагаю мои стихи из последних, все еще не без влияния Владимира Соловьева.

Ваш Сашура.

12/ш 1902. Спб.

И Дух и Невеста говорят: прииди.
Апокалипсис.

Верю в солнце завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Все, дышавшее ложью,
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Жду вселенского света
От весенней земли.
Верю в солнце завета,
Вижу зори вдали (3).

Мы преклонились у завета,
Молчаньем храма смущены.
В лучах божественного света
Улыбка виделась жены.

То было смутное паренье,—
Слиянье неба и земли,
И молодое окрыленье
Души смеющейся вдали.

Единодушны и безмолвны,
В однех стенах, в однех мечтах—
Постигли солнечные волны
Вверху, на темных куполах.

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины—
На праздник мой спустился кто-то
С улыбкой ласковой жены (4).

На конверте (5): Варшава. Кошиковая улица, 29, кв. 7. Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

51.

ОТЦУ.

Милый папа.

Сегодня кончились наконец мои экзамены гораздо лучше чем обыкновенно, хотя и без особого блеска. Я получил две тройки (логика и церковно-славянский язык), две четверки (психология и средняя история) и три пятерки (древние языки и древняя история). Все они стоили довольно большого труда и изнервления (особенно—в начале), так что теперь я очень рад, но нахожусь в довольно значительном упадке преимущественно по отношению к стихам, которые пишутся вяло и в небольшом, как обыкновенно, количестве. Очень еще трудно пока выбрать отделение, потомучто не чувствую особенной потребности специализироваться и второй курс обещает все продолжающуюся раздробленность — довольно варварское соединение историй философии, литературы, новой, русской—и древних языков. Потому летом мне еще придется в научном отношении висеть в пространстве между Кантом, Декартом, Платоном и изящной древностью. Таково до сей поры отсутствие научного равновесия. В современном мне миру я приобрел большой плюс в виде знакомства с Мережковскими, которые меня очень интересуют с точек зрения религии и эстетики.

Теперь мы едем в Шахматово, как всегда; в этом я ощущаю настоятельную потребность. Прилагаю одно из характерных стихотворений.

Ваш Сашура.

4 июня 1902. Спб.

К письму приложено стихотворение:

Когда святого забвения (1).

На конверте (2): Варшава. Кошиковая ул. 29, кв. 7. Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

52.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа.

Извините, что больше месяца не отвечал Вам на Ваше письмо. Это лето проходит для меня в тихой и довольно медлительной отвлеченности (с внутренней стороны), чего я даже сам не совсем ожидал. Сквозь известную, так называемую, „разочарованность" (выразившуюся между прочим и для моего возраста в желании „объективничать" (1), покидая чрезмерную сказочность моего недавнего мистицизма)—все еще мне мечтается о крутом (не внезапном ли?) дорожном повороте, долженствующем вывести из „потемок" (хотя бы и „вселенских") на „свет Божий". Однако, этот свет, на иной взгляд, может оказаться еще метафизичнее, еще „страннее" потемок. Но ведь и здравый Кант для иных мечтателен не в меру. Вообще-то, можно сказать, что мой реализм граничит, да и будет, повидимому,

граничить с фантастическим („Подросток" -Достоевского). „Такова уж черта моя". И ее очень трудно бывает примирить, например, с прекрасной и высокоталантливой доктриной Ал. Ив. Введенского, от которой, только благодаря таланту и такту, не разит каким-то особого рода шестидесятничаньем. По крайней мере, иногда впечатление таково. В этом случае, обжигаясь на философии, я устремляюсь в классическую филологию, которая пострастнее и попросторнее. Иногда можно даже „обдумывать тайные стихи", не ссорясь с ней. Полного же мира достигнуть нельзя, иначе непременно попадешь в компромисс: уподобишься „александрийскому" декаденту, играющему в тонкости науки, убивающему двух зайцев, эклектику, „диллетанту". С этой точки зрения, волей неволей, иногда кажется, что наука—„суета", которой „служенье муз не терпит". Иначе, я бы и не мог думать по „беззаконности" моей природы, по тому, что „испытывать" для меня всегда труднее, тяжелее, томительнее, „соннее" (эта новая сравнительная степень появилась от избытка филологичности), чем „созерцать" (все это, разумеется,не в первобытно-романтическом, а скорее—в „реально-Достоевском" стиле, в котором созерцание углубленно, а не порхает). Внешнее мое прикосновение к мирам „иным" и литературным заключается теперь в переписке с Зин. Гиппиус (женой Мережковского), которая уже взяла два моих стихотворения в новый журнал „Новый Путь", который скоро начнет выходить (изд. П. П. Перцов). Переписка очень интересна, вполне мистична, так что почти не выходит из круга умо-

зрения (опять таки—современного, в духе Дм. С. Мережковского). Еще мне удастся, мож. быть, осенью посмотреть Московские святыни. Пока я очень много (сравнительно с прежним) читаю; чтение—умудряющее и отрезвляющее, однако, этот процесс, как всегда „безвольный“,—и угнетает иногда и оставляет желать бо́льшего в жизненном смысле.— Очень благодарю Вас за письма Спекторского (2), очень характерные для Зап. Европы и интересные для меня, как „апокалиптика“, иногда „чающего воскресения мертвых и жизни будущего века“. Теперь уже скоро (вероятно, в начале сентября) я буду в Петербурге. На Подсолнечной принимаются только денежные посылки, но не переводы.

Ваш Сашура.

1902. 5 августа.
Шахматово.

На конверте (3): Варшава. Кошиковая улица 29, кв. 7. Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

53.

ЕМУ ЖЕ.

26 сент. 1902. Спб.

Милый папа.

Я получил 300 рублей, посланные Вами и очень благодарю Вас за них. Я до сих пор еще не принимался за систематические занятия по Университету, потомучто все еще не устроено, скоро совершится переезд на другую квартиру

(здесь же, № 13) и т. п. У нас в Университете пока еще все спокойно, что едвали продержится долго. Со смертью В. К. Ернштедта, думаю, изменится дух классического отделения (он играл большую роль), однако мои намерения пока что клонятся к славяно-русскому—и еще подкрепились новым впечатлением от профессора Шляпкина, заменившего покойного И. Н. Жданова. До сих пор я не могу придти к окончательному решению, впрочем еще остается на размышление целый сезон, потому надеюсь подойти к вопросу со всех сторон и встать на менее колеблющуюся почву.

На днях я провел два дня около Луги на даче у Мережковских, которые (т. е., которая, так как я переписывался летом только с Зинаидой Николаевной) приглашали меня усиленно. Разговоры были, разумеется, довольно отвлеченны—об Антихристе и „общем деле“, которому Д. С. привержен особенно и более, чем когда-либо, кажется, при том, думается мне, очень искренно и твердо. Что касается З. Н., то и она, стоя на той-же линии приближающего[ся] „Нового Пути“ (в котором обещали напечатать несколько моих стихотворений), играет вопросами со сложностью, свойственной ее „мятежности“. Впрочем все (кроме самого Мережковского) много гуляли в сообществе с Зинаидой Венгеровой (1) и молодым профессором нашей Дух. Академии Карташовым (2), ездили на озере в лодке и обращали внимание на золотую осень. Впечатление мое от самих доктрин Мережковковского затуманилось еще более, и я уже совсем не могу ничего ни утверждать, ни отри-

цать, а потому избрал в этой области роль наблюдателя с окраской молчаливого мистицизма. Этот последний и поныне не покидает меня, и им я, разумеется, дорожу в высшей степени, видя в нем нечто основное, а потому более прочное, чем почти все остальные „критерии“ моего духа и плоти.

Говоря совершенно о другом, я прошу Вас написать несколько слов о том, нельзя-ли мне утилизировать золотые часы, которые Вы мне подарили? Мои остановились и вообще в очень скверном виде, было бы приятно променять их вместе с золотыми на какие-нибудь хорошие часы (это воз эжно). Пожалуйста, напишите мне об этом несколько слов.

Посылаю Вам три моих стихотворения, которые еще не предназначены для напечатанья в „Новом Пути“.

В Петербурге скоро начнется деятельность религиозно-философского общества и будет поставлен „Ипполит“ Еврипидов с новыми декорациями в переводе Мережковского, по возможности близко к античному театру. Все это—„религиозное дело“, или—близко от него.

Ваш Сашура.

К письму приложены стихотворения:

1.

Золотистою долиной (3).

2.

Экклезиаст (Благословляя свет и тень) (4).

3.

Свет в окошке шатался (5).

На конверте (6): Варшава Улица Кошиковая, д. № 29, кв. 7. Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

54.

ЕМУ ЖЕ.

29 ноября 1902
Спб.

Милый папа.

Я получил оба Ваши письма, ответил не сразу, потомучто был не совсем здоров, отчего между прочим не был 22 ноября на Басковой улице (1). Благодарю Вас за поздравление с днем рожденья. Посылаю Вам логику Минто, которую получил недавно в виде приложения к Раммовскому „Самообразованию“ (2) (боюсь, что есть какое нибудь шарлатанство в тексте), а логику Введенского в Университете не нашел, моя же мне очень теперь нужна и в очень тяжелом переплете, что несколько затруднило бы пересылку. У Ангелиночки (3) я еще не был, м. б. отложу до Рождества, как и многие другие посещения, потомучто нужно исполнить всякие более или менее официальные обязанности относительно несколько запущенного мной (да и профессорами нашими) третьего семестра. В первом № „Нового Пути“ мои стихи помещены не будут, но позже, говорят, непременно. Редактор (Перцов) написал мне письмо слишком (преувеличенно) лестное по поводу моего „Божьей милостью“ таланта (4). Чувствую потребность и ожидаю скорого вдохно-

венного стихотворения или даже прозаического экскурса в область мистицизма, который, оправдываясь ходом моих житейских „подвигов и дел", тем самым оправдывает и мои „бродяжнические сны" хотя бы в области наук.

Скорпион (5) Брюсов, который со мной еще не познакомился, имел на меня какие-то виды. Из Москвы вообще много благоприятных веяний. „Мир Искусства" приглашает меня на свои журфиксы, но я был только на одном, где нашел много знаменитостей из художников и литераторов и дух „светский" без отношения к моему „духовному", внутреннему, все больше опознаваемому. Часто уже я твердо знаю, чего мне не надо (отрицательно),—но и это много. У литераторов здешних и других какие то всё жизни неудавшиеся и звенящие осколками, которые легко вонзаются в смельчака, неопытно зондирующего почву. Из Москвы меня цитируют рядом с Вл. Соловьевым. Бедный Д. С. Мережковский на днях читал мне главу из нового своего романа „Петр и Алексей". У многих в душе „холодный белый день", и я часто ощущаю его—и беспредельность своего личного „змеиного" познания.

Относительно философа Вознесенского—я знаю только, что он ученик А-дра Введенского и, как говорят, находится у него „под башмаком". Введенский, вообще, большой деспот. Относительно годового филос. собрания 22 окт. я знал, но предчувствовал вздорность Бороздинской (6) речи и некоторый (постоянный, впрочем,) circulus vitiosus (7) в экстатических песнях Ф. Ф. Зелинского. И они, вероятно, несчастны.

Ваш Сашура.

1903 г.

55.

ОТЦУ (1).

Милый папа!

Христос Воскрес.

Моя зима прошла очень разнообразно и живо, в целом круговороте дел, благодаря которым я не мог и до сих пор не могу бывать почти нигде. Не был ни разу у Качаловых, а также должен отложить теперь и посещение Марьи Тимофеевны (2). 15 апреля у меня первый экзамен, последний—в 20-х числах мая. Стихи мои напечатаны в мартовской книжке „Нового Пути" в количестве десяти. Ждал, чтобы послать Вам, оттисков, которые мне обещали, но пока еще не дали. Кратко выругалась газета „Знамя" на ту тему, что почти „Генрих Блок" (3) и далее—в Буренинском (4) роде. Фамилия (и имя) подписана полностью—еще раньше выхода книжки меня цитировал Андрей Белый (5) в „Мире Искусства", упоминая фамилию (6). Кроме стихов напечатаны две мои рецензии (в „Новом Пути") и будут еще, вероятно. Теперь довольно много приходится учиться—всех экзаменов 6. Кажется, можно надеяться на то, что беспорядков не будет, а одно время боялись, что не будет экзаменов и Унив. закроют на год. Словесное отделение в будущем меня привлекает, потомучто я хочу

знать историю литературы и философии, хотя бы в объеме универ. курса (последнее). Стихов пишу не очень много и не очень хорошо, как то переходно; вероятно, чувствую переход от мистической запутанности к мистической ясности.

Ваш Сашура.

Великая Пятница. 1903. Спб.

56.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа!

Благодарю Вас от всей души за все, присланное Вами. Я получил все на днях, но пишу только сейчас, после экзамена, потомучто в те дни очень заучился. Заграничная поездка (1) для нас с мамой все еще не совсем решена, но размер присланной Вами суммы существенно важен для меня, потомучто осенью и будущей зимой предстоит очень много расходов, как на свадьбу, так и на жизнь.

Недавно вышли в Москве „Северные Цветы", где опять помещены мои стихи в количестве 10-ти (2). По моему, приятнее было бы напечатать стихов больше (!) чем по десятку (в „Н. П." и „С. Ц."), а, кроме того, сделать лучший выбор. Теперь я пишу очень мало, посылаю Вам для примера 2 стихотворения из недавних.

Как только мы снимемся с Невестой, сейчас же пошлю Вам карточку.

Ваш Сашура.

24 апреля 1903 г.
Спб.

I.

Все тихо у Ней на лице.
И росистая полночь тиха.
С немым торжеством на лице
Открываю грани стиха.

Шепчу и звеню, как струна.
То—ночные цветы, не слова.
Их росу убелила луна
У подножья Ее торжества. (3)

II.

Я вырезал посох из дуба (4)

На конверте (5): Варшава. Кошиковая 29, кв. 7.
Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

57.

ЕМУ ЖЕ.

Телеграмма (1).

Врш Кошiковая 29 Блок

Папа попечител требует разрешения брака родителями пришлите поскорее Сашура

58.

ЕМУ ЖЕ.

25 июня / 8 июля 1903.
Bad Nauheim.

Милый папа!

Пишу Вам из заграницы, откуда на днях уезжаем с мамой, и будем в Шахматове в первых

числах июля. Моя свадьба будет вероятно около 17 августа. Мы с Невестой снялись в Петербурге, но карточки задержались в фотографии, а пробные вышли довольно плохо. Однако, я их возьму, когда будут готовы,—и пришлю Вам.

Из 1000 рублей, которые Вы мне прислали, я истратил и истрачу в августе уже довольно много, но я рассчитываю, что мне хватит их всего на год, со дня присылки (в апреле). Могу ли я рассчитывать на следующую получку такой же суммы (как писала Вам мама) будущей весной? Мне бы было [это] очень важно знать это, потомучто тогда я сообразно с этим расчитаю свои траты. Напишите мне, пожалуйста, об этом уже в Шахматово.

Здесь, в Nauheim-е я взял 15 ванн и думаю, что они сильно ободрят меня, так как за зиму я особенно устал и расстроился нервами. Что касается моих переписок с мистиками, то оне, по понятным причинам, стали менее обильны, чем в то лето и в эту зиму. „Новый путь" печатает мои рецензии и предлагает написать „что нибудь" в хронику в лице З. Н. Гиппиус, которая со всеми своими присными не сочувствует моей свадьбе и находит в ней „дисгармонию" со стихами. Для меня это несколько странно, потомучто трудно уловить совершенно рассудочные теории, которые Мережковские неукоснительно проводят в жизнь, даже до отрицания реальности двух непреложных фактов: свадьбы и стихов (точно который нибудь из них не реален!). Главное порицание высказывается мне за то, что я, будто бы, „не чувствую конца", что ясно вытекает (по их мнению) из моих

жизненных обстоятельств. „Новый путь", между тем, чуть не прикрыли из за происков иерархии обеих столиц и министра вн. д. Однако, дело обошлось, и майская книжка вышла, относительно июньской не слыхал. Здесь заграницей чувствуется крайняя разобщенность со всеми мирами. В витринах привлекают внимание запрещенные издания (по русски), которых я купил бы несколько штук, еслибы не таможня. Очень много Толстовских книг, из некоторых карманов торчит „Освобождение".

По дороге отсюда, мы заедем в Петербург, где я покончу с Университ. канцелярией, которая все еще не может выдать мне метрического свидетельства. Экстренных трат было много. Я прошу Вас выяснить мне денежный вопрос между прочим и потому, что некоторые траты будущей зимы уже известны, например, надо будет вносить некоторую сумму „в общую кассу", потому что семейные средства иначе невелики. Из Шахматова придется съездить в Москву за разными покупками, остальное время я, почти наверное, буду там (разве, предстоит где нибудь свидание с Сергеем Соловьевым (сыном покойного Мих. Серг.), который, впрочем, будет у меня шафером. Потому напишите мне, пожалуйста, в Шахматово.

Ваш Сашура.

Наконверте: Nach Russland. Warschau.
Варшава.
Кошиковая улица 29, кв. 7. Его Высокородию
Александру Львовичу Блоку.

59.

ЕМУ ЖЕ (1).

Милый папа!

Посылаю Вам, наконец, нашу фотографическую карточку. Она вышла плохо, слишком темно. Волосы моей Невесты гораздо светлее моих, темные только брови. Кроме того неудачна поза, и выражение лица также не передано. Я, кажется, похож.—Свадьба назначена—17 августа. Были некоторые затруднения с священником, который требует мельчайших формальностей. Между тем, университет потерял, кажется, мое метрическое свидетельство, которое придется или восстановлять, или ограничиться выпиской. Все это затруднительно по дальности расстояний, и даже до сих пор я не уверен, что не придется еще отложить на несколько дней. С бумагами вообще пришлось возиться столько, что вид их мне отвратителен. Надеюсь, что скоро это придет к концу.

На свадьбе будут очень немногие, мы посылаем даже не приглашения, а извещения. В день свадьбы придется очень торопиться, потомучто поезд, с которым мы едем в Петербург в тот же день идет довольно рано. Потому свадьба будет в полдень. С нашей стороны будут, кроме мамы, отчима и М. А. (2), только С. Г. Карелина и шафера—Сергей Соловьев и, вероятно, Андрей Белый (Борис Бугаев) из Москвы. Со стороны Менделеевых — побольше, но едва ли приедет даже крестная мать Невесты. Дм. Ив. боится волнений и не будет в церкви (3). Он совсем состарился и ослаб. Матери, и по обычаю, не

будет также. Из церкви мы поедем прямо в Боблово (4), а оттуда после соответственных пиршеств—на жел. дор.

Пока я часто езжу в Боблово (почти каждый день) верхом, чувствую себя бодро и крепко, читаю и пишу очень мало.

Из Наугейма писал Вам деловое письмо. Получили ли Вы его?

Ваш Сашура.

28/VII 1903. Шахматово.

60

МАТЕРИ.

20 августа, 1903.

Милая мама.

В квартире удивительно хорошо. Л. (1) все очень нравится. Когда приехали (в ландо!) получили пирог от Евгения Осиповича. Дм. Ив. приехал сегодня и пригласил нас, но мы отклонили (на несколько дней). Сегодня в первый раз вышли в город, получили от Деньера карточки, они вышли особенно хорошо.. На кольцах вырезали имена. Кушали: различные супы, котлеты, бифштексы, зразы, конфеты, груши, сливы и сладкие пироги. Устроились почти совсем, заказали столяру полки в зерк. шкап. Паша (2) приехала накануне и все сделала. Любезна. Хозяйничаем. Паша просила узнать, где есть деньщикам. Они едят пока в роте. В первый день приезда пришел с визитом к m-me Блок Виша (3) и пил чай после завтрака. Денег будет

мало, но — ничего. А я уж больше ничего не напишу. Все очень хорошо (чтобы не сглазить). Напиши о Дмитрии (4) и 1000 рублей и вообще.
Обнимаю и целую. И Л.

Твой Сашура.

61.

ЕЙ ЖЕ.

Милая мамочка,

пожалуйста напиши поскорее, сколько всего у тебя моих денег, мы никак не можем сосчитать.

Я заплатил в университет, кроме того мы натратили много и испугались.

Пришли нам например 100 рублей. Вообще, кажется, хватит, но теперь нужно. Мы очень много сидим дома, но были два раза в оперетке, призывали столяра, Паше переплатили, несмотря на очень скромную еду около 25 рублей, заплатили все Мякишевой (1) (100 с лишним, которые пока подождем брать у Дм. Ив.), ездили на извозчиках. Приходила тетя Софа с Андреем (на 5 минут), останется всю зиму здесь, на Екатер. канале этажом ниже (кв. 6, № 17), подарила Берлинский веер и Парижскую разрезалку и печатку (Лурдская Мадонна). Приходила Анна Федоровна (2) узнавать адрес дешевых квартир женского общества. Были раз у Дм. Ив. (обедали), сегодня праздновали Любино (3) рожденье в поле за Петербургом (в Нов. Деревне): ели булки, сладкие пирожки и яблоки под стогом сена в поле. Так много

разных мелких событий, что я не буду больше писать. Ты написала очень интересное и хорошее письмо, напиши еще, целуем и обнимаем.

Сашура.

29/VIII 1903. Спб.

62.

ЕЙ ЖЕ.

Милая мамочка! Какая ты невежливая! Я написал уж два письма, а ты первого не получила и уверяешь, что я не пишу. Посылаю тебе до последней степени отвратительное письмо Ал. Льв. (1), прочти его несколько раз. Я „снабдил“ его примечаниями. Тут же и адрес. Не знаю, писать ли тебе ему, не лучше ли подождать, пока ты приедешь, и мы напишем вместе (от меня). Я совершенно твердо уверен, что это письмо отца меня оправдывает в том, что его не было на свадьбе. Некоторых мест понять нельзя, а некоторые я тебе объясню, если ты не поймешь.

Я написал тебе второе письмо вчера (29 авг.). Завтра приезжает Анна Ивановна (2), и приедет к нам, или мы поедем туда вечером. Мы были в Ботанич. саду на распродаже и купили массу цветов необыкновенно дешево (между проч., лилия с восемью цветами — 2 рубля). Надеюсь, что ты еще ее застанешь. Клубни увезем в Шахматово. Напиши сколько денег моих у тебя. Я писал тебе в первом письме, что Паша была, когда нужно было, здесь. Она слегка кривляется, но вообще любезна. Деньщики ведут себя прекрасно, особенно Владислав проявляет крупное

дарование, особенно теперь, когда у него много инициативы. Спокойно говоря „понимаю", он ходит по магазинам и покупает все очень хорошо, даже соображая от себя, чего никогда не случалось с Григорием. По моему, хорошо бы, еслибы он остался. В квартире очень чисто. Полки в зерк. шкапу сделаны сегодня очень хорошо. Туалета заказывать не пришлось, Л. взяла старый. У нас очень красиво в комнатах и по вечерам—из окна. В каждой комнате—по 2 больших образа и еще маленькие. Купили лампадки и зажигаем. Нет еще только ширм, пуфа и стула к письм. столу, остальное главное — все есть. Получил длинное письмо от Бугаева. Он (о стихах) пишет: „никого нет, кроме вас, ктобы так изумительно реально указал на вкравшийся ужас. Знаете, я боюсь, куда приведут такие стихи? Что вскроют? что повлекут за собой?" (3). И еще много похвал. Я вполне и окончательно чувствую, наконец, что „Новый Путь" (пришла интересная августовск. книжка б е з моей заметки)—д р я н ь. Бугаев подтвердил это вполне.

Вероятно есть и еще о чем писать. Но сразу не вспоминаешь. Мы довольны. Целуем, обнимаем. С а ш у р а.

30 авг. 1903 г. Спб.

Л. не может прочесть письма Ал. Льв. до конца. А я думаю, что и не стоит. Я ужасно радуюсь сближению Сережи с Розвадовским. Розвадовский (4) обладает крупной „Неподвижностью" и в сильной степени неприкосновенен. Надо от него ждать доброго. Он в высшей степени ободрительно тяжеловесен. Он в н е с е т в кровь

н а ш е й священническо-немецкой мистики б о л ь ш у ю долю польско-политико-религиозной породистости и долю религиозного либерализма. Для с и н т е з а (!!!)—важно.

Л. страшно хочет приписать несколько слов, но не может.

Я отделываю медленно неконченные стихи прошлой зимы. Хочу непременно получить урок. Привези, пожалуйста, непременно одну книжку Revue des deux mondes со статьей Ренана об Ироде Великом, которую я перевел и хотел бы отделать, вылущить и утилизировать, если в Киеве [еще] уже этого не сделали (5). Это— 1 j a n v i e r 1894.

Вот университетские дела: с 1 сентября (понед.) буду ходить в Унив. У Л. курсы с 9-ого. Мои лекции суховаты—много Соболевского (6), Лаврова (слав. наречия), Булича (санскрит), Бод. де Куртенэ (сравнит. грамм. слав. языков). Привлекательны: Шляпкин (Пушкинский период русской литерат.), Бороздин (эпоха Алекс. I), Зелинский (Ars poetica Горация), Лавров (ист. славянских литератур). Всего заплатил 46 рублей (21 недельный час). Пришли 100 рублей, маминька.

63.

ЕЙ ЖЕ.

Милая мамочка.

Вот стихи (1).

Мы начинаем убирать к вашему приезду. Вешали картины.

Т. Софа взяла все свои вещи кроме книг.

Завтра пойду в Университет. А потом будем обедать в Палате (2).

Паша—кикимора. Ее сглазили. Она капризничает и суется не в свое дело. Хорошо бы ей abfahren (3).

Пища дорога. Наливайко (4)—дурак, но значительно умнее Паши.

Ты, пожалуйста, привези стихи эти мне назад. В Нов. Пути мы прочитали поразительную статью Розанова. Гениальную. Такой еще не читал. О браке (5).

Витте удален из за нескольких случаев своего несогласия с царем. Он еще может играть роль. Политехникумы, кажется, переходят к Зенгеру (6).

Целуем и обнимаем.

Сашура.

1 сентября 1903. Спб.

64.

ОТЦУ.

2/х 1903. Спб.

Дорогой папа!

Я очень благодарен Вам за ту сумму денег, которую Вы назначили мне до окончания курса. В моих рассчетах с Вами было очевидно какое то недоразумение, мама думает, что это она напутала. Извините за эту ошибку.

Мы с женой устроились хорошо. У нас две отдельные комнаты, что очень удобно. Оба мы усердно посещаем курсы и университет. Мне в этом году приходится писать рефераты по

церк.-слав. языку и по русской литературе, подумываю также о большом кандидатском сочинении, для которого пора собирать матерьялы. Относительно темы еще затрудняюсь, но хочу отдалиться в университетской деятельности от ближайшей современности и бродить вокруг Пушкина, занимаясь, может быть, и архивными матерьялами. Меня удивило Ваше замечание о моих экзаменах, и я не вполне понимаю, зачем Вам „сноситься" по этому поводу с университетом. Ведь я писал Вам весной и летом о результатах экзаменов, которые не затруднили моего перевода на III-ий курс (а, следовательно, и на IV-ый, потомучто теперь курсы уже не разделены, что действует ободрительно и способствует занятиям, не открывая жалкой перспективы на ближайшую весну). Подробности результатов экзаменов были менее „блестящи", чем в прошлый раз (3½ в среднем), чему впрочем я не удивился (благодаря обстоятельствам и дурному самочувствию) и не придал никакого значения. Специализируюсь-же я по русской литературе и, по всем видимостям, у проф. Шляпкина, который надежнее другого специалиста (прив.-доц. Бороздина), сообщающего с кафедры черезчур уже откровенно всевозможные неприличия о русской литературе, окрашивающего ее, ни в чем неповинную, красненьким колером. Кстати, этот Бороздин и в Университете не моден, а только любим некоторыми студентами, „брюхатыми" от либерализма. Существует опасение, что эти последние в нынешнем сезоне снова разрешатся от бремени при громких кликах сотоварищей своих, современных ко-

рибантов. Впрочем, я не теряю надежды, что они „доносят“ содержимое своих чрев хоть до будущей зимы.

Вы спрашиваете о девической фамилии Анны Ивановны Менделеевой. Она рожденная Попова.

Мама не очень поправилась заграницей, сердце ее в плохом состоянии. Пишу я мало, получил на днях приглашение в московский альманах „Гриф“, а „Новый Путь“ меня не слишком жалует, как и я его. В мысли у меня „Drang nach Osten“ (1), в частности „nach Moskau“ (2), а пока изучаю, между прочим, польский язык. Очень, очень благодарю Вас за Вашу денежную поддержку. Целую Вас. Ваш сын Сашура.

65.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа.

Поздравляю Вас с Праздниками и Новым Годом. Желаю Вам искренно здоровья и всего лучшего. Наша жизнь с осени до сих пор была богаче внутренними событиями, чем внешними. В Университете я слушал польский язык и русскую литературу по преимуществу. Теперь должен представить реферат по славянскому языку, что давно уже затрудняет меня. Реферат трудный. Вообще я с удовольствием вижу конец университ. курса, потомучто часто вижу в нем нечто глубоко чуждое мне и для меня трудно переносимое. Прежде всего, существует черта, на которую ни один из моих профессоров до смерти

Ал. Блок в 1894 г., $13^1/_2$ лет, на берегу реки в Шахматове

не [пер]ступит: это—религиозная мистика. Живя ею изо дня в день, я чувствовал себя одно время нещадно гонимым за правую веру. Лучшее, что предлагалось в замен религии, была грамматика. Последнее мне представляется действительно лучшим, потомучто самый мертвый, схематический mos geometricus (1) терзает меня менее, чем социологические и т. п. воззрения на то, что для меня священно. К этому всему можно присоединить глубокое неведение истинной красоты и непроходимые сальности, отпускаемые ex cathedra (2) для специалистов очевидно (ибо на общих курсах—I и II-ом—они преподносились в более ограниченном объеме). Вместе с тем я не могу пожаловаться на бездарность всех моих „учителей“. Проф. Шляпкин, например, человек оригинальный и своеобычный, может быть, по своему религиозный (что ему приходится старательно прятать), однако за вышеупомянутую черту и ему не перейти. Мне приходит в голову, что предстоящая война способна чуть-чуть оживить покойников. Мои главные „впечатления“ сосредоточивались за этот период на настоящем литературы, и лично я, без оговорок, могу констатировать в ней нити истинного Ренессанса. „Новый Путь“ при всех своих недостатках, делает свое дело, а в нынешней январьской книжке расцвел, как никогда. Москва обладает „Скорпионом“, родился „Гриф“ — книгоиздательства „для борьбы с хулиганством“, как недавно писал Дм. Философов (3). Из поэтов, по моему, Брюсов сделал неизмеримый шаг вперед, выпустив свою последнюю книгу „Urbi et orbi“. Петербургским позитивистам поневоле приходится

уже считаться теперь с этим. Новое искусство растет и в ширину. Буренину придется, повидимому, окончить земное поприще с пеной у рта. Не вредить они конечно не могут, но вред очень ничтожен, по моему, и конечно количественный (а не качественный): много сил уходит на „полемику“, которой не прекратит пожалуй и пожарный призрак настоящей „πόλεμος“ (4).

Мои личные литературные дела пока недурны. Пишу много стихов (часть их прилагаю). Стихи появятся в альманахе „Гриф“ (вероятно в январе), то же книгоиздательство обещает издать мою первую книжку. Мне хочется издать ее осенью, не знаю наверное, сможет ли сделать это „Гриф“. Однако, объявление уже сделано. По прежнему поддерживаю переписку с Андреем Белым (сыном Н. В. Бугаева), Сергеем Соловьевым. Вижусь с молодыми Петербургскими литераторами, а со старыми—редко. В январе, в университ., в кружке Бориса Никольского (профессора и поэта) намечен реферат „против декадентства“, рассчитанный кажется на меня и еще одного молодого „новопутейца“—Л. Д. Семенова (5). Предполагаю услышать там свое имя с самыми невежливыми эпитетами. Впрочем, какой то молоденький „коллега“ оказался моим поклонником и кажется собирается читать реферат другому профессору „о музыке в стихах Блока и Бальмонта“! Боюсь, что его провалят на экзамене. В Москве с Нового Года начинается еще один новый журнал „Весы“, в котором меня приглашали участвовать (при к-ве „Скорпион“). Перед Рождеством у меня было много рецензий, из которых несколько появи-

лось в „Новом Пути“ (январь 1904). Одно стихотворение помещено в январьской книжке „Журнала для всех“.

Все эти события (и предшествовавшие им литературные связи и знакомства) составляют для меня приятный в конце концов итог 1903 года—в литерат. отношении. Иногда устаю от этого. Мы с женой очень много сидим дома, здоровы, если не считать моей легкой простуды перед Рождеством. Пожалуйста, напишите, милый папа, как Вы себя чувствуете, и не собираетесь ли приехать в Петербург? Весной по всей вероятности мы рано уедем в Шахматово, экзаменов у меня нет, а жена может держать их раньше. Думаю о сочинении (зачетном) на тему: „Сказания об иконах Богородицы“ (6), вероятно займусь им летом. Жена и мама кланяются Вам и поздравляют с Новым Годом. Целую Вас.

Ваш Сашура.

30/XII 1903. Спб.

Приложены стихотворения:

Плачет ребенок. Под лунным серпом (7).

ФАБРИКА. (8)

В соседнем доме окна желты.
По вечерам—по вечерам
Скрипят чернеющие болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене—а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я вижу, слышу все с вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Их впустят всех, когда сберутся.
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Ноябрь 1903.

Темная, бледно-зеленая (9).

ИММАНУИЛ КАНТ (Сижу за ширмой) (10).

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы над тобою, незримые сны,
Чертим узор на стенах (11).

По городу бегал черный человек (12).

Я кую мой меч у порога (13).

1904 г.

66.

МАТЕРИ (1).

Маминька, доехали хорошо, грязновато только. Пишу уж с квартиры Марконет (2). Мороз, на небе есть синее. Квартира очень хорошая, сейчас переоденемся и пойдем к Сереже.

Сашура.

Москва. 10 янв. 1904.

На обороте (рукою Ал. Андр.): Петербург. Петербургская набережная, казармы лейб-гв.-гренадерского полка кв № 13. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

67.

ЕЙ ЖЕ (1).

Январь.

9-е—пятница. Разговор с уездной барышней в купэ III класса.

10-е. После малого спанья приехали на кв. Марконет. Очень хорошо и уютно. Визит к Влад. Федоров. (2) („Агнес!" (3) и пр.). От Вл. Ф. к Сереже: на лестнице—тетя Саша (4). Ее литературные разговоры. Бугаев (5) (совсем не такой,

как казался—поцеловались) и Петровский (6)—очень милый. Сережа с криками удаляется на немецкий экзамен. Мы вчетвером (с Буг. и Петр.) идем пешком в „Гриф“ (7). Никого не застали. Все приехали пить чай к нам на Спиридоновку (8). Через некоторое время отправились к....... Очень мило—всего полторы пошлости (отец и сын). После обеда вернулись домой. Пили чай с Сережей, Бугаевым и тетей Леной (9), которая завтра (11-го) уехала. Легли спать в 1-ом часу. Стихов еще почти не читали. Сережа представил пьесу Чехова на Станиславской сцене.

11-го—воскресенье. Пробуждение в полдень от криков Сережи. Мы идем вдвоем с Любой к Соколовым (10). Нина Ивановна (11) очень мила, довольно умная (умнее мужа). К 3-м часам еду к Бугаеву, не застаю уже там Антония (епископа на покое), который был в 2 часа (тот самый, у кот. были Мережковские). M-me Бугаева (12). Дверь Соловьевской квартиры с надписью: „доктор Затонский“. Буг. и Петр. говорят, что его нет—затонул в тростниках. Сидим с Буг. и Петровским под свист ветра. Радуемся. Выхожу к........обеду из дому Бугаева: за спиной—красная заря, остающаяся на встречных куполах. С крыш течет радостно. На лестнице...... сонная....говорит: какая ужасная погода! (первое впечатление). Скука—среднее впечатление. Присутствие трех чужих лиц за обедом: 1) молодой жидок, 2) Господин со слепыми: голосом, фигурой, рожей, определенный мною словами: „забинтованное брюхо“. 3) Дама, источающая пошлость скрипящим от перепоя голосом. Последнее впечатление: .... Вы куда? Люба: к Андрею Белому. .. Отчего не к черному?—С тех пор мы еще не показывались у.........., а в настоящую минуту (вечер 14 января) они разъигрывают любительский спектакль, на который нас очень звали.—Возвратясь домой—едем к А. Белому на собрание: Бальмонт, Брюсов, Батюшков (13), худ. Владимиров, М. А. Эртель (14) (мой самый яростный поклонник—брат петербургского офицера!), Петровский, m-me Соколова. Бальмонт приходит с Ниной Ив. Мой разговор с Брюсовым. Бальмонт читает стих. „Вода“. Я читаю стих. „Фабрика“ и „Три лучика“. Брюсов без дам читает два стихотворения—„Белый всадник“ и „Приходи путем знакомым“. Еще важнее „Urbi et orbi“! После ухода Бальм., Брюсова, Соколовой—мы с Андр. Белым читаем массу стихов (за вторым ужином). Ночь. Андрей Белый неподражаем (!). Я читаю „Встала в сияньи“. Кучка людей в черных сюртуках ахают, вскакивают со стульев. Кричат, что я первый в России поэт. Мы уходим в 3-м часу ночи. Все благодарят, трясут руку.

12-ое, понед. Утром приходит Сережа. Мы втроем едем на конке в Новодевичий монастырь. Сережа кричит на всю конку, скандалит, говоря о воскресении нескольких мертвых на днях, о том, что антихрист двинул войска из Бельгии. Говорим по гречески. Все с удивлением смотрят. Яркое солнце. В Новодевичьем—на всех могилах всех Соловьевых, Марконетов и Коваленских. Купола главного собора, золото в глубоко синей лазури сквозь ветки тополя. „Кувыркающиеся“ (Сережа) фигурки святых на стенных образах.

Из монастыря бродим по полю за Москвой, у Воробьевых гор. Возвращаемся не без прежних скандалов в город. Входим в Кремль (все втроем). Проходим мимо всех соборов в яркой вечерней заре. Опьянение и усталость. Входим в квартиру Рачинских (15). Поразительность хозяев и квартиры. Григ. Алексеич говорит со мной о Бальмонте и Волошине. Имянины его жены, Лопатин (16), гости, крошечные художественно-уютные комнатки (у Иверской), конфеты, чай, варенье. Рачинский целует руку у Любы (всегда). Выходим, спускаемся от Иверской. Смятение, веселье внутри и на улице. Пол-неба страшное—лиловое. Зеленая звезда, рогатый месяц. Сережа едет обливаться (ежедневно), мы—обедать к нему. Зязя. Варя (17). Вечером приходит Бугаев. Приехала тетя Соня (18) (бодрая). Мы оставляем ее с Зязей. Запираемся вчетвером (Буг., Сережа, мы). Пьем церковное вино, чокаемся. Знаменательный разговор—тяжело-важный и прекрасный. Возвращаемся домой. Тетя Соня, Бугаев. Читаем стихи. Ночь.

13-ое, в т о р н. Утром Сережа, Владим. Федоров. и мы (вчетвером) едем в Сокольники на другой конец Москвы с весельем и скандалами Сережи в конках в больницу (19) к Саше Марконет. Сидим с ней около часу. Подробности [дальше] устно (почти не сомневаюсь в ее сумасшествии). Она рада. Впечатление хорошее. Возвращаемся также. Обедаем у Сережи с Бенкендорфом (20) (как всегда—с Зязей). Уходим. Сталкиваемся в дверях с Рачинскими, Мишей Коваленским (21). Мчусь на изв. к Бугаеву, чтобы ехать в „Скорпион“ (22). Не застаю, приезжаю

один. Редакция: портрет Ницше. Брюсов, Поляков, Бальтрушайтис (23). Разговариваю со всеми, особ. с Брюсовым. Рец. на Метерл. не принята, пот.-что не хотят бранить Метерлинка. Уходим с Бугаевым, идем пешком. Захожу за Любой. После чаю едем на собрание „Грифов“; заключаемся в объятия с Соколовым (его не было дома раньше); собрание: Соколовы, Кобылинский (24), Батюшков, Бугаевы (и мать), Койранский, Курсинский (25); Отчего нет Бальмонта? „Он—в своей полосе“. Читаю стихи—иные в восторге. Ужин. Звонок. Входит пьяный Бальмонт (последующее не распространяй особенно). Грустный, ребячливый, красноглазый. Разговаривает с Любой, со мной. Кобылинский, разругавшись с ним, уходит (очень неприятная сцена). Бальмонт просит меня читать. Читаю. Бальмонт в восторге, говорит, что „не любит больше своих стихов“... „Вы выросли в деревне“ и мн. др. Читает свои стихи—полупьяно, но хорошо. Соколов показывает корректуры альманаха (выйдет 1-го февраля). Моих стихотв.—семнадцать (кроме посланных—„Фабрика“, „Лучики“). Уходим в третьем часу. Бальмонт умоляет нас обоих остаться. Тяжеловато и странновато.

14-ое—с р е д а. Утром: Мы, Бугаев, Петровский и Соколова едем в Донской Монастырь к Антонию. Сидим у него, говорит много и хорошо. Любе—очень хорошо, многое—и мне. О Мережковских и „Нов. Пути“. Обещал приехать к нам в Петербурге. Прекрасный, иногда грозный, худой, с горящими глазами, но без „прозорливости“, с оттенком иронии. О схиме, о браке. Идем из Монаст. пешком (пятеро). Расходимся.

Мы с Л. обедаем у Тестова (два растегая и уха--очень вкусно). Играет мерзкая музыка. Проходим Тверскую, возвращаемся, пьем чай с тетей Соней, пишу письмо. Все прекрасно—впечатление от пьяного Конст. Дмитриевича изглаживается.

Будущее. Завтра—религ. собрание, Сережа.

16-ое—Новодевичий и памяти.

17-ое—сб.—обед у Рачинских.

Еще неопредел.—к Соколовым, к Бугаеву (не раз), свидание с тет. Сашей (26) у Сережи (Вера Владим. (27) больна и к т. С. нельзя), собрание у Сережи, к Брюсову за его стихами и кажется еще многое, что я сейчас забыл.

Масса подробностей, конечно, пропущена. День отъезда еще не назначен конечно. Очень полна жизнь. Москва поражает богатствам всего. Вспомнить например ....и Петербург не готовый к нашему приезду из Москвы с требованиями действительной жизни—страшновато. Мы и здешних то.....сторонимся. Впрочем, это я пишу не с чувством озлобления, потомучто здесь слишком хорошо. Милая мамочка, обнимаю тебя и очень был рад получить твое письмо сегодня. Тороплюсь кончить, думаю сейчас забежать к Сереже один.

Твой Сашура.

Ночь того же дня. Сейчас вернулся от Сережи. Разговор наш с ним вдвоем был необычайно важен, отраден, светел и радостен. Много говорили о Любе. Скоро будем обедать в „Славянском базаре" (с ним), где происходил роман Вл. С. и С. П. (28) и где Соловьевы (братья и Ольга) собирались в важных разговорах. Я

надеюсь на особенную бодрость и знание после нынешней Москвы.

Приписываю 15-ого в четверг. Утром пришли: Маруся Ковал., Андрей Белый с матерью отдали визит. Андр. Белый написал тут же письмо Бальмонту, что пока он не извинится перед Кобылинским, Бугаев не может иметь с ним дела. Сережа ликует—в сюртуке с цветами с нашей свадьбы. Скоро пойду на религ. собрание. В воскрес. вечером у тети Саши Ковал. Завтра (16-го)—заупокойная обедня в 10 ч. у. в Новодевичьем и обедаем втроем (с Сережей) в „Слав. базаре". Целуем и обнимаем тебя.

Сашура.

$\frac{14-15}{I}$ 1904.

Москва.

На конверте: Заказное. СПетербург. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух. Петерб. Сторона, Гренадерские Казармы, кв. 13. (от Ал. Ал. Блока. Спиридоновка, дом Марконет).

68.

ЕЙ ЖЕ.

Миленькая маминька, продолжаю.

15-е четверг. Утром пришли: Сережа, Маруся, Влад. Федор. Пили чай. Вечером было религиозное собр. унив. кружка на частной квартире у студента. Бугаев прочел большой реферат „Символизм, как миропонимание" по корректуре из „Мира Искусства", в котором конечно опять

цитирует нас с Лермонтовым. (Кант—Шопенгауэр—Ницше, соврем. религ. дух—стихи) (1). Люба была в это время у Менделеевых (2).

16-ое. В начале 11-сго часа мы приехали в Ново-девичий. После немноголюдной заупок. обедни (монахини очень хорошо пели) отслужили панихиды на могилах дяди Миши и тети Оли, Влад. Серг. и Серг. Мих. (3). Пошли пить чай к Поповым (4)—мы, Сережа, Бугаев, Кобылинский. Ели блины, была масса тостов. Мы перешли с Бугаевым на „ты". Вернувшись домой, после визита Соколова пошли обедать с Сережей в Славянский Базар. Сидели долго, все платил Сережа. Люба перешла с ним на „ты". Из Слав. Базара пошли к Соколовым, куда я привел Бугаева и Эртеля (не слишком глубокого но милого человека). Нина Ив. была в ужасном настроении, Соколов произвел дурное впечатление фальшивое, вечер был неудачен. Я получил корректуру стихов, их 16, „Фабрику" Венкштерн (цензор) вычеркнул целиком. „Гриф" выйдет около 1 февраля (5).

17 субб. С утра пришел Бугаев и мы долго пили чай втроем. После его ухода пришел Сережа и мы вместе поехали обедать к Рачинским. Все было необыкновенно. Григ. Алекс. производит впечатление небывалое, равно как и вся обстановка их дома, обед и пр. После обеда читал им массу стихов, Рачинский сказал в восторге, что он не ожидал, что я выше Брюсова (а Бальмонта он не выносит—подробности лично!). Ушли только в 12-ом часу после многих разговоров, смотрели у Иверской, как в 12 часов ночи повезли икону Иверской Божьей Матери

в карете на шестерке при большом стечении народа.

18 воскр. Утром пришел Влад Федорович. Днем — Григ Ал. Рачинский, рассказавший нам еще подробности о 16-ом января прошлого года (6). В 5-ом часу пошли обедать к Сереже. Обедал еще Новский—очень хороший. Приходили Батюшков и Бугаев. После обеда поехали втроем (с Сережей - он вторично ехал у меня на коленях) к Коваленским.......... Тетя Саша умилялась стихами несколько на манер тети Сони. Маруся вышла под конец, встав с одра жабы, ... мы пришли пешком домой во 2-ом часу ночи.

19 пнд. сегодня. Утром пришел Сережа. Я получил твое второе письмо. Ты уж конечно получила теперь мое заказное. Маминька бедная, угораздило тебя увидеть эту плешивую сволочь (7) у Грибовских! — Мы втроем пошли к Сытину (8). Я говорил с ним. Он был деловит и сух и сказал, что дело будет кончено к Пасхе или даже раньше, а теперь кончить его не могут, потомучто есть свои дела. Когда я спросил его, приедет ли он для этого в Петербург, он сказал, что „будет устроено" и не ответил прямо относит. себя. Повидимому, он поручит все Жигареву (9). Во всяк. случае— „обнадежил". От Сытина мы пошли в Кремль и осмотрели Успенский, Благовещ. и Арханг. соборы—образа, гробницы патриархов и царей, мощи. Вернувшись, обедали у Влад. Федоровича (с Сережей же). Сейчас идем на собрание

к Сереже: Батюшков будет читать реферат, будут [Кобылинский, Новский,] тетя Саша, Рачинские.

Ночь. Вернулись от Сережи. Батюшков читал (были, кроме упомянутых—Рачинские). Мы устали вообще. Приедем в пятницу. Можно сделать нам две ванны днем и вечером в пятницу?—Мы избаловались, я думаю с ужасом о том, как в большинстве петербургских квартир никто ничего не знает.

Будущее: Завтра—вторник. Утром—в Третьяк. галлерею. Обедает у нас Сережа. Я—к Брюсову на минуту (в редакцию). Вечером у нас Сережа и Андр. Белый.

Среда. Визиты прощальные: тетя Саша, Бугаевы, Соколовы, еще Менделеевы, другие, Рачинские. Обедать у первых Менделеевых... Вечер у Сережи конфиденциальный, последний.

Четверг—укладыванье. Отъезд в $4^1/_2$ (кажется). В пятницу—утром—в Пбге.

Я думаю с удовольствием только о нашей квартире в Пбге. Видеть Мережковских слишком не хочу. Тоже—всех Петерб. „мистиков"—студентов. Все это—в стороне. Тоже с Любой—относит. этих „мистиков". Пьяный Бальмонт отвратил от себя, личность Брюсова тоже для меня не очень желательна. Хочется святого, тихого и белого. Хочу к книгам, от людей в Пбге ничего не жду кроме „литературных" разговоров в лучшем случае и пошлых издевательств или „подмигиваний о другом"—в худшем. Но будет так много хорошего в воспоминании о Москве, что я долго этим проживу. Надеюсь передать и тебе, что могу. Когда ты написала

о каком то Никольском, на меня пахнуло кошмаром. Но я твердо знаю, что мы тысячу раз правы, не видя в Пбге людей, ибо они есть в Москве. Нельзя упускать из виду никогда существования Москвы, всего, что здесь лучшее и самое чистое. На Пасхе может быть будет у нас Пав. Ник. Батюшков, одна из прелестей. Тебя, маминька, я очень хочу видеть. Целуем тебя крепко.

Твой Сашура.

Москва, 19 янв. 1904.

69.

ЕЙ ЖЕ. (1).

Милая мама, мы идем в четверг на „Вишневый сад", потому приедем позже пятницы, но никак не позже воскресенья (конец отпуска). Напишу еще, вероятно. Целуем, обнимаем.

Твой Сашура.

21 янв. 1904. Москва.

На обороте: С.-Петербург. Петербургская Сторона. Гренадерские казармы, кв. 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

70.

ОТЦУ.

Милый папа!

Я получил деньги, благодарю Вас очень за них и за длинное и интересное письмо.

Пока не пишу много, так как занят славянским рефератом и русским сочинением. Жена и мама очень благодарят Вас за поздравление пожелания. И я Вас очень благодарю и целую.

Ваш Сашура.

15 II 1904 Спб.

P. S. Антон Крайний—сборный псевдоним, большею частью—m-me Гиппиус, изредка—Мережковский.

71.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа.

Христос Воскрес! Желаю Вам всего лучшего и целую Вас. Жена и мама Вам кланяются. Простите, что до сих пор не ответил Вам обстоятельно, скоро напишу еще.

Ваш Сашура

Пасха 1904 года (1).

72.

МАТЕРИ (1).

Милая маминька, доехали прекрасно, сидим на Подсолн., погода—солнце и изредка дождик (мал.), ждем открытия Старикова (2), приехали Мартин (3) и Яков (4), вчера родился поросенок (или много). Поздравляем с именинами.

Сашура и *Люба* (5).

На обороте: С.-Петербург. Петерб. Сторона, Гренадерские Казармы 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

73.

ЕЙ ЖЕ (1).

Милая мама.

Очень хорошо приехали мы и живем—во флигеле. На станции встретили нас Мартин в коляске с круглыми лошадьми и Яков с подводой. Доехали часа в 2 (дорога прекрасная почти везде), сейчас же нам принесли сладкий хлеб и бисквит, изготовленные Дарьей (2), молоко, чай, величину (2) совершенно особого вкуса (бледно-заревую, с пламезарной оторочкой, нежную, не соленую и мало копченую), и пр. Покушав, гуляли—много. Пруд не выдержал заграждения (4) и убежал, ваша постройка оказалась слишком узкой, потом можно будет починить. Ананьевна наговорила бездну такого вздора, что я даже рассердился и сделал ей выговор за цветник, тщательно выложенный мною дерном и ею пакостно расцарапанный опять (перед твоим окном). О зданиях—в прекрасном состоянии. Каретный сарай поражает гармониею очертаний (5). В доме наверху сооружаются мною книжные полки под потолком—так, чтобы достать книги мог только тот, кто дорос до понимания их. Ананьевна (6) чистит сад, прозрачный еще, листья с каждым днем расползаются, на черемухе и сирени—тугие ранние бутоны. Нарциссы, ирисы и лилии только что лезут из земли. В доме очень чисто, для окончательной чистки наймем поденщицу, т. к. Ананьевна измучилась в саду, а у Дарьи родились шестнадцать розовых поросят, сосущих двух превосходных свиней. Третья свинья и боров с умным и спокойным выражением лица

находятся в отдельном дортуаре. По двору ходят: 1) петух и куры. 2) Два дружных гуся, шипящих на прохожих, очень разговорчивых и толстых. 3) Индюк, которого нужно обходить за 10 сажен, чтобы он не исколотил клювом, очень выразительно разговаривающий большей частью сам с собой, обладающий женой, сидящей на яицах где то в потайном строении. 4) Гнедой, совершенно запаленный, неспособный уже ни к чему; виноват в этом не я, а кажется Дмитрий (7), который, пьянствуя зимою, оставлял его на ночь у кабака и простудил. Итого только 3 лошади в хорошем виде. Мальчик ходит хорошо и работает—пашет и пр. Март. собирается предложить купить лошадь. Он истратил на все (с жалованьем, сараем и пр. и пр.) около 250 рублей, еще остаются повинности (22). Нам с Любой кажется, что это немного. Обещает упорно, что Шахматово окупит себя, очень хвалит его, предлагает продать тот кусок земли к Фоминскому (8), на котор. у нас Негин (9) купил лес. Дадут рублей 500—600, покупатель—трактирщик, кусок совсем отрезан от нас. Это окупит и землемера (слишком), о котором он советует всетаки подать прошение, может случиться, что землемер будет близко, тогда его пришлют и к нам—осенью. Пока траты могут быть покрыты преимущественно поросятами (осенью—5 р. штука), потом м. б. хлебом.

Надо купить: зубцы для машинки для котлет; на машинке написано: Americ. Syst. 5. R. Alexander Werk.

Маменька, вот тебе ключ, откупори им левый шкапик моего письм. стола, там все ключи.

Надо привезти Любе из среднего ящика ее стола все клеенчат. тетради с записками. Они лежат в глубине.

Поросята—превосходные звери.

Две телки остались „на племя".

Я написал две огромных рецензии в Новый Путь.

Около орешника будет картофель и свокол (10).

Рассказы Мартина лучше послушай сама.

Мы очень хотим обитать во флигеле—вследствие его удобства.

Сделана новая калитка.

Зачем ты велела испортить луг около дома новым цветником?

Птицы поют везде.

Эту хронику я пошлю в „Весы".

Дарья — аристократическая кухарка, изготовляющая на любителя: ветчину, битки со сметаной, творог, сметану, молоко, черный и др. хлеб, простоквашу, суп с вареной говядиной и суш. корнями.

В Праслове вырубили несколько участков. Кривая полоса (11) отдана Тараканову (12) и Осинкам (13) вместе (т. е., чтоб скосили) за пастбище на Тарак. поле (14) (обеим деревням).

Граница с Осинками окончательно утрачена. Большей частью—солнце, было неск. дождей. Арапка (15) на днях лишь вернулся со свадьбы, исхудал, глаза его грустны. Марс (16) переселился в другое место и не желает жить в Шахматове. За поздравление от Гудина (17), Шепляк. (18) и Осинок мы уплатили 8 рублей. Таракан. бабам сказали, что нас нет дома, а Фо-

минских—прогнали. На скотном обитает щенок „Роза“, тыкающийся носом в землю при быстрой походке, ростом около 2-х вершков, обладающий уже хвостом, ушами, языком, лапами в белых чулках и проч.

Куплен большой бык (осенью).

Боров стоит 21 рубль—о нем—особо надо говорить с Мартином,—он хороший комнатный зверок.

Парник с огурцами и прочее великолепен. Все растет в нем не хуже, чем на грядах!

Поросята—все розовые и бойкие.

Загон для коров—превосходен.

В сухом пруду (19) вырыто мокрое место для питья коровам—большое. Эта местность сильно испорчена. Но можно наслаждаться видами в другом месте.

Все вообще производит пока утешительное впечатление,

Мартин уже вспахал почти все, в первых числах мая будет сеять овес. Озимь—хорошая. Льду привезено 55 возов. Дрова изготовлены. В „Кустах“ (20) прорублено по обеим стор. дороги.

Стихов еще не писал. Все время возвращаюсь мыслью к поросятам, гусям и индюку.

На поросятах еще очень мало щетины. Не будет ли у тебя маминька шкатулочки для спрятанья денег и почтовых знаков? а также нужных и секретных бумаг? Ее Превосходительство (21) велела продиктовать: „Я совершенно поглупела и даже диктовать ничего уж не могу“. Она говорит, что все это я сочинил сам.

В нескольких местах (не у нас) горит трава.

Маминька, пожалуйста целуй Францика и тетю Маню—от нас.

Мы послали в первый раз на станцию 27 апреля, т. е. завтра.

Вот ты сама увидишь поросят!

Твой Сашура.

Если я еще что нибудь забыл,—то вспомню по твоем прибытии.

Напиши о войне.

Крепко обнимаю и целую.

74.

ЕЙ ЖЕ (1).

Милая мамочка. Отправляю письмо с Сережей, кот. провел у нас сутки. Около полов. мая приедет вероятно еще. Подробности в след. письме через неск. дней. Все прекрасно—и погода. Была гроза с градом. Очень красиво. Целуем. Сашура.

P. S. Поросят 14, а не 16.

Шахм. 28 апр. 1904.

На обороте: Петербург. Петерб. Сторона Гренадерские Казармы, кв. 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

75.

ЕЙ ЖЕ.

Милая мамочка.

Во вторник днем приехал Сережа—покончив с репетициями, перед экзаменами, которые начнутся у него 1 мая. Разговоры были довольно

растерзанные, ничего цельного. Несколько раз мы убеждали его привести окончательные доводы против Мережковских, но он отплевывался пока только. Если он приедет в половине мая (между экзаменами)—насядем на него втроем в этом отношении. Я больше чем когда нибудь чувствую, что не могу еще ничего отбросить из нового (кроме разве кое-чего неважного). Кроме того, мне захотелось отдохнуть здесь и прийти в здоровое состояние, потомучто нервы сильно расстроены. В среду в 3 часа мы ездили провожать Сережу на Подсолнечную. Ехали втроем, вернувшись назад, почти не устали.

Любе страшно нравится Шахматово, мы много гуляем. Были у ясени (1), в Яркине, во всех ближайших местах Прасолова и пр. Бывает иногда холодно, мы топим (хотя не каждый далеко день), однако я хожу в рубашке и желтом пальто, а Люба иногда в сарафане. Едим мы очень хорошо, много и вкусно—3 раза в день (утром—9-11—яица, молоко, чай, хлеб; 3 ч. дня—обед—яица, супы с мясом, битки, ветчина, творог, молоко, простокваша, чай, кончаем сладкое привез. из П-бга; в 8-9—ужинаем).

Всего нужнее колодезь. Вода (теперь из старого подправленного колодца) уже пахнет навозом. Что же будет после дождей! На днях сеют овес. Посажен картофель (54 меры), будет свекла в саду около огорода. Мы обеспечены недельной работой (сенокос) с 7—8 мужиками—за вывоз суши на дрова. Мне представляется вообще положение Шахматова хорошим, только нужно непременно сделать несколько оборотов с землей (и м. б. частью леса впоследствии) после

оффициального определения границ. Эти обороты окупят все необходимое (думаю, что и землемера и колодезь и лошадь с избытком—самое важное пока). Вечный покупатель дров—фабрика. О рубке леса много полезных советов дает Мартин. И о многом другом также. Леса можно продать дальний участок к Осинкам, где все равно за ним не усмотришь. Я уверен, что Шахматово можно вполне окупить.

В понедельник начнем приготовлять дом. Я разместил книги по новому.

Весна в полном ходу. Мы ждем небывалого цветения сирени, также черемухи. Вот тебе душистая фиалка из под Рунова (2). Цветов уже порядочно—ранних, деревья с быстротой покрываются зеленью. Сад вычищен. Звери прекрасно себя чувствуют.

Привези пожалуйста Любину вышитую скатерть с ее ночного столика и мою старую фуражку, можно—смятую, без картонки, очень прошу. Оставим в Ш-ве

Целуем и обнимаем тебя. Твой Сашура.

Тетмайер—почти бездарен, а Пшибышевский—поразителен.

30 апреля 1904.
Шахматово.

А что переговоры о флигеле? Где ты и тетя будете жить?

Сережа и Андрей Белый—снялись у стола, на котором поставлены карточки Любы и Влад. Соловьева. У нас будет такая карточка.

76.

ЕЙ ЖЕ.

Миленькая мамочка.

Отчего так давно нет писем? Я беспокоюсь. Если будет завтра (5-ого) от тебя известие, когда ты приедешь,—то до твоего приезда не пошлем больше на станцию. Итак уже опоздали с овсом. Сегодня дождь, моют дом. На днях Сережа прикатил вторично опять на одни сутки, разбудил нас (положим, что в 11 часов мы спали). Очень весело пили чай до двух часов ночи, на следующий день говорили, гуляли и хохотали. Он уехал (в воскресенье) в 6 час. вечера—опять на следующий экзамен. Кажется приедет на днях опять, м. б. со своим товарищем Щукиным—сыном владельца художеств. музея в Москве. По этому поводу опять подумывали о меценатстве. Летом Бугаев непременно приедет. Сережа, конечно, тоже, и думаю, что не раз. Хочет привезти еще Батюшкова (1). Сережа приедет еще скоро после твоего приезда, я думаю. Но дело вот в чем: Анна Ник. Шмидт (2), не смотря на то, что я ей до сих пор не ответил, опять написала „ради Бога устройте нашу встречу“ и пр. Рассчитала все свои дни и вышло, что числа 11—12 она приедет сюда на день или на два для большого разговора. Сережа отказывается приехать вместе с ней, я очень рассчитываю на твою помощь, Люба тоже. Анна Никол. считает себя воплощением [Софии] Души Мира тоскующей о Боге. К счастью она знает уже от Сережи, что мои стихи обращены н е к ней. Во всяк. случае, положение затруднительное и придется вести

с ней разговор наедине,—а потом уж вместе. Мы на тебя надеемся. Придется выслать за А. Н. 11-ого или 12-ого, я пишу ей теперь, чтобы ты привезла ее ответ. Приезжай лучше 10-ого. Она—дама очень разговорчивая, Сережа говорит, что во многом права, но он в нее не верит. Она хочет играть в Петербурге ту же роль, что Люба в Москве (anti-Мережковск.) Впрочем, это только раз мельком сказала Сереже. Я получил из „Нов. Пути“ оттиски своих прошлогодних стихов в количестве 10-ти. Все прекрасно у нас, погода 6. ч. была великолепна, теперь испортилась. Черемуха зацветает. Душистым фиалкам нет счета. Бедная тетинька! Кого же она взяла для поправки перевода? Что на войне? Отчего ты не пишешь? Целуем и обнимаем вас всех.

Твой С а ш у р а.

4 мая 1904. Шахматово.

Пришлось распечатать!!..

Сейчас Иван Борисов (3) привез с почты: 1) твое письмо, 2) письмо Перцова и Новый Путь (апрель).

Жаль, что Аннушка приедет завтра. Надо сеять овес, мы уж опоздали, дождь, пользоваться временем. А ее ни к чорту не нужно. Я очень беспокоюсь, как ты будешь ж и в о й т (4) в моей старой комнате. Во всяком случае—необходимо запереть двери—чтобы табун дур не грохотал с полуночи и не мешал спать. Мы рассердились на прислугу, Дарья так хорошо и просто готовит, не нужно бы никаких диавольских ухищре-

ний. Комодик перенесу. Перцов очень мил и ласков, хвалит мои громадные рецензии на Бальм. и Вяч. Иван., послал их в набор, очень просит спокойную рецепцию на „Urbi et orbi“,— в июньск. книжку, „Нов. П.“ интересен. Стихи мои, „если не встретится... затруднений“ пойдут в июне-же. Андрей Белый пишет восторж. письмо о моих последних стихах, прилагает свои. Отчего ты не прочла? Он предлагает приехать в начале июня или в конце мая. Последнее м. б. лучше? А там м. б. затащим его еще. Я думаю ехать в „Серебр. Колодезь“ (5). Он опять говорит, что я скоро буду=Лермонтову и пр., и о моем приезде в „Серебр. Колод.“ как о „чем то неизгладимом“. Вообще, многое предстоит —хорошее.

Твой Сашура.

P. S. Приписал Анне Никол. Шмидт, чтобы она приезжала 12 или 13, мы за ней вышлем. А вы наверное 11-ого?

Не забудьте купить летнее расписание поездов, оно наверное уже будет к тому времени.

77.

ЕЙ ЖЕ (1).

Милая мамочка.

Какая ты бедненькая! Я не мог понять, отчего твои письма нервные, оказывается, ты больна.

....

Конечно, я не буду стараться устраивать раздоры, даже напротив, кажется, постараюсь не злиться, потомучто нервы и так расстроены, а всевозможных дел—сколько угодно. Но едвали я буду

много разговаривать, ведь ты говорила о том, что можно и совершенно необходимо выработать свободный образ жизни. Относительно того, что ты хочешь жить в моей маленькой комнатке — я еще не могу согласиться, боюсь, что тебе будет там плохо. Это мы обговорим, когда ты приедешь.

Я опять посылаю Перцову (2) громадную рецензию на Брюсова в „трезвом жанре“, как он очень просил. „Весы“ перевел сюда, написал Брюсову. Сережа не приезжал больше, кроме двух раз. Относит. приезда А. Н. Шмидт выяснится надеюсь с завтрашней почтой.

Мартин едет за тетей сейчас (накануне днем). Дорога очень плоха, сегодня тепло, но вчера при отчаянном холоде шел утром снег. Пруд починен и полон, как давно не был, но грязен и вода хлещет по новому жолобу так, что может вертеть любое колесо. Мартин продал быка за 55 рублей (куплен. неск. месяц. назад за 35,— и „принес пользу“ нескольким коровам). Звери здоровы, гусю таки удалось схватить однажды Любину юбку, за что я его отколотил палкой. Но он продолжает лезть в драку. Оба гуся по слов. Мартина, „братья“, так что нестись не́кому и увы! придется очевидно резать обоих. Им трудно жить без воды, раз мы с Любой гоняли их на пруд. Индюк старается не отставать по части драки, но его удалось запугать и он избегает подходить близко, а ругается издали. Пикуша (2) очень мило гуляет, лижет руки. Любе очень нравится все в Шахматове. Дом вымыт, топится, там чисто, уютно и довольно тепло. Большая часть занавесок повешена. Сейчас уехали попы,

которые служили молебны с иконой Николая Чудотворца в доме и у нас, потом пили чай и „обменивались мыслями". Стихов у меня несколько неконченo, я их отделываю. Мне очень нужны тетрадки, я пошлю еще в „Ж. для всех" и в „Мир Искусства". Бугаев предлагает приехать в конце мая, мне бы хотелось. Ждем тебя 16-ого с Франциком. Целуем и обнимаем обоих вас, будь здорова, миленькая мамочка. Твой Сашура. [М. б.] Вероятно больше не напишу.

P. S. Мясника приговорили в Рогачеве—одного из Негиных. Едим прекрасно истратили на еду немного. В Боблове еще не были.

78.

ЕЙ ЖЕ (1).

Миленькая мамочка,

напишу тебе подробно потом.

Страшно устал от уборки всех книг и трех (!) наших комнат.

Мы доехали великолепно с помощью пересадки, о которой тоже напишу.

У Любы даже не болела голова.

Завтра должно быть пойду в Университет, а сейчас в ванну. Грязен, как свинка.

Обнимаем тебя.

Твой Сашура.

Дрожат руки и очень грязны.

79.

ЕИ ЖЕ.

Сведения, цитаты и примечания.

28 авг. 1904.

Милая мамочка.

Квартира наша почти устроена, а тетина найдена, хорошая, нам нравится. Когда у нас будет драпировка, будет красиво, но и теперь красиво. Я уже записался на лекции в заведении. Люба получила 5 за сербский яз. и 3 за латинский. Завтра обедаем у Лейнера (1).—Паша удалилась довольная тремя рублями. Наливайко очень симпатичен. В городе—тоска и пыль. Я читал, учился и несколько гулял. Очень хочу на угольные ямы (2). Приехать кажется не удастся. Мне жаль Шахматова, я давно так не жалел, расставаясь с ним, как теперь. Пошел в Ботанический сад, и противно смотреть даже. Я написал стихи, котор. мне нравятся, но длинные, потому не пишу тебе. От Соколова пришло письмо на Подсолнечной, любезное. Я не отвечал, но сегодня опять получил: он на все согласен, собирается издавать тысячу экземпляров, обещает по распродаже всего чистый доход (со всей книги)—250 рублей. Скорпионы и Грифы идут хорошо, говорит Вольф (3). Повидимому и война не помешала. Первое, что мы увидели на Петерб. платформе—был бледный Семенов, который повидимому кого-то давно уже и напрасно встречал. Кроме него я никого интересного не видел. Погода все время превосходная, даже часто жарко.

За лето не прислали ни одного № ни „Мира Иск.“, ни „Ж. для всех“. Заявили в конторы. Тетина квартира светлая, веселая, близко, удобная, низко, чисто, ванна, в стенах—шкапы, 2 хода. Впрочем, она наверное все написала. И писать то нечего. В Шахматове событий больше. Поздравляю тебя с нашими рожденьем и имянинами, от меня уж прячут подарки, а я подарил Любе платки, которые она сама купила. Мне стало гораздо удобнее и многовоздушнее спать, но негодяи грохочат дровяными телегами. Впервые начал путаться в своих книгах, столько их собралось. На Каменноостровском выстроили новые красивые дома. Глазов (4)—болван. У нашего дурацкого моста вбиты уж и сваи, но я ожидал, что будет еще хуже. Кушаю много, сплю все больше. У Любы сильнейший насморк от пыли. Доехали в простом III классе, пересев в Клину на поезд № 12, который приходит в Пбг. на 1/4 часа позже, чем № 16 (почтовый bis). Для пересадки нужно заявить дежурному по станции в Клину, что желаешь „сделать остановку“ и предъявить билет в кассу для штемпеля. А в Подсолн. № 12 не останавлив. Советую так сделать, если в 16 будет много народу. Мы очень хорошо спали, я с добродушным подрядчиком, который так и не поверил, что у меня жена не подставная, а настоящая.

Обнимаем и целуем тебя, твой Сашура.

Соколову пошлю стихи.

80.

ЕЙ ЖЕ.

Спб. 2 сент. 1904.

Милая мамочка.

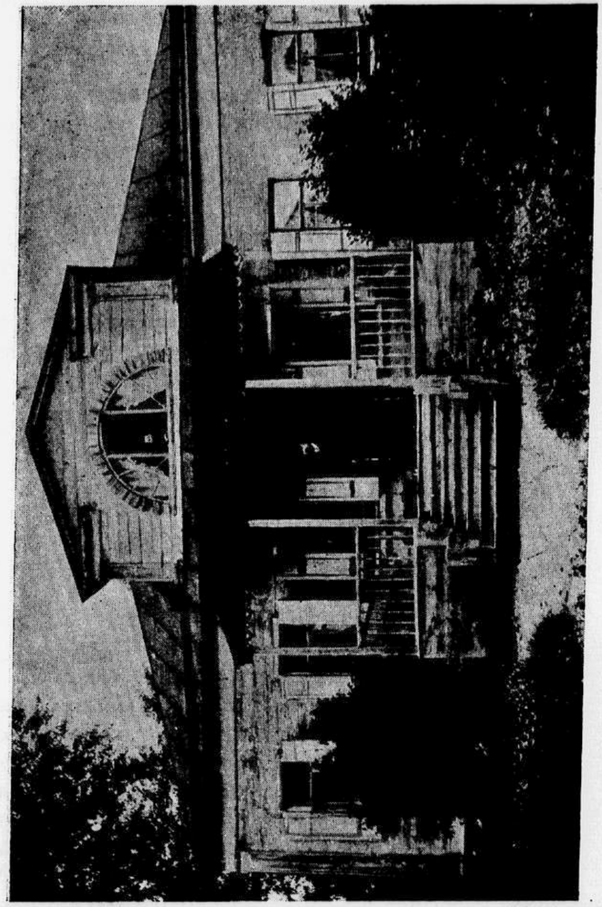
Произошло много интересного. Сегодня я вернулся от Гиппиусов, у которых застал приехавшего сегодня Александра Васильевича с женой. Жена—худенькая, застенчивая фельдшерица, он не изменился нисколько. Скоро придут к нам. Подробностей не пишу, слишком много.—Любино рожденье прошло совсем незаметно, обед у Лейнера был не весел, тускло и буржуазно-ресторанно. Возвращались только красивой ночью на пароходе.—30 авг. я получил в подарок: от Любы—3 тома расск. Гиппиус (вот то ты будешь читать!), а от тети—рассказы Сологуба и Дафниса и Хлою (1). Днем пришел Иванов (2), не знавший, что мы приехали - наугад. Он был необыкновенно мил, ему лучше, он опять тверд и сравнительно спокоен. Обедал. Брат (3) его написал большую статью о Вагнере в „М. И.“ (который наконец получен—3 №№—все лето не приходил ни один журнал).—31-ого вдруг пришел перед завтраком Фридберг (4) по делу от Тернавцева (5), который издает букварь для народных школ (разойдется в десятках тысяч экз., если будет принято)—трехтомный, совсем по новому,—для развития и облагоражив. вкусов? Там много стихов, и он просит меня написать что-то вроде колыбельной песни. Обещает очень хорошо заплатить, и пригласил для разговоров. Пойду к нему завтра, он объяснит лучше Фридберга (понятнее). „М-ие“ (6)

на даче в Гатчине! Скучают... В университете я бываю и буду постоянно бывать (необход. для экзам.), достал от Сасс-Тисс. (7) много полезных книг и лекций, и по дешевой цене, и даром. Обязат. лекций много, дела много. Не унываю. Пока еще лекций нет, только разговоры, суматоха, критика Глазова. Успокаивают насчет экзаменов, говорят, что многое легко.— Послал Соколову сборник. Все, что ты пишешь, по поводу Сережиного пребывания (о Соловьеве= Розанову и пр.) меня как то не радует. М. б.,— оттого, что очень уж много конкретного (и суетливого), а м. б. оттого (и скорее), что я все больше чувствую конкретное. Вот так как в „Жизни В. Фивейского“ (8)—я понимаю. Усталое поколение пбгских мистиков (сам принадлежу) — мило и родственно, но не жду здесь нового. — Вчера был Ваня (9), долго говорили, хорошо, но... опять говорили. Жду, чтобы люди изобрели способ общения, годный и тогда, когда вырван грешный язык. Лучшие слова уже плесневеют. „Субстанция“ же, которой эти слова жалко силятся уподобиться, живет в каждом.

Пбг голоден, он хочет глотать, не прожовывая, скаля зубы. Он как то весь ощетинился и ведет себя милой по родству но поганой гадиной. Гущины отдохнули от смерти своего ребенка. Они совсем изнемогли от бессонниц. Борис (10) все еще возится с Институт., м. б., скоро придет к нам. Целуем и обнимаем.

Сашура.

Пожалуй — последнее письмо? Скоро приедете!

Дом в Шахматове в его первоначальном виде (1894 г.)

81.

ЕЙ ЖЕ (1).

Милая мамочка

Чувствую бодрость. О Шахматове помню больше чем когда нибудь. Много интересного с Тернавцевым говорил, не знаю, что выйдет из стихов на заказ. Семенов очень хорош—и так и стихи его. „Н. П.“ (август) интересен для „декадентов“. Поздравляю с баней и балконом (2). Очень хотели бы в Шахматово, да уж нельзя и сроки пропущены. Люба получила за новую ист. 5, остался один экзамен — легкий — во вторник. Целуем и обнимаем.

Твой Сашура.

Воскресенье.

Получены ли „Весы“?

82.

ОТЦУ.

Милый папа.

Сегодня получил, наконец, свой первый сборник, который посылаю Вам. Пока, не раскаиваюсь в его выходе, тем более, что „Гриф“ приложил к нему большое старание и, по моему, вкус. Мне хотелось „благородной скромности“, потому я старался избегать посвящений „знаменитостям“, если не считать учителя—Вал. Брюсова и нежного близкого друга—Андрея Белого. Что касается Вл. Соловьева,—то он в эпиграфе слиш-

ком уместен. Быть может, я стольким обязан его стихам, что лучше было промолчать о „светлой дочери темного хаоса" и не цитировать его... Но,—того требует окружающий хаос и „литературная" тупость. Лично же с Вл. Соловьевым мы некогда встретимся—но в просторной и светлой витрине неба скорее, чем в витрине книжных лавок, освещенных всесветными „газами".

Пока пишу Вам только об этом. Занятия мои идут хорошо, большое кандидатское сочинение („Болотов и Новиков") закончено.

Моя жена и мама кланяются Вам.

Ваш сын

Александр Блок.

29 X 1904. Спб.

ГЛАВНЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Стрк.	Напечатано.	След. читать.
7	3 сверху	дальнему	дольнему
40	"	увидал	услыхал
60	4 сверху	уронивши	уронивший
68	5 сверху	бездольно	бездомно
70	2 снизу	дивы	дива
80	1 сверху	человечек	человек
86	6 сверху	гладкий	шаткий
92	"	проносило	приносило
96	4 сверху	странных	страшных
96	4 снизу	густые	пустые

83.

ЕМУ ЖЕ (1).

Милый папа.

Большое спасибо за присланные Вами сто рублей, которые пришлись очень кстати. Поздравляю Вас с близящимся Новым Годом и, как всегда, желаю Вам всего лучшего.

Мне етранно, что Вы находите мои стихи непонятными и, даже, обвиняете в рекламе и эротизме (2). Мне кажется, это нужно „понимать в стихах". В непонятности меня, конечно, обвиняют почти все, но на днях мне было очень отрадно слышать, что вся почти книга понята, до тонкости часто, а иногда и до слез,—совсем простыми „неинтеллигентными" людьми. Не выхваляя ни своих форм и ничего, вообще, от меня исходящего, я могу с уверенностью сказать, что плохо-ли, хорошо-ли,—написал стихи о вечном и вполне несомненном, что рано или поздно должно быть воспринято всеми (не стихи, а эта вечная сущность). Что же касается „распродажи" в настоящем, то она идет, разумеется, „туго", что впрочем я мог ожидать всегда, и ни на какие доходы не надеялся.

Если бы я хоть раз встретился с критикой „по существу", я разумеется воспринял бы с благодарностью самые сильные нападки. К сожалению, такая критика была еще пока только устная—и в малом размере. Раскаиваться в том, что книга вышла, я не могу, хотя и славы не ожидаю.

Еще раз, большое спасибо за деньги. Будьте здоровы.

Ваш сын Ал. Блок.

1905 г.

84.

ОТЦУ.

28 марта 1905 г.
Петербург.

Милый папа.

Получение денег от Вас было для меня совсем неожиданным и очень приятным сюрпризом. Конечно, очень благодарю Вас за них. Это было особенно кстати по двум причинам: во первых, государственные комиссии окончательно прекратили свою деятельность, и возможность держать экзамен нет ни малейшей (впрочем, едва ли бы я стал держать экзамен на условиях, предлагавшихся г-м Г-зовым, отчасти и по тому, что на сходке 7 февр. я присоединился к решению „большинства", хотя и воздержался от решительного мнения). Во вторых—в последнее время денег становилось мало—пришлось делать штатское платье и пр. Впрочем, когда я наконец решился принять меры к добыче денег, мне это удалось почти сразу. Редактор „Грифа" прислал в виде гонорара и за книгу стихов 50 рублей. „Вопросы Жизни" (заменившие „Новый Путь") дали много работы и также заплатили 50 рублей. Теперь я имею возможность работать у них много—писать рецензии, иногда статьи о поэтах)

и помещать стихи. Кроме того, могу написать фельетон в газету „Слово" о французских символистах. Все это пока очень устраивает и радует меня некоторой невзыскательной радостью, особенно потому, что помогает относиться с полным равнодушием (разумеется, с т. зр. денежной) к прекращению лекций. На VII семестре (осенью) я успел однако развить довольно деятельности, чтобы написать зачетное сочинение, которое г-н Шляпкин хвалил и предлагал напечатать („Болотов и Новиков"—к истории мемуаров и массонства). Печатать его, однако, возможно, я думаю, „с дополнениями и изменениями", ибо всетаки оно—компиляция, хотя и списано с подлинных, правда изданных мемуаров. Тогда же написал я большой реферат Соболевскому об [„Откровении"] апокрифе о путешествиях Иоанна Богослова, и уж разумеется скучный, фонетико-морфологический. Так. обр. почти все „зачеты" мои готовы и можно успокоиться до осени, а на Рождестве (?!) держать экзамены. Пишу очень много рецензий о самых разнообразных книгах, преимущественно о беллетристике и ист.-литературных. Вопрос об отъезде в деревню мог бы быть решен в скором времени, еслибы остальные вопросы, касающиеся общей п—ки были решены. Об этом я бы и хотел писать, но вполне не доверяю „почте и телеграфу". Думаю, что зайдет об этом разговор с Евг. Вас. Спекторским, которому буду писать сейчас, и которого очень рад увидеть, так как он сообщит мне сведения о Вас. Что касается сведений, полученных из Сибири через Марианну Петровну (1),

то они как то слишком издалека пришли и профильтрованы несколькими родственными наслоениями. Мне всякие родственники, кроме ближайших, крайне затруднительны, и я почти не встречаю их. Вижусь периодами часто с большими и малыми литераторами, что также не всегда приятно, а иногда и отяготительно, но зато— почти всегда не скучно. Скука вообще куда то давно испарилась, и это заставляет меня думать, что пути мои не совсем кривы, хотя будущий практический путь до сих пор совершенно не выяснен. К сестре Ангелине я не пошел до сих пор преимущественно от инертности по отношению к хождениям. Пойду к ней непременно, хотя боюсь своего крайнего неуменья обращаться с детьми, а также своего довольно туманного способа выражений в разговоре („für wenige"!) (2). Впрочем, в последнее время у меня явилась даже потребность в одичании, и многих речей я совсем не понимаю.

Встречи с разнообразными людьми учащаются. Кружок Мережковских стал менее самодовлеющим. Много приехало в последнее время и из России (в противоположность Петербургу). И все-таки, ближайшими людьми остаются Сергей Соловьев, Борис Ник. Бугаев (Андрей Белый) и Евг. Павл. Иванов (из „Нового Пути"). Роль „фона" близости играют до сих пор в большой степени Мережковские, злостно ненавидимые почти всеми за то, или за другое. Правда, в этом они часто виноваты сами (особенно, З. Н. Гиппиус), но замены их я не предвижу, и долго не дождаться других, которые так же прошумят, как они (в своей сфере—теорий великолепных,

часто почти нелепых, всегда талантливых, всегда мозолящих глаза светским и духовным лицам). О декадентстве в последнее время (и давно уже) как то нет помину, и его, в сущности, по моему, нет. Оно ютится где то в Москве, в среде совершенно бездарных „грифенят", молодых гимназистов, отслуживших черные мессы (будто бы в Берлине), говорящих на собраниях много и скучно о черных лилиях. Сами маги (Брюсов и др.), давно в сущности оставившие декадентство, взирают на этих с тайной грустью. Всего этого так много и все это—внешне, и, большей частью, скучно. Выходя в „поле за Петербургом" на шоссе, я чувствую себя совершенно по настоящему. „Здравость" ничем не нарушается, кроме религиозных впечатлений, впрочем, в очень широком смысле.

Наверное, напишу Вам еще до осеннего личного свидания. Извне все до такой степени перепутано, что я совсем не могу представить себе, что будет осенью и останется ли все на месте.— Люба и мама очень благодарят Вас за поклоны и желают Вам всего лучшего. Целую Вас. До свиданья.

Ваш сын

Александр Блок.

85.

ЕМУ ЖЕ (1).

1905.

Христос Воскрес, милый папа. Я познакомился с Е. В. Спекторским и А. Н. Александровым (2). Е. В. мне понравился, мы хорошо разговаривали,

он—милый. А А. Н. Ал.—не понравился... Он—очень внешний человек... Вероятно, мы скоро уедем в Шахматово. Продолжаю писать в „Вопр. Ж." Люба и мама поздравляют Вас и желают Вам всего лучшего. Целую Вас. Ваш сын Ал. Блок.

На обороте: Варшава. Кошиковая 29, кв. 6. Его Высокородию Александру Львовичу Блоку.

86.

МАТЕРИ (I).

Милая мама, приехали благополучно, Мартина нет (твое письмо я взял с почты), в Клину пили кофей, погода очень хорошая, солнце.

Сейчас буду нанимать ямщика.

Целуем. Сашура.

На обороте: Петербург. Петербургская Сторона, Гренадерские Казармы, кв. 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

87.

ЕЙ ЖЕ.

Милая мама, все прекрасно.

Сейчас Мартин едет в Дмитров (I) за лошадью. Посылаем за вами 4-ого в среду (ты спутала—4-е не во вторник, а в среду). Во флигеле печка хорошая, починим только трубу, но все стены ободрали и забьем тесом, будет красиво и не-

дорого. Мыши очень много кушали. Все спокойно, поздравляли мужики, разговаривали как всегда. Поросята опять особенно хорошие. Много работали в саду и обдирая флигель. Балкон и баня очень хорошие. Навоз вывезут [гудинские] осиновские за пастбище, скосят за дрова мужики всё, кроме кривой полосы, которую отдали косить и убрать Гудину за 26 рублей. Целуем и ждем.

Сашура и Люба.

Люба (2).

Ручки дрожат от работы!

30 апреля 1905.

88.

ЕЙ ЖЕ (I).

Милая мамочка, доехали недурно. В Клину пересели на № 12, т. к. 16 был набит. Спали, несмотря на тесноту и жару, хорошо. В Любани пили чай и кофей. Опоздали около часу, приехали около 10 часов (вместо 8.45). Любе с утра противно, а мне—НЭТ (2). Потому что я умывался, а Люба—НЭТ. Кушали в вагоне (Люба говорит) МАЛО, но я—МНОГО. Все время—солнце. Петербург расположен на обоих берегах Невы.

Твои Сашура и *Люба* (3).

На обороте: Никол. жел дороги Ст. Подсолнечная, с. Шахматово Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

89.

ЕЙ ЖЕ.

29 авг. 1905.

Милая мамочка. Все к лучшему, нечаянно убив... (1) Много новостей. Приехав, встретили пляшущего и потолстевшего Наливайку у ворот. В квартире все очень чисто. В тот же день я все убрал и был в ванне, пока Люба узнала все о курсах и была у Дм Ив., который дал ей „на всякий случай“ 50 рублей. Тем временем в газетах появились известия о начале занятий в у-те и прочие тревожные сведения, которые ты уже видела. После обеда (в 6 ч.) я пошел в редакцию, которая оказалась как раз за тетиной больницей (2) на седьмой Рождественской (Надо сказать, что Достоевский воскресает в городе). Нашел и лез на лестницу, и услыхал из за одной двери крик:—Мистический богоборец! Почти по этому и догадался, что кричат Вопросы Жизни. Квартира их оказалась темной и маленькой; в ожидании электричества при свечах в бутылках сидели в конторе Булгаков (3), Чулков (4) и Жуковский (5), и Б-в высмеивал Жуковского, крича: Мистический богоборец! Почти без речей, как я вошел, пустили залп новых стихов Брюсова (не особенных) и Вяч. Иванова (6) (особенных). После этого Булгаков взял у Чулкова галстух и, хохоча, увел Жуковского к Вяч. Иванову. Мы же с Чулковыми и сестрой Чулкова стали пить чай при тех же свечах в бутылках. Тут то, в запахе Достоевского, и узнал я сбивчиво, что „В. Ж.“ м. б. и совсем прекратятся, что у Жук. нет денег и, что идеалисты (7) очень против меня. В августе (который ты уж получила?) только и есть, что моя рецензия о Семенове, а остальные м. б. пропадут. Чулков, по прежнему меня очень признает и строит планы (с Бердяевым) (8) о новом журнале и т. п. Но уже он не будет заведывать беллетристикой в В. Ж., которые протянут еще до Нового Года. Ни слова о получении денег, „следуемых мне“, не было произнесено, а уж тем более о новых рецензиях. Так я и не выяснил этого, пока, потому что долго говорил с Чулковым обо всем, кроме „дела“. Узнал много о наших литераторах и о здешней революции. Нервы у рабочих так приподняты, что они все лето и даже до сего дня по четыре раза в неделю устраивают собрания числом в 1000 человек. Часто приходит к Чулкову один из самых талантливых провокаторов (9) (он устраивал все в Иваново-Вознесенске), бросается на кровать и засыпает. От речей и возбуждения он почти сумасшедший, и жизнь его хороша, потому что он сыпет темными для себя фразами об „ЭМПИРИО-критицизме“, но заметно и ясно, что сгорает совсем не этим, а настоящим. Так мы и проговорили, а когда я вознамерился спросить о деньгах (уже в пальто в передней), вернулся Булгаков и отнесся ко мне со свойственным ему размякающим добродушием (будто бы, все хочет со мной поговорить и никак не удается... и не зайду ли я и т. д.). Но тут я ушел совсем усталый от дня (в вагоне хоть и спали, да не особенно). Самое приятное, что я узнал от Чулкова, это,—что Леонид Андреев очень любит мои стихи и очень доволен моей рецензией. Говорит, что сам не знал, что у него в „Воре“, и даже, когда ему показали, как я

выругал Горького в рец. о Мирэ (10), сказал: „Так ему и следует“ (о Горьком). [Новая пьеса Горького, кажется, о нас декад...] (11). Таким обр., выяснилось, что я в В. Ж. писать не буду, да и денег, м. б. (вероятно) больше не получу. [Ремизовы (12) живут отдельно где то, и их я еще не видел] (13). Выяснилось, что буду искать работы и 28 (на след. день) я пошел в два места: к Перцову (чтобы посоветоваться, если он в Пбге) и к студенту Громову (14), чтобы узнать об ун-те. Встретил его на улице у Покрова (опять очень пахло Достоевским, мне показалось, что он сказал, указывая на дом: вот здесь оба мои урока, здесь Кох, а здесь Пестряков,—хотя фамилии другие были). Пошли с ним к устью Фонтанки за Калинкин мост и сидели на взморье на дырявой лодке на берегу, а кругом играли мальчишки, рисовал оборванный художник и где-то далеко распевали броненосцы. А сообщил мне Громов такие вещи, что теперь я почти наверное буду держать экзамены (с конца сент. до конца октября). Почти все, будучи в таком же полож., как я (т. е., никаких министерских предписаний летом не зная), отправились к попечителю и декану и вытребовали у них, чтобы экзамены начались 27 сент., а кончились 31 октября. Такое растянутое и удобное нам расписание и утверждено третьего дня, и 31 авг. мы соберемся в ун-те (еще теперь закрытом) для обсуждения. Декан уверяет, что экзамен будет легкий. Если все удастся (т. е., если не помешает предполагающаяся сходка), я буду свободен 31 октября (если выдержу). Мне очень хочется разделаться с Ун-том (о ре-

форме ты, конечно уже читал). Так. обр., мы обходим закон, ибо Глазову высочайше повелено „произвести экзамены“ в сентябре (мы и произведем их, начиная с конца сентября). Если так, то значит теперь я не имел бы физич. возможности писать в „В. Ж.“ и где бы то ни было, если бы даже просили, т. е,—„все к лучшему“. Дальнейшие планы, конечно, уловить невозможно, но у меня есть надежда почему то на Леонида Андреева. Впрочем, все это конечно после, уж с ноября. Вот вся эпопея. Получили даром „Весы“ за лето, так что могли не подписываться (но как то глупо, одного номера нет, а один в двух экземплярах, так что лучше, что подписались). Никого, кроме перечисленных не видал. Чернила взял у Францика, потому что магаз. закрыты и купить не успели. Будем теперь ждать Соколова. Кушаем хорошо, Налив. умеет хорошо изготовлять суп с говядиной. Все еще едим пирожки, яица и огурцы. Есть шоколад. Вчера Налив. сжег грешневую кашу, но и без нее было много пищи. Теперь утро, была гроза. Ах да! Непременно привези Весы (два номера,стоят у меня на полке под потолком, думаю подарить кому ниб. все лишние экземпляры). Если что забыл сейчас, напишу. Любе подарил я скверную почтовую бумагу. Экз. Любы 1-ого. Все удачно. Целуем. Денег много. Ведь в Шахм. два тома Достоевского—у меня двух не хватает. О тет. кварт. напишу в след. раз, когда что ниб. узнаю, нет ли новой.

Прекращ. „В. Ж.“ секрет, не говори при..... Вообще, пожалуйста, не говори. Напиши об овсе и обо всем.

90.

ЕЙ ЖЕ (1).

Милая мамочка!

29 августа. Только что написал тебе, началось наводнение. Мы учились, а вода к обеду до половины набережной прибыла. Уже прачки вылезли из подвалов и лошадей увели в Моск. полк. Было очень красиво. После 6-ти вода стала убывать, но по двору забегали во всех направлениях Бринкен, Рудаков (2) и масса солдат. Не то выкинуло из трубы, не то загорелся чердак в противоположной от нас части офиц. флигеля. Прискакали две пожарных команды, но сейчас же уехали, все обошлось. Вечером я гулял.

30 авг. Утром Люба ходила к курсисткам. После завтрака пришел Женя (3), страшно нервный и страдающий от незарабатыванья денег. Ему очень не хочется отбывать воинскую повинность. Мы прошли до Дворц. Моста, и все говорили. На Неве у Троицк. м. и у Зимн. Дворца стоят изумительной красоты минные крейсера. Мы их наблюдали. Вчера вечером при луне и сильном ветре (все дни ясно и солнечно) они освещали прожекторами Неву и биржу.— Возвращаясь назад я смотрел тетины квартиры и, кажется, нашел. Подробно напишу завтра и, кажется, решительно.—Получила ли ты „Искусство“ и „В. Ж.“?

31 августа. Об экзаменах узнавал—всё по прежнему, не совсем определенно. Они будут

вероятно вне ун-та (в друг. здании). Вот о квартире:

В доме Базилевского стоят три одинак. пустых квартиры и везде уничтожено паровое отопление. Кварт. удивительно важные мистически; тетя знает то, что видно из окон и двух комнат, но это не те, кот. мы с ней смотрели. Цена всех трех: 40 рублей без дров (4) в месяц и услуги дворника—4 р. (хозяйка....... не платит дворникам жалованья. Вот план: (5)

Недостатки: 1) Цена. 2) Ванна—закоулок, только влезть. 3) Нет комн. для прислуги, только в кухне, но кухня очень хорошая.

От нас совсем близко. По архиерейской ходят курсистки и ищут крова по зеленым и красным билетам. Ванна еще не поставлена, но поставят. Я смотрел две из этих трех совершенно одинаковых квартир. Разница только в 3-ем этаже—ремонт готов (кроме ванны), а во 2-м —не готов (но самое бóльш.—две недели). Тетя, тетя! скорее отвечай! Если хочешь, мы дадим задаток. Можно считать квартиру с 15 сент. Комнату сдать за 15 рублей (очень хорошая). Впрочем, Люба считает кварт. на набережной (теперешнюю)—лучше. А я—нет! — Смотрел еще две квартиры (подробно), но не годятся: все без ванн. Есть и достоинства. Отвечай поскорее. Целуем. Сашура.

91.

ЕЙ ЖЕ.

3 сент. (1)

Милая мамочка. Пишу мало, т. к. сидим все дома и много учимся. Вчера (2-го) Люба уж получила у Введ. 5. Жду сейчас ее со второго экз. Неужели ты не получила двух моих больших писем? Я получил твои два. Кушаем хорошо, Налив. хорошо готовит. Вот мои экзамены: 27 и 28 сент.— письменные; 4 окт. — Соболевский, 13 — Шляпкин, 20 — Введенский и Лавров, 27 — Браун (ист. зап. лит.) и Бодуэн (санскр. и срвн. грамм.), 31 — два древних языка. Всё — в 7 час. вечера, как и у Любы и, кажется, вне ун-та. У нас в комнатах красиво; всё, кроме ковров. Только на улице грохот не прекращ.

Люба вернулась, а экзамена не было, Лапшин (2) отказался. Сегодня решают автономию курсов. Мож. случиться, что Любины экз. будут совсем отложены. Вот тебе раз! А мои то какже? Надеюсь, что будут.

Женя в прошл. раз принес рукопись „Всадника“ (3) (своего). Мне некотор. нравится, но не все. Целуем. Люба и Сашура.

На обороте: Николаевской ж. д. Ст Подсолнечная. Сельцо Шахматово. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

92.

ЕЙ ЖЕ (1).

Милая мамочка, я оттого не пишу так долго, что много учусь, от чего иногда раскисаю. Преимущественно — словачка (2). Мы получили твои

письма и тетино, за которое благодарим и поступим с квартирой так, как она пишет. Приходил Городецкий, будет нас зимой рисовать. Мы были на стрелке в солнечный день. Вчера я был у Ивановых, а еще раз встретил Женю и опять шел с ним по Дворц. набережной к Булгакову, от которого наконец получил Сережины деньги, которые и послал переводом (больше 50 рублей). Был у Шляпкина, и слышал от него много интересного, он только что из за границы, расскажу. Говорил ему о Достоевском, Иване Царевиче и пр., и он соглашался. Экзамены еще не наверно будут, я говорил с Платоновым (декан). Любины экзамены совсем провалились, кроме философии ничего не было. Люба подарила мне азбуку Бенуа, очень хорошую. Приехали Мережковские, м. б. скоро пойду к ним. Вопросов Ж. не видел никого с тех пор, но ходят слухи что все останется по прежнему. Боря написал мне, что просит „поддержать“ „Весы“, Брюсов устал. Кроме того, какой то немец (3) перевел какие то мои стихи и обращается через Борю с просьбой, чтобы я сообщил ему свою биографию. В „Искусстве“ (4) Боря сотрудничать отказался, а Соколов к нам не едет. Волжский (5), говорят, собирается писать в В. Ж. статью об Вл. Соловьеве и обо мне (!?). Экзамены еще не мешают пока развитию моего ума. Петербург нестерпимо грохочет, так что Наливайка по немножку вставляет окна. Сардыка (6) просил написать Францику, что он сам не смеет ему писать, но, что наводнение в обозе **ничего** не испортило, так что вода даже не доходила до сараев. Мы пьем за завтраком какао, которое

очень насыщает. Вообще кушаем сытно и вкусно, а денег тратим средне. Я очень рад землемеру, относит. части малиновой горы (7) я знал, граница идет по дорожке, открытой нами в этом году. В Пбге холодновато, мокровато, зелень не золотеет, а буреет. На днях у нас был Ваня (8). В воскрес. (11) вечером ко мне придут три студента для генерального совещания о том, кто чего не знает к экзамену. Люба уж не учится, а шьет; если мои экзамены не состоятся (см. Новое Время о юристах) теперь, то м. б. все-таки—до Рождества. Я Сережу просил не приезжать в октябре, а приехать в ноябре. Читаю довольно подробно газеты, занимательно. Прочти разговор Витте с парижским репортером в сегодняшней (9-ого). А вышло то п о м о е м у: микадо з а с т а в и л и заключить мир англичане, они не согласились раньше заключить торгового договора с Японией. Об этом говорят заграницей. М-вские (9) будут (если будут) издавать журнал на франц. языке. А м. б., плюнут и назад приедут. Целуем. С а ш у р а.

Каков раздор в ун-те, можно видеть из подачи голосов на выборах ректора. Боргман (10)—кикимора, кажется.

93.

ЕЙ ЖЕ.

Утром 12-ого сент. (1)

Милая мамочка, я рассчитываю, что это—последнее письмо, и ты получишь его на станции, потомучто после отъезда тети посылать не

будете. У нас в комнатах все очень красиво, ковры положены и окна вставлены, а у вас я еще только развесил картинки в гостиной, лампы завернуты бумагой и шумно от ломовых. Посл. дни теплее, потомучто на улице теплее.

Целые дни я все учился разнообразнейшим наукам, а по вечерам обыкнов. прекращал и гулял, а раз ходил к Ивановым (это я уж писал). Вечером 10-ого вернулся с гулянья, а у нас—Чулковы сидят уж 2 часа, очень милые. Говорили много интересного, просидели до 2-ого часа ночи. Я читал им много стихов, им страшно понравились сказки. Скоро, вероятно, мы пойдем к ним вечером.

А вчера вечером (11-ого — воскрес.) пришли совещаться три студента (Громов, Колумбус и Редько). Выяснилось, что я пока учился больше их, но также и то, что экзамены становятся бледным призраком, и очень возможно, что нас таки заставят проторчать VIII семестр и устроют экз. в декабре и январе. Это будет досадно, но очень вероятно. Люба не выходила, но сидела в столовой, и чай нам принесли в мою комнату. За обедом Люба сказала Наливайке: „К барину придут студенты“, и я почувствовал себя профессором, который скажет им: — „Я, господа, ваш старший товарищ“.

Сейчас Люба пошла в Академию Художеств. Ее экзамены так и провалились. Кажется, сегодня сходка и в Ун-те и на курсах, она многое разрешит. У нас новый декан—Браун (2), а секретарь—Жебелев (3). Читаешь ли ты газеты—там много интересного, но, кажется, „Новое Время“ опять отчаянно врет. Теперь, повидимому

(и по слухам) в Финляндии будет то же, что на Кавказе, что царь не пиши.

— У Коммисарж. в театре идут уже Чайка и Геншель, а Ивановы уже побывали в Лоэнгрине.—Ася (4) писала Любе, что хочет к нам придти, они переселились на В. О. вблизи от курсов..........................Ася, повидим., к нам относится сочувственно.

Мы пьем за завтр. какао, а Люба за обедом кушает арбуз, принесенный Ваней.

Я бы хотел получить от тебя еще письмо. Целуем. Сашура.

94.

ЕЙ-ЖЕ (1).

12-е—днем.

Милая мамочка, а вот эту бумагу я Любе подарил. Сейчас получили твое письмо от 10-ого, а утром я тебе написал много. Это хорошо, что ты не очень много говорила. Мы кушаем в 1 час (какао с хлебом, маслом и сыром) и в 6 ч. (суп с мясом и часто грешневую кашу) и чай—4 раза.

Тетю мы завтра утром встретим в ее квартире (я там не был, и ключ у дворника), а в 6 ч. накормим. Сейчас я опять учусь, а Люба вернулась, не попав в Академию (сегодня закрыта) и мы завтракали. Очень хорошо, когда вставлены окна, грохот мало слышен и чище и красивее и уютнее, а при невставленных окнах грохот совершенно нестерпим. Занимаюсь сейчас Софоклом. Целую.

95.

ЕЙ ЖЕ (1).

Meine teuerste Mutterchen! Ich bin schon nothwendig und sehr berühmt in allen Buchhandlungen der Haupt-und Provinzial Städten der gebildeten und ungebildeten Welt. Mein grosser Portrait ist in alle Banhofe Deutschlands, Frankreichs, Mexico, Danemark, Polen, Spanien (und Portugalien), Italien, Serbien (und andere slavische Lände) ausgestellt. Er kostet nur fufzig Pfennig und jeden Tag kauft man ihn ein Tausend acht Hundert sieben und zwanzig Leute mit andere Bildungen meines Freundes Wolfhang und meines Lehrers Friedrich (v. Schiller) u. s. w. Henrik Ibsen aus Norwegien und Leon Tolstoi aus „Jasnaja Poljana“ haben mir sein Gruss und Kuss geschickt. Aber ich werde nicht dich vergessen, ungeachtet Meine Berühmlichkeit. Dein liebste Sohn Alexander.

Meine Frau küsst dich.

Перевод (2).

Моя дражайшая маменька, я уже необходим и очень знаменит во всех книжных магазинах главных и провинциальных городов образованного и необразованного мира. Мой большой портрет выставлен на всех вокзалах Германии, Франции, Мексики, Дании, Польши, Испании (и Португалии), Италии, Сербии (и других славянских земель). Он стоит только пятьдесят пфенигов и его покупает каждый день тысяча восемьсот двадцать семь человек вместе с другими изображениями моего друга Вольфганга и моего учителя Фридриха (фон-Шиллера) и т. д. Генрик Ибсен из Норвегии и Лев Толстой из „Ясной

Поляны" прислали мне свой привет и поцелуй. Но я не забуду тебя, несмотря на мою знаменитость. Твой любимый сын Александр. Моя жена тебя целует).

96.

ОТЦУ.

30 декабря 1905.

Милый папа, поздравляю Вас с наступающим Новым Годом, который, Бог даст, хоть частью разрешит и трагедии и нелепости настоящего времени. Пишу Вам немного, потомучто давно не имею никаких сведений о Вас, а о Варшаве — только газетное вранье. В этом году мне удавалось получать довольно много литературной работы: с марта меня печатали в большом количестве „Вопросы Жизни" (преимущественно— рецензии). Осенью я познакомился с С. А. Венгеровым, для которого перевел несколько больших и маленьких юношеских стихотворений Байрона (в издание Ефрона, для III тома), и теперь жду новых переводов Байрона от него же. Кроме того, Венгеров заказал мне историко-литературную компиляцию: „Очерк литературы о Грибоедове" (1), на которую пошло довольно много труда. Если жизнь всех издательских фирм не прервется окончательно (а это становится, по словам того же Венгерова, очень возможным),—моя работа войдет в какое-то новое школьное издание Грибоедова. Таким образом, я всетаки доволен работой истекающего года. Стихов писал много, чувствую, что в них все еще много неустановившегося, перелом длится уже несколько лет. Появления новых стихов в печати жду в начале будущего года, — основываются бесчисленные журналы, из которых иные, впрочем, могут и прогореть. Все это ужасно шатко теперь. Отношение мое к „освободительному движению" выражалось, увы, почти исключительно в либеральных разговорах и, одно время, даже, в сочувствии социал-демократам. Теперь отхожу все больше, впитав в себя все, что могу (из „общественности"), отбросив то, чего душа не принимает. А не принимает она почти ничего *такого*, — так пусть уж займет свое место, то, к которому стремится. Никогда я не стану ни революционером, ни „строителем жизни", и не потому, чтобы не видел в том или другом смысла, а просто, по природе, качеству и *теме* душевных переживаний.

— Университетские мои занятия, разумеется, оборвались, но, *кажется*, я насильно (вместе с другими) переведен на VIII семестр и он мне насильно зачислен, так что я уже не студент. Государственный экзамен становится мечтой далекой от воплощения. Совсем оставив пока университетские (учебные) мысли, думаю иногда лишь о „предметной системе" и ее преимуществах.

Живем мы по прежнему и, благодаря совместной жизни, казенной квартире и моим заработкам (около 50 рубл. в месяц) — совершенно обеспеченно. Надеюсь, что и в будущем году буду работать, чувствую все преимущество работы (и моральное и матерьяльное). Препятствие для заработка (литературного) только одно: революция,

но ее я, в этом смысле, (по легкомыслию, м. б.)— не боюсь. А в смысле моих последних „дум“ о государств. думе, я всетаки „мещанин“ (по Горькому), так как не прочь от „земцев“, Струве и пр. „умеренных“ партий (разумеется, не для жизни, а для „государственной думы“ и т. п.).

Милый папа, напишите мне, пожалуйста, что нибудь о себе. Кланяйтесь Е. В. Спекторскому, о котором у меня приятное воспоминание. Целую Вас. Жена кланяется и поздравляет Вас с Новым Годом.

Ваш сын Ал. Блок.

1906 г.

97.

ОТЦУ.

25 апреля 1906.

Милый папа.

Большое спасибо за денежную помощь, которую мы получили третьего дня. Я с трудом опомнился от экзамена и пока отдыхаю. Предстоит еще один, но во первых—последний в жизни, во вторых — легкий (славяноведенье). Он будет 5 мая, после чего скоро мы поедем в Шахматово, что не совсем улыбается мне, так как теперь везде хуже—и „где нас нет“ и „где мы есть“; здесь—госуд. дума с возможностью скандалов, а там—аграрные волнения. Впрочем, мое пессимистическое настроение, может быть, зависит от экзаменов и сопряженной с ними усталости; экзамены я держу по „второму разряду“, получил „весьма“ только по древним языкам и философии, а в историко-литературных тысячах страниц запутался и отвечал плохо. Присоединилась к этому еще болезнь Любы, которая пролежала в инфлуэнце Пасху с сильнейшим жаром,— а главное, конечно, мое неуменье не бояться экзамена и научная бездарность. Проф. Шляпкин удивлялся, что я, написав хорошее сочинение,

отвечаю плохо — и хотел приписать это дождливой погоде, но я не подтвердил его предположений.

Иногда я любил университет и бывает жалко расставаться с ним, но может быть по причине, сходной с сожалением Шильонского узника. Чувствовать себя по праву „неучащейся“ молодежью будет лучше для меня тем более, что я, коечему научившись, надеюсь еще подучиться сам для себя.

Пожалуйста, не судите о моих стихах по „Нашей Жизни“, потому что редакция выбирает почти исключительно худшие и написанные или в ранней молодости, или по гонорарным соображениям. Из газет я теперь имею постоянные отношения со „Словом“, где мои стихи и рецензии помещаются почти в каждом „понедельнике“. Но за последнее время почти ничего не пишется и не ходится ни в какие гости. Литературные воскресенья и знаменитые „среды“ Вяч. Иванова давно уже влекут меня не слишком сильно. Совсем разъучиваюсь говорить и погружаюсь в себя. Но после летнего отдыха, вероятно, опять не без удовольствия и пользы буду встречаться с людьми.

Спасибо, милый папа, желаю Вам здоровья и всего лучшего.

Ваш Саша.

98.

ЕМУ ЖЕ.

Милый папа!

Сегодня кончились мои экзамены. Спешу сообщить Вам об этом. Кончить удалось по пер-

вому разряду, получив четыре „весьма“ на устных и круглое „весьма“ на письменных экзаменах.

На днях поедем в Шахматово. Люба Вам кланяется.

Ваш Саша.

5 мая 1906.

99.

МАТЕРИ. (1)

Милая мама. Захватите завтра с собой, когда придете (в 3 часа) оба тома Некрасова. Я сейчас говорил с Аничковым (2) (в университете), он заказывает мне несколько статей в „Историю литературы“ под его редакцией (и Бороздина) — о Некрасове (3) и о лубочной литературе. Завтра я буду у него (на В. О.) в 12 часов, а к 3-м надеюсь вернуться. Сашинька.

4 сентября.

100.

ЕЙ ЖЕ.

1 окт. (1)

Мама, я сейчас возвратился домой и захотел тебе написать, потому что, когда мы встречаемся, больш. частью не говорится ни одного слова, а все только разговоры или споры. Я эти дни очень напряжон, хочу, чтобы это напряжение увеличивалось все больше; больше меня не утомляют чужие люди, напротив, они выдвигают из меня человека, которого я люблю по настоящему, все

больше, и почти всегда в сущности нахожусь во внутреннем восторге. Это заставляет меня наружно многое пропускать; при этом мне кажется, что ты на меня смотришь вопросительно — очень часто. Я хочу, чтобы ты всегда определенно знала, что я ни минуты не перестаю тебя любить по настоящему. Также, не знаю по настоящему ли, но наверно, я люблю Францика и тетю. Относительно Любы я наверно знаю, что она тебя любит, она об этом говорит мне иногда просто. Я хочу, чтобы эти простые истины всегда сохранились и подразумевались, иначе — ненужное будет мешать.

Кроме того, я теперь окончательно чувствую, что, когда начинаются родственники всех остальных калибров, а также всякие знакомые, и офицеры вообще, — то моя душа всех их выбрасывает из себя органически, без всяких либеральных настроений. Для меня это внутренняя азбука, так что даже когда я любезен с ними, то потом тошнит, если у души на это оказывается свободное время. Это — мой хам, т. е., не во мне, а в них — для меня. Никого из них я ни за что „не приму"; тем самым, что они родственники они стали для меня нулем, навсегда выброшены. Они не могут ничем заслужить человеческое достоинство в моих глазах не потому, что тут какие-ниб. теории, а по какому-то инстинкту проклятия. Все они не только не могут, но и не смеют знать, кто я. Все они также призрачны, как городовые, котсрые внимательно смотрят за идущим и возбуждают тупое бешенство, или как солдаты — по одному с бессмысленным штыком и казенной бумагой — или по три, или — целой

гороховой толпой — тупые и опоганенные мужики.

Все это — прокламация о моем душевном организме. Поскольку прокламация — это глупо и ненужно; а написал я затем, чтобы строго отделить себя от этого и чтобы ты раз навсегда знала, что то, что я написал о родственниках и о городовых, — это я инстинктивный, а с настоящим моим „я" это не смешивается никогда. Этого ужаса я избежал я думаю потому, что Алекс. Львович его исчерпал (2). А я живу всегда одной нотой, чем больше она освобождается и стряхивает с себя постороннее, — тем громче и торжественней звучит, так что я себя все больше и глубже люблю. Крепко обнимаю тебя. Я часто хочу, чтобы ты пришла, когда ты не приходишь. Не мешаешь. С а ш и н ь к а, или С а ш а.

Негодник — Крабка (3) вовсе не умирал, я его люблю по настоящему.

101.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, мы хотим завтра (чтв.) придти обедать, только не заказывай великолепий. Придем пораньше, Люба с курсов (с экзамена), а уйдем к 8-ми часам, м. б. придет Тата (2) и Пяст (3). У нас завтра стирка. В пнд. были у старых Ивановых (4), там были Тата, Ната (5), Карташов и Кузнецов (6). Вчера получил письмо от Мейерхольда (7), пишет, что решили поставить „Короля

на площади" в этом же сезоне. Тороплюсь переписывать для драмат. цензуры, так что палец болит. Целуем. Саша.

18 окт.

Все пишу заговоры (8)—конца не видно.
Сегодня иду на первую „среду" В. Ив. (9).
П. С. (10) вдруг прислала из „Тропинки" гонорара—10 р. 20 к. (11).

На обороте: Здесь. Петербургская Сторона. Гренадерские Казармы, 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

102.

ЕЙ ЖЕ.

Многоуважаемая маминька!

Приближается день моего Рождения (1). Не подарите ли Вы (или уважаемая тетинька) Вашему сыну 50 листов хорошей, прочной, тонкой и недорогой, но изящной, большого формата почтовой бумаги и конвертов, по возможности в простой коробочке? Это было бы приятнее сюрприза.

Ваш сынок.

10 ноября 1906 года.

На обороте: Здесь. Петерб. Сторона, Гренадерские Казармы, кв. 13 Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

103.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, мы устали и раскисли, сегодня обедаем дома, веч. я пойду к Сологубу.

Завтра приду обедать, а Люба к своим. Крепко целуем тебя.

Саша.

19.XI. 06.

Вчера у Пяста было скучно. 3-его дня понравилась „Незнак." (1) Тате, Жене, Кузнецову и Чулкову. Завтра, вер., пойду на генер. репетицию Метерлинка („С. Б.") (2).

На обороте: Городское Пет. Ст. Гренадерские Казармы, кв. 13 Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

104.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, завтра придем обедать. Много новостей. В воскресенье буду в Москве на жюри (2). Все расскажем.

Саша.

27.XI.

На обороте: Городское. Пет. Ст. Гренадерск. Казармы, 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

105.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, Люба ушла, а я прочел письмо. Люба—к Чулковым, к Жене за рукоп. и потом в палату (2). Я пойду вечером в театр отдать Мейерх.

рукопись Незнакомки. Завтра буду брать билет в Москву. Насморк. Сейчас погуляю. Голова тяжелая. Я знаю, что Ю. Беляеву (3) понравилось в театре, он хвалил уже и устно. Целую.

Саша.

106.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, завтра приходи к нам до завтрака в 12-ом час. и завтракать. Я взял билет на 3 ч. 30 мин. Сегодня брал, потом был у Вяч. Ив., который едет не совсем наверно, потому-что Лид. Дм. (2) больна. Потом был у Волошиных (3). А вчера весь вечер провел на предст. „Беатрисы“ и потом пил чай у Мунт (4) и Веригиной (5).

Саша

30. XI.

107.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я не пошел к Сологубу, устал и сижу дома. Ждал тебя, думал, что ты придешь. На репетиции (2) не было ничего особ., но всетаки забавно. Не придешь ли ты завтра (понед.) днем? Во вторник мы будем обедать у тебя, а вечер. пойдем к Чулковым. Саша.

Крепко тебя целую. Устал.

На обороте: Городское. Пет. Ст. Гренад. Казармы 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

108.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, письмо получил.

Я тоже купил подарки и другие: две вазы и книжку (тоже секрет). Елка будет 24, непременно надо, чтобы и Францик пришел. Не придешь ли ты к нам завтра или послезавтра, хотя я не знаю наверно, буду ли дома (надо делать покупки, сегодня репетиция без декораций, завтра с декорациями и вероятно с оркестром, а в субботу, м. б. генеральная) (1). Рябушинский (2) доплатил через Городецкого (3), кот. был в Москве, еще 10 рублей за жюри. Городецкий прислал „Ярь“ (м. б., величайшую из современных книг) с милыми письмом и надписью. Ночь у Кузмина (4) была хорошая, я обговаривал костюмы с Сапуновым (5), Кузмин пел и играл „Балаганчик“, Ремизов читал рассказ, который мы премировали (мне понравился еще больше), Бакст (6) сплетничал о Мережковских. А вчера ночью Верховский (7) привел расстроенного Веселовского (8), так что сегодня я устал, но, когда придет ночь, опять пойду на репетицию.

О жаре души не могу сейчас ничего сказать (9).

Саша.

21. XII. 1906.

109.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, не беспокойся. Сегодня Люба днем пойдет к Чулковым узнать, нужно ли извещать полицию о пятнице и отнесет книги. Представь

себе, сейчас я прочел в Товарище (2), что вчера вечером в „Шиповник“ явилась полиция и переписала всех художников и литераторов, находившихся там. А я как раз не пошел и послал только Копельману (3) письмо! У Розанова (4) перерыли все, рукописи и бумаги, унесли письма священников.

К Веселовскому не хочу идти, хотя об этом обеде слышал уже у Сологуба.

Де ла Барт (5) только что (в воскресенье) защитил диссертацию, и потому сегодня у Весел. пьянство, и мне скучно опять встречаться с Аничковым и профессорами.—Драму кончаю. В четверг придем обедать. Сашинька.

Обыски на столько повальные, что к нам, я думаю, придут скоро. Но не найдут ничего, только выворотят все и м. б украдут ложки, как бывает иногда. После этого я Столыпину (6) не буду подавать руки.

110.

ЕИ ЖЕ (1).

Мама, я очень тебя ждал сегодня, жаль, что ты не пришла. Нахожусь в очень злом настроении. Дворник требует за квартиру, до сих пор не платили, а все эти богатые сволочи не дают. Вал. Брюсов сослался на болезнь Полякова (2) и теперь сборника нет и денег. А.... седьмой раз просил, он отнекивается, а сам кутит в кабаках.............................
Только кровь портят все понемногу.

Знаешь что? Как только придет Бронислав (3), садись на извозчика и приезжай к нам пить чай. Я очень хочу тебя видеть. Сейчас, м. б, неск. минут погуляю, а то сидел дома весь день. Тьфу. Саша.

Пожалуй, придется у тебя занять.

111.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, мы завтра придем обедать. Руно (2) все не выходит, но деньги выходят и завтра должно быть опять займем у тебя.

А впрочем, даже дай сейчас Лизе (3) 15 рублей, завтра необходимо заплатить за абонемент (4).

Никто не платит. Послал стихов в „Тропинку“, завтра понесу стихи в „Ниву“. Сегодня писал целый день статью. Завтра веч. от тебя пойдем к Чулковым. Целуем тебя крепко.

Саша.

Пьеса Андреева плохая.

112.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, мы завтра непременно придем обедать, У нас два дня жил Гюнтер (2) и ночевал, только сию минуту уехал.

Завтра расскажу.

Весы получил. Мой сборник выйдет в конце этой недели.

Завтра вечером уйду к Кузмину. Саша.

1907 г.

113.

МАТЕРИ (1).

Мама, спасибо за письмо Гиппиуса (2). Хочешь придти к нам? У меня маленький жар, я сижу дома и веселюсь с Городецким. Он скоро уйдет.

Саша.

114.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, пока я клеил, записку то Люба и прочла. Но ведь там нечего не показывать. То, что ты пишешь, свойственно и мне и Любе также, как тебе. Пока я живу таким ускоренным темпом, как в эту зиму,—я „доволен", но очень допускаю, что могу почувствовать отчаянье, если ослабится этот темп (Я пала так низко, что даже Ангелы не могут поддержать меня своими большими крыльями, говорит Беатриса). (2)

Жар у меня меньше—37°. Голова не болит, но тяжеловатая. Почитай-ка прилагаемый том Андерсена, я его не кончил, но у меня есть другие. Я давно уже не читаю ничего, кроме него, и это очень успокоительно. Я тебя люблю и крепко целую. Саша.

115.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, в театр не поеду еще, хотя жару нет и голова не болит. Немного кашляю. Люба заедет к тете и предложит ей билет, а если тетя незахочет, продаст в театре. Я опять писал стихи, хотя больше, чтобы отвязаться от старых—дописывал. Итого, ты не знаешь семнадцать. Занимался немножко Пушкиным. Хочу скорей дописать и выпустить третью книгу (2). Сидеть дома—приятно и уютно

Саша.

А что Францик?

116.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, вчера были Сологуб, Вячеслав (2), Чулков, Пяст, Гофман, Кондратьев (3), Городецкий. Я прочел все стихи и Незнакомку (4) и имел успех. Городецкий ночевал. Книжка моя надеюсь через месяц выйдет с обложкой Бакста (5).

Люба сейчас у Лидии Дм. (6). Завтра мы придем обедать. Крепко целую.

Саша.

Выхожу уже на улицу.

М. б., завтра вечер. уйду к Сологубу.

Третьего дня явились ночью все Шиповники (7). Требуют к осени четвертый сборник стихов.

117.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, приходи пожалуйста завтра (1 февр.) в 8 час. вечера в Университет (в Старо-Физич. здание во дворе). Я буду читать Незнакомку и стихи, Кузмин петь (долго), и многие другие будут читать стихи. Будет пестро и много народу, и весело. Саша. Называется „Вечер искусства" при „Кружке молодых".

На обороте: Здесь. Петербургская Сторона. Гренадерские Казармы, 13. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

118.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, вот тебе сегодняшнее письмо Семена Викторовича (2). Я уже написал ему о понедельнике 19-ого. Нопременно приходите обедать с Франциком, тете написано и Семену Викторовичу.

Билеты на Ж. Чел. (3) взял (по 1 р. 80 к. с предвар.).

Страшно тороплюсь на журфикс к В. В. Ивановой (4). Целую.

Саша.

Люба на курсовом вечере.

119.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, можно завтра придти в ванну вечером?

Сегодня мы на Зигфриде.

120.

ЕЙ ЖЕ.

Спасибо тебе за Незнакомку (1), мама, она переписана очень четко. В ванну я уж приду во вторник, п. что в воскрес. рел.-фил. собрание (на которое вот тебе повестка от Гофмана) (2), а в пнд. я буду читать в У-те. Зигфрид был недурной (Матвеев) — похож манерами на Рябушинского. Осколком меча он чуть не убил контрабаса, а горшком Миме — Суфлера. Больше всех мне понравился Фафнер — наружностью. Сомов уже подкрашивает меня (3). В театре были Женя, Гофман, Читау (4), Дягилев (5) и Рерих (6).

Твой Саша.

7. IV. 07.

121.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, я два дня ходил в Художественный Театр, исчерпал все средства, но добился только того, что меня пустили даром в ложу бенуара на Горе от ума. Великолепный спектакль.

О „Бранде" говорил с Качаловым (1) и несколько раз приставал к Румянцеву (2). Но все

понапрасну. Остается единственное средство: если ты хочешь, кроме ложи—2 кресла,—нужно завтра (30-го) часам к 6—7 утра послать в кассу двух солдат. Места, какие ты хочешь, еще не расписаны. Нужно написать: Бранд. 9 мая (вне абонемента). Ложа 2-го яруса (против сцены)—20 р. 60 коп. Два кресла (против сцены) 12 ряда (или 13-го—первый за проходом)—по 4 р. 10 к. (а 14-й, 15-й и 16-й ряды стоят по 3.10).

Кому эти кресла?

Целую тебя.

Саша.

29. IV. 07.

Если достанете—извести.

Я очень хочу идти. Деньги сейчас не могу еще прислать.

(3) А вот кусок альманаха „Ор" и „Билитис" (4).

Не придешь ли сейчас на сеанс? (5).

122.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, хочу непременно кресло рядом с вами (4 р. 10 к.). Приходи сегодня на сеанс, я соскучился по тебе.

Скоро кончается.

Люба уедет только в воскресенье.

Деньги могу сейчас же заплатить.

Саша.

123.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама! Билет нашел только 2 кл. спальн. Это я пишу тебе еще около Пбга, потомучто забыл тебе сказать: если в ближайшие дни придет письмо важного вида (наприм,, под знаком Скорпиона или З, Руна)—перешли. Напиши о полке. В Подсолнечную приеду около 7-ми ч. у.—Выпил кофею в Твери и решил ехать из Клина (2). Вот и доехал. Целую вас обоих. Буду узнавать новые пути.

Саша.

На обороте: С. Петербург. Петерб. Сторона, Гренадерские Казармы, кв. 13. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

124.

ЕЙ ЖЕ.

15. IX. Ночь (1).

Пишу тебе, мама, пока только несколько слов—после Ведекинда. Пьеса просто скучная и плохая—успеха никакого, не стоит о ней говорить.

Все люди стали серьезны.

Мне все серьезнее и все грустнее. Сейчас видел много народу, сказал несколько слов с Л. Андреевым, он ничего—простой.

Вчера были вечером Кузмин с Ауслендером (2), сейчас я привел из театра Ауслендера. В квартире у нас тихо, просто и спокойно.

Целую вас обоих крепко.

Саша.

125.

ЕЙ ЖЕ.

20 сент. 1907.

Петербург совсем переменился, мама. Того, чего я боялся, нет пока. Даже Кузмин скрывает свою грусть. Ауслендер говорит, что если жизнь станет „серьезной“, Кузмин опять уйдет совсем от людей и будет жить, как прежде, в раскольничьей лавке.—Народу я видел много, и всё это было грустно: все какие-то скрытные, себе на уме, охраняющие себя от вторжения других. Кажется, я и сам такой. Появился на моем горизонте новый тип подобострастных людей: сейчас ушел приходивший второй раз редактор нового журнальчика „Луч“ (я пришлю тебе первый №), который кланяется чуть не в пояс, говорит на каждую фразу „спасибо“ и оставляет денежные авансы. — За „Балаганчик“ только в Москве, и притом, кроме союза—я получил 72 р. 6 коп. (за четыре спектакля собрали около 5500 р.). Так что денежные дела благополучны, хотя З. Руно до с. п. не посылает гонорара.

Третьего дня возобновилась „Жизнь Человека“. Некто в сером—деревянный; Бравич говорит за сценой (кроме Пролога). Играют похуже, чем в прошлом году, в игре отражается настроение всех актрис—тяжелое, подавленное и переходное. Андреева вызывали после 3-его акта, он выходил. Он очень милый, хотя слишком простоватый. Ругает всю постановку, кроме 3-его акта (Бала). К Мейерхольду я как то все не иду в уборную. Закулисная жизнь прекратилась.

Наталию Николаевну (1) я вижу не часто.

Был у Городецкого. Он—простой, славный, здоровый, не топит комнат и делает гимнастику. Ходит в тумане в белой рубашке. Вокруг его дачи пахнет желтым листом и такая тишина, что мне захотелось уехать надолго в Шахматово с Любой. Но не могу гл. обр. из за Руна.

В квартире нашей очень хорошо, сейчас (утром) — яркое солнце. Полируют ширмы, вешают занавески. — Вчера был Леман (2) — мы с ним говорили часа три. Он очень серьезен, интересен и совершенно не соответствует своему виду. — Драмы я продал „Шиповнику“ (3). Буду получать 150 р. с тысячи (сразу напечатают только 1000, но сохранят т. наз. „матрицу“, т. е., нечто в роде стереотипа) и немедленно приступят к изданию второй тысячи, как только на складе останется 200 экземпляров. 150 р.— это очень мало, но, по крайней мере, это будет книга, по которой я буду видеть наглядно, как относится ко мне публика (ведь если бы раскупили 10000—я получил бы 1500 р.!) Так вот— это все для денежных расчетов, а внутри—тихо и грустно.

Хочу заниматься русским расколом.

Обложка Сомова к драмам восхитительна и пестра (красная, желтая и черная). Крепко целую тебя и Францика.

Саша.

Я получил твое письмо с квитанцией, а Люба—2.

126.

ЕЙ ЖЕ.

28 IX. 07.

Мама, я долго не пишу и мало пишу от большого количества забот—крупных и мелких. Крупные касаются жизни—Любы, Натальи Николаевны и Бори. Боря приедет ко мне скоро. Он мне все ближе, и ужасно несчастен.

Мелкие заботы — литературные. Страшно много надо писать, критику в „Руно“, фельетон в „Своб. Мысли“, всюду рассылать стихи—и при всем этом находить время заниматься расколом и историей театра, да еще не быть в состоянии написать драму и таскать ее в себе.

Последнее впечатление от Андреева—очень хорошее. Мы с Любой были на первой его „среде“ (26-ого), на которые я избран „действительным членом“. У Андреева болел зуб, потому новый рассказ его читал вслух я. Были там все Юшкевичи, Чириковы, Серг. Ценский, Волынский, Тан и пр. и пр. Из декадентов выбраны пока только Сологуб, я и Чулков. Новый рассказ Андреева большой, называется „Тьма“, написан на тему „стыдно быть хорошим“, не из лучших для Андреева. Есть великолепные места. Будет в 3-м альман. „Шиповник“. Андреев—простой, милый, серьезный и задумчивый. С Чулковым вижусь изредка, всегда неприятно и для него и для себя. Отказался от участия в 3-ей книге „Факелов“.— Лучшее, что появилось за это время—фельетон Бори „Символический театр“ (я тебе современем его перешлю с тем, чтобы ты мне возвратила) (1) —

Ходят ко мне поэты за советами, редакторы и гости (Ауслендер, Нина Ив. Петровская с ним). Электричество получено, но еще не устроено. Мало времени думать о своем. Хулиганства больше нет, попытки *** тщетны.—Люба сейчас у своих.—Завтра—„Балаганчик“, и еще—7-ого. Денег хватает, квартира хорошая. Я сейчас еще не поеду к вам, когда поеду, то, вероятно, неожиданно и для вас и для себя. А ты когда думаешь приехать?--Еще приходит иногда Борин друг—Сизов (2), который переселился сюда (здесь его невеста)—очень серьезный и значительный человек. Пишут обо мне страшно много и в М—ве и здесь—и ругают, и хвалят. Почти все озадачены моей деятельностью в „Руне“ и, вероятно, многие думают обо мне плохо. Приготовляюсь к тому, что начнут травить. Печаль и бодрость всё по прежнему. Стихов еще не пишу. Целую вас обоих. Вероятно написал далеко не все, да не могу сейчас собрать мыслей. Саша.

127.

ЕЙ ЖЕ.

9. X. 07.

Вчера утром мы вернулись из Киева с Борей. Я получил твое письмо, мама, и узнал, что приезжал Францик и говорил, что ты очень тоскуешь. Хорошо бы тебе приехать сюда поскорей. Много интересного. Я в настроении очень бодром и очень серьезном.

Приехал я в Киев 4-ого утром. На вокзале встретили, усадили в коляску и примчали в лучшую гостинницу, и поселили в номере рядом с Борей, Соколовым и Ниной Ивановной (1), которые приехали накануне. Сейчас же пошли пробовать голоса, так как вечер был в оперном театре, почти с Мариинский—и полном (3.500 человек). Потом накормили в гостиннице, бродили по Киеву. Вечер сошел очень хорошо. Приходилось читать на высокой эстраде, на месте дирижера, среди оркестра, но акустика недурная. Успех был изрядный, на следующий день газеты подробно ругали и хвалили (прилагаю программу). После вечера повезли нас на раут в ресторан, где все участвующие пили, ели и произносили тосты (я не произносил, впрочем). — На след. день приходили визитеры, толпилась всякая киевская литературно-музыкальная „знать“ — басы, тенора, студенты, журналисты, и все мы (четверо) делали некоторые визиты. Неотступно водили нас по городу и не позволяли купить даже ветчины, а сейчас же вели в ресторан; вообще, заплатили по всем счетам и за проезд. Лучше всего в Киеве—Днепр—Гоголевский, огромный, обмелевший, чужой и зараженный холерой (пока мы были в Киеве—в день заболевало до 100 человек—„пир во время чумы“). Но Малороссия—чужая. Пески и степи, желтые листья крутятся за вагоном, пирамидальные тополя облетают, хотя в октябре стоит почти лето. Еще великолепен Киев издали: можно стоять в сумерки на высокой горе: по одну сторону—загородная тюрьма, окопанная рвом. Красная луна встает и часовые ходят. А впереди—высокий бурьян (в нем иногда находят трупы убитых—в это глухое место заводят и убивают). За бурьяном—весь Киев амфитеатром—белый и золотой от церквей, пока на него не хлынули сумерки. А позже—Киев весь в огнях и далеко за ним—моря железнодорожного электричества и синяя мгла.—Зато внутри—Киев скучный, плоский, несмотря на гористость, хорош только „Подол“, спадающий в Днепр и бесконечные железнодорожные мосты и пароходы.

Мы почти не спали: днем не отставали люди, а по ночам мы говорили с Борей—очень хорошо. 6-ого была его лекция („Искусство Будущего“). Накануне ночью он разбудил меня в нервном припадке, и все ночные часы мы с ним просидели вдвоем, ожидая холеры с часу на час. К утру прибежали редакторы, вызвали докторов, решено было, что я прочту лекцию, так как недостаточные курсистки уже собрали 800 рублей, и отменить было нельзя. Но к вечеру Боря поправился и великолепно прочел лекцию сам, и мы с ним (Соколовы уехали раньше), провожаемые восторженными взорами курсисток, расхватавших все мои и его туберозы, умчались на вокзал и проспали до двух часов след. дня. С двух до девяти совершенно незаметно просидели в вагоне-ресторане, а вчера утром уже были здесь. Большую часть дня Боря провел у нас. Сегодня мы его еще не видали, но сейчас он придет. Они с Любой пойдут в кинематограф, а я—на собрание к Андрееву—читать свои стихи. Завтра „премьера“ у Комисс.—„Пеллеас“ (2), сейчас я получил телеграмму от Брюсова: „прошу принять среду полдень“. За мое отсутствие получил

рассыпающееся письмо от него же, очень трогательное письмо от крестьянина Олонецкой губернии и дамское письмо (я таки получаю их в последнее время). Завтра после Пеллеаса у нас—собрание, по поводу нового театра, который желают устроить Люба, Наталья Николаевна, Веригина (она—больная и мы посылаем ей обеды), Иванова (3) и Мусина (4). Кроме перечисленных—будет Боря Из всего этого ты можешь видеть, какие у кого с кем отношения. Но, чтобы это видеть как следует, надо тебе приехать к нам, и я надеюсь, что ты это сделаешь. Все в конце концов так сложно, что описывать не стоит и приниматься. Есть еще конечно много, о чем я не пишу по крайней незначительности, или, наоборот, по большой значительности. Вот, приезжай, и увидишь. Крепко целую тебя. Как здоровье Ф.? (5) Я хотел заехать из Киева в Ревель, но 1) ехал с Борей, 2) надо было бы без конца пересаживаться. Приезжай. Саша.

У нас не только бездны новых книг, но и бездны новых событий, мыслей и чувств. И груды денег.

128.

ЕЙ ЖЕ.

13 X. 07.

Получил я, мама, твое грустное письмо и, конечно, никому не говорю об этом, и письмо уничтожил. Сколько же времени собирается лечить доктор? И когда ты можешь приехать?

У нас слякоть сегодня. Все дни—люди и на людях, даже Люба устает страшно и почти ни минуты не остается одна. Часто приходит Боря, который скоро переселится в Петербург. Несколько дней у нас прожила Муся (1) . . . . (не мешала, впрочем). Мейерхольд проваливается. Сейчас не хочется писать тебе ни о чем подробно, как то не хочу думать, пользуясь тем, что сижу один. Но через полчаса придет редактор „Луча“ (получила ты 1 №?) (2). Новостей и много, и нет никаких в сущности. По прежнему, бодро и решительно чувствую себя. Крепко целую вас обоих. Саша.

129.

ЕЙ ЖЕ.

18. X. (1)

Мама, мы тебя ждем каждый день и оба очень хотим, чтобы ты поселилась у нас. Пишу только на случай, если потерялось Любино письмо. Завтра—Балаганчик, я думал, ты приедешь. Саша.

130.

ЕЙ ЖЕ.

29. X. (1)

Мама, пишу тебе пока только несколько слов, чтобы ты не беспокоилась. Настроение отвратительное, т. е., было бы совсем мерзкое, если бы

я не был постоянно занят—это спасает. Кончаю мистерию (2), кажется, удачно.

Шуба вышла великолепная. Хоронили Л. Д. Иванову (3)—трогательно—в Лавре. Был Балаганчик, разные люди, разные дела и прочее. Пишу хорошие стихи. Но подлинной жизни нет и у меня. Хочу, чтобы она была продана по крайней мере за неподдельное золото (как у Альбериха), а не за домашние очаги и страхи (как у Жени). Чем хуже жить—тем лучше можно творить, а жизнь и профессия несовместимы.

Саша.

Напиши, очень ли скверно ты чувствуешь себя?

131.

ЕЙ ЖЕ.

31 окт. (1)

Сейчас получил, мама, твое письмо. Я не могу сказать наверно, что приеду теперь. Вот подожди—сейчас я кончил мистерию (всё в стихах) и на днях буду говорить о ней с Дризеном (2), потом еще должен получить ответ от Арцыбашева (3) (о стихах). Денег пока хватает, вот за мистерию будет рублей 150. Дела наши с Брюсовым расстроились, октябристы, одержав победу, не идут ни на какие уступки, а Боря спохватился, что он—левый. Он, кажется, уже выехал из Москвы, скоро будет у нас.

„Луч“ перешел в другие руки и статья моя о Мейерхольде так и не появится в печати. М. б., к лучшему.

Дела много—это

спасительно.

Крепко целую.

Саша.

132.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я ни от тебя ничего не получаю, ни тебе не пишу. Столько всякого дела. Сейчас кончил мистерию, на этой неделе придется читать ее актерам, потом—репетиции. Еще дела с Шиповником и с новым издательством, из которого я скоро достану тебе перевод. В общем, кажется, я буду посвободнее в дни около 16-ого, и тогда приеду на 2 дня. А можно поместиться вдвоем, если приехать с Любой?

Крепко целую. Напиши.

Саша.

133.

ЕЙ ЖЕ.

5. XI. (1)

Мама, вчера написал тебе несколько слов, а сейчас добавляю. Приехал на днях Боря, был у нас два раза. Будет у нас не очень часто. Завтра Сологубова пьеса (2), все бранят, сейчас м. б. пойду на генеральную репетицию.

Победа смерти

Торгуюсь с Шиповником—на счет драм, я было отказал ему, но он набавил цену. Переговариваюсь с Арцыбашевым о „Вольных мыслях“. Рассылаю стихи, строю планы, и за всем этим проходит все время кроме того, когда я шатаюсь по улицам в кинематографах и пивных. Недавно было у нас много народу—чуть не вся труппа, Сомов, Вера Иванова, Ауслендер. Днем тоже приходят люди. Вот и все. Приеду, как писал тебе. Жду от тебя письма. И Люба также занята. Иногда разговариваем о важном.

Саша.

134.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, мы почти наверно приедем оба 16-ого утром. Уедем 15-ого в 12 ч. ночи (я читаю в концерте). Кроме того, концерты у меня завтра, 17-ого (м. б., надую), 19, 5 дек. и в 20-х числах ноября. Тут много событий, о кот. ты должно быть знаешь из газет. Целую. Саша. Привезу стихи—много.

12. XI. (1).

Письмо твое получил.

135.

ЕЙ ЖЕ.

18. XI. 07.

Сейчас приехали, мама (1). Спали хорошо. Пока нас не было, приезжали студенты в карете и без кареты, обыскивали комнаты и ругали Лизу (2).

Скоро ты приедешь. Должно быть, я буду писать о ревельских лиловых, розовых и желтых домиках—стихи или прозу.

Вот стихи (3)

У меня на столе стоят белые лилии Н. Н. (4). Она прислала их 16-ого (5).

Обоих вас крепко целую.

Саша.

136.

ЕЙ ЖЕ.

27 XI. (1).

Мама, сейчас вот ночь и я вернулся рано, по редкости случая—трезвый, потомучто Н. Н. не пустила меня в театральный клуб играть в лотто и пить. Сижу и жду Любу, которая уехала куда-то . . ., потому могу тебе написать спокойно—есть время. Сейчас мы были вместе на концерте Олениной (2). 30-ого мы с Н. Н. читаем в концерте, 1-ого она играет фру Сольнес (3), 5-ого мы втроем на Дункан (4), 6-ого читаем „Незнакомку“ в „Новом театре“ по ролям (Н. Н. (Незнакомка), Мунт-Веригина, Будкевич (5), я (голубой), Мейерхольд, Давидовский (6) и др.); 10-ого опять Дункан. Днем я теперь пишу большую хронику в „Руно“, а Н. Н. занимается ролью, а по вечерам мы видимся—у нее, в ресторанах, на островах и прочее. Снег перепадает и резкий ветер. Я чувствую себя бодро и здорово, ко мне приходят, помимо приглашателей на концерты, от которых я стал отказываться—начинающие писатели. Я даю им советы, чувствую, что здоровые и полезные, они рассказывают о публике, о провинции: люди иногда простые, всегда—бездарные.

Я почти поверил тебе, что стихи мои плохи. Люба и Н. Н. уверяют меня в противоположном, но мне кажется, что с лета я не написал ничего ценного, и вообще ценность моя—проблематическая; но мода на меня есть (пока мы были в Ревеле, устроила публика скандал на концерте из за того, что я не „прибыл“).

На днях Мунт притащила к нам Собинова (7), я обошелся с ним неласково, что он, кажется, почувствовал: ужасный . . . . .—толстенький, живчик; знаешь ли ты, что Люба едет с Мейерхольдом на пост и на лето в поездку (с труппой)—в западные города, потом — на Кавказ, потом, м. б., в Крым с Н. Н. (летом). Она уже условилась с Мейерхольдом. Будет играть в провинции Коломбину (8), выходные роли и хочет—Клитемнестру (9). Н. Н. останется первый месяц поста здесь, а потом присоединится к труппе (на Кавказе). М. б., и я поеду?

Я очень осведомлен в современной литературе и сделал выводы, очень решительные: за этот год, в конечном итоге: 1) переводная литература преобладает над оригинальной; 2) критика и комментаторство—над творчеством. Так будет еще лет 50—100, а потом явится большой писатель „из бездны народа“ и уничтожит самую память о всех нас. Забавно смотреть на крошечную кучку русской интеллигенции, которая в течение десятка лет сменила кучу миросозерцаний и разделилась на 50 враждебных лагерей, и на многомиллионный народ, который с XV века несет одну и ту же однообразную и упорную думу о боге (в сектантстве). Письмо Клюева (10) окончательно открыло глаза. Итак, мы правильно

сжигаем жизнь, ибо ничего от нас не сохранит „играющий случай“, разве ту большую красоту, которая теперь может брежжить перед нами в похмельи, которым поражено все русское общество, умное и глупое.

Жду от тебя письма и целую тебя крепко.

Саша.

137.

ЕЙ ЖЕ.

9 декабря (1).

Мама, я получил твои ноябрьские только письма и сам давно уж не пишу тебе. Жить становится все трудней—очень холодно. Бессмысленное прожигание больших денег и полная пустота кругом: точно все люди разлюбили и покинули, а впрочем, вероятно, и не любили никогда. Очутился на каком то острове в пустом и холодном море (да и морозы теперь стоят по 20 градусов, почти без снега, с пронзительным ветром). На остров люди с душой никогда не приходят, а приходят всё по делам — чужие и несносные. На всем острове—только мы втроем, как то странно относящиеся друг к другу — все очень тесно. Я думаю, что, если бы ты была в этом городе, то присоединяла бы к этим трем тоскам свою четвертую тоску. Все мы тоскуем по разному. Я знаю, что должен и имею возможность найти профессию и надежду в творчестве, и что надо взять в руки молот. Но не имею сил—так холодно. Тем двум—женщинам с ищущими душами (2), очень разным, но в чем то неимоверно похожим—тоже страшно и холодно.

Погода у всех нас в душе точно такая же, как на улице.—Напрасно ты не пишешь мне иногда, я думаю, что теперь очень способен тебя понимать. Твое письмо о ненужности чтения на концертах совпало с большим вечером „Нового Искусства“, после которого все мы втроем решили, что я больше читать не стану. Я отказываюсь категорически и с 30 ноября нигде не читал. Только в январе и феврале прочту, потому что чувствую обязанность помочь. Все мне здесь надоело—старинные и нестаринные театры и даже Дункан, перед знакомством с которой я уж забастовал. Напиши мне, как ты себя чувствуешь и когда приедешь? Моя тоска не имеет характера беспредметности — я слишком много вижу ясно и трезво и слишком со многим связан в жизни.—Сейчас я сижу один—вечер, через час воротятся Люба и, вероятно, Н. Н. из Старинного театра (они там вдвоем, я был на премьере, а теперь мое „действо“ идет там каждый день—довольно забавно). У меня новая бархатная куртка и огромная книжная полка, и я вышел из ванны—так что предаюсь грустным мыслям с комфортом. Но вины не чувствую. Целую обоих вас. О литерат. делах лучше расскажу устно.

Саша.

138.

ЕЙ ЖЕ.

12. XII. 07. Днем.

Сейчас получил твое письмо, мама. От вечера 16-ого я отказался решительно, так что, надеюсь,

что мое имя есть только в больших афишах (а не в программах). Но Н. Н. будет читать, и я пойду тоже на вечер, если ты пойдешь. Во всяком случае, это очень хорошо, что вы приезжаете—непременно приезжайте.

Твое письмо о моих стихах я получил, но не очень верю, чтобы я был большой поэт. Впоследствии это выяснится.

Люба простудилась, 3-его дня у нее было 38,5°, и потому на вечере Дункан мы были с Н. Н. и с Женей. Дункан перестала существовать для меня — особенно в танцах польской истерики—Шопена. Ифигения на первом вечере пленила, но потом я чуть не познакомился с Дункан у X., которую возненавидел всей душой за диллетантизм.—Любе теперь лучше—она веселей и кушает эвкалиптовые конфетки. Крепко целую обоих вас. Саша.

139.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, я буду читать 16-ого в концерте! Уговорили.

13. XII (1).

На обороте:

Ревель, Малая Батарейная 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

140.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я только что встал, потому Бронислав дожидается. Уже первый час. Чувствую себя

недурно. Я думаю просто через некоторое время перестать ходить в гости и сидеть дома и гулять недели 1—2. Тогда удастся отдохнуть и еще написать что нибудь.—Вчера Городецкий не пришел, а Кузмин и Верховский были. Тебе бы не понравились, да и нам не очень. Незнакомка им понравилась. Целуем.

Саша.

141.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, рел. фил. собр. будет в воскр., пнд. или вторник. Сейчас Сомов рисует, а Кузмин занимает. Брюсов отчаянно расхвалил меня в „Весах".

Адрес Ивановых (2)—
Торговая 17, кв. 12.
Целую. Саша.

142.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, я приду к тебе обедать и поедем вместе (2). А Люба идет на спектакль с Озаровской (3). Вчера я читал на вечере в консерватории. Сейчас Сомов показал нам мой рот и нижнюю часть лица—очень мне нравится.

Саша.

143.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, напиши, будут ли завтра (чтв.) вечером у тебя. Дело в том, что у меня нет текста Незнакомки и я не уверен, могу ли достать к завтрашнему дню?

Кроме того, еще не могу наверное обещать. Вчера мы все сбежали с Антония (2) на Сестрорецкий вокзал (мы с Н. Н. и Ауслендер с Веригиной). Было очень весело. Отпусти Лизу, около 4-х часов я уйду к Венгерову. Хорошо ли вы говорили с Женей?

Вчера я обедал у них и оценил спокойствие домашнего очага и обильной пищи. Женю я очень люблю и во многом ему верю. Целую тебя.

Можно мне не обещать придти завтра обедать?

Саша.

1908 г.

144.

МАТЕРИ.

8 января (1).

Твое письмо, мама, получил.

Очень тебе сочувствую, также и потому, что самому мне жить нестерпимо трудно. Особенно тосковал я перед новым годом и в праздничные дни. Такое холодное одиночество—шляешься по кабакам и пьешь. Правда, пью только редкими периодами, а все остальное время — холоден и трезв, злюсь и оскаливаюсь направо и налево—печатно и устно.

Чем холоднее и злее эта неудающаяся „личная" жизнь (но ведь она никому не удается теперь), тем глубже и шире мои идейные планы и намеренья. У меня их столько, что руки иногда опускаются—столько надо сделать: ближайшее—это пьеса (2). Я уж набросал три акта, т. е. дошел до перелома: самое трудное сделано, и теперь остается только последнее напряжение всех сил и много черной и упорной работы. Тут я не ленюсь (целиком например выбрасываю хорошо написанный, но идейно неудовлетворительный 5-ый акт).

Дальше—я должен установить свою позицию и свою разлуку с декадентами путем ряда статей (о театре, о критике, об Ибсене) хотя бы, в Зол. Руне (в первом № будет мой портрет и 25 стихотвор.—старых).

Это—на первом плане; теперь: мне заказаны: 1) книга Метерлинка (3) и 2) Книга песен Гейне (переводы, статьи, и пр.). Кстати, тебе скоро будет перевод; напиши мне поскорей: 1) Кого бы ты прежде всего хотела переводить? 2) Что ты считаешь самым характерным у Додэ, Золя, Стендаля и Эркмана Шатриана (это—на первый случай). Что ниб. из этих мы здесь выберем сообща, и ты сейчас же получишь перевод под моей „редакцией" на большой срок.—

На днях меня вызвала Коммиссаржевская. Часа $1^1/_2$ мы с ней переговорили обо всем очень мило. Она просит, кроме моей пьесы (относит. кот. я ответил уклончиво по изв. тебе причинам), перевод какой то немецкой пьесы для будущ. сезона. Кроме того, я предложил ей драму Грилльпарцера (4).

Вот это всё—большие планы, а кроме того, очень много мелких дел и делишек. Денег опять довольно много, сейчас лежит рублей 250 уже в столе.

NN (5) уедет на днях на неделю с Коммиссаржевской по городам. Они с Любой все время берут уроки танцев и пластики (у Преснякова) и у Мусиной.—Пока ничего не пишу. Целую. Саша.

145.

ЕЙ ЖЕ.

17 января 08.

Мама, я не пишу тебе только потому, что жду ответа от Гржебина, которому написал подробно еще 11 января. Но он, кажется, теперь в Москве, потому до сих пор не отвечает. А Люба тебе сейчас тоже написала.

Драма подвигается, теперь пишу четвертый акт. Это — целая область жизни, в которой я строю, ломаю и распоряжаюсь по свойски. Встречаюсь с хорошо уже знакомыми лицами и ставлю их в разные положения по свое воле. У них — капризный нрав, и многое они открывают мне при встрече.

Н. Н. уехала 13-ого ночью. В дни ее отсутствия я увижусь с разными литераторами, с которыми еще теплятся какие то отношения. К чему—неизвестно. Больше—это дела и политический акт вежливости. Но живу я в своем мире, и друзья больше не суют сюда своих лоснящихся носов.

Много было „происшествий", но такие мелочи—что не стоит описывать. Люба верно написала кое о чем. Ходят, ходят, приглашают, звонят, требуют, оставляют записки, приносят свои произведения и излагают события своей жизни.

Целую крепко вас.

Саша.

Переписывать Клеопатру (1) до того лень... А тебе очень надо?

146.

ЕЙ ЖЕ.

25. I. 08.

Все из за драмы я долго не пишу тебе, мама, и не еду. Пока не кончу,—не могу. Необходимо кончить скорее. Называется „Песня Судьбы" драма в 4-х действиях и 7-ми картинах. Многие картины готовы, и общий остов—тоже.

Напиши мне, на всякий случай, в какие дни лучше приезжать, чтобы у тебя не было посторонних. Я не обещаю, что приеду, потомучто скоро уже вернется Н. Н., которую немилосердно мучают в Варшаве, Лодзи и Вильне.

На днях было письмо от Ал. Львовича—декадентское; с какой то иронией, как всегда, немножко жалкое, запутанное, предлагает, насколько можно понять, денег и обещает приехать на Пасхе. Просит возобновить сношения. Мне еще трудно ответить ему—всё не соберусь.

Сейчас Боря читал вторую лекцию (1), я не пошел, потомучто драма хорошо писалась. У нас он не был, но третьяго дня мы с ним несколько часов хорошо поговорили у Палкина (2). Установили дружеские личные отношения и вражеские—литературные.—Посылаю тебе сегодня вышедшие „Факелы" (3) (заказной бандеролью)—в подарок. Драмы мои все не выходят. С Рябушинским торгуюсь насчет сборника стихов (4) (большой—к Пасхе). Пью много, живу скверно. Тоскливо, тревожно, не по людски.

Насчет Гржебинских переводов до с. п. нет ответа. Видел я людей, но не пленился ими. Ходят поэты, какая то барышня (псевдоним) посылает

мне очень интересные описания своей жизни. Медленно пишу я драму, а дела навалилось со всех сторон столько, что не справиться. Напиши мне, что то давно не пишешь. Целую обоих вас.

Саша.

147.

ЕЙ ЖЕ.

26 янв. 08.

Мама!

Запечатал письмо тебе и сообразил вот что: вот тебе два моих последних (и единственных) стихотворения. Если хочешь, оставь их у себя, но перепиши каждое в двух экз.(в таком же формате) и пришли заказным. Если лень переписывать, пришли мне эти. Мне очень надо — скоро итак придется переписывать целую книгу — отдать в переписку кому нибудь.

Целую. Саша.

148.

ЕЙ ЖЕ.

30 янв. утро (1).

Ты права, мама: не пить, конечно, лучше. Но иногда находит такая тоска, что от нее пьешь.

Сейчас приехала Н. Н. Я пойду к ней через 1 час.

Напиши мне о „Факелах".

Стихи я получил.

Писала ли тебе тетя о моей драме? Я читал ей, потому что трудно найти человека, который сказал бы мне правду: литераторы отнесутся односторонне, а близкие люди—сами действующие лица. Тетя сделала мне несколько реальных замечаний, которые я принял к сердцу. Проклятие отвлеченности преследует меня и в этой пьесе, хотя, м. б., и менее, чем в остальном. Злюсь за это на своего отца (!) (кстати, я до сих пор не ответил ему, очень трудно). Он—декадент до мозга костей, ибо весь яд декаденства и состоит в том, что утрачены сочность, яркость, жизненность, образность, не только типичное, но и характерное. Последнее письмо отца свидетельствует о его набитости задними мыслями отвлеченного, теоретического, филологического, какого угодно характера,—только не жизненного. А в жизни еще очень много сочности, которую художник должен воплощать.

Занятный ты видела сон.

Факт „существования матери" я помню и очень ценю.

Целую крепко.

Саша

Переписываю тебе новое, ненапечатанное стих. Кузмина (2). По моему—очень замечательно:

Издалека пришел жених и друг.
Целую ноги Твои.

Он очертил вокруг меня свой круг.
Целую руки Твои.

Как светом отделен весь внешний мир.
Целую латы Твои.

И не влечет меня земной кумир.
Целую крылья Твои.

Легко и сладостно любви ярмо
Целую плечи Твои.

На сердце выжжено Твое клеймо
Целую губы Твои.

М. Кузмин.
(из цикла „Вожатай").

Обрати внимание.

Скорей всего, я приеду, когда уедут все: во вторн. полов. февраля.

149.

ЕЙ ЖЕ.

7 февраля (1).

Деньги, мама, сейчас посылаю тебе по телеграфу. Сейчас не пишу—некогда. Скоро приеду, должно быть—до 20-ого. Целую.

Саша.

150.

ЕЙ ЖЕ (1).

Отрезной купон.

50 руб. — коп.
А. А. Блок.
Спб. Галерная 41, кв. 4.

На обороте:

Мама, вчера по телеграфу послать не удалось, и настолько дороже, что сегодня посылаю по почте (1 ч. дня 8 февр.).

Целую.

Саша.

151.

ЕЙ ЖЕ.

8 февраля (1).

Мама, оторви тот листочек и верни мне с примечаниями, насколько можешь обстоятельными. Также верни этот проспект, это только корректура с ошибками. Сейчас я был у Гржебина, я сам выберу все, что хочешь. Не придумаешь ли еще что нибудь? Ему бы только покороче (определ. число букв), поинтереснее и чтобы не совпадало с чужими намерениями. Плата—40 рубл. за печ. лист (когда „под редакцией"). Целую.

Саша.

Получила ли ты 50 р.?

152.

ЕЙ ЖЕ.

14 февраля (1).

Мама, приеду я на днях, на масляницу, на сколько времени не знаю. Люба и Н. Н. уезжают завтра вечером.

Перевод тебе готов, наконец, это—очень привлекательное занятие: Тристан и Изольда в новейшей реставрации. Работа трудная, потому-что язык очень простой, короткий и стильный, но зато—настоящая. Книгу и разные сведения я привезу тебе. Срок—1 августа, всего листов 5 (по 40000 б.), т. е., около 200 рублей.

Вообще—привезу многое. Целую.

Саша.

153.

ЕЙ ЖЕ (1).

Телеграмма.

Ревел Батарейная 10

Александре Андреевне Кублицкой

Приеду завтра десять утра

Саша.

154.

ЕЙ ЖЕ.

25 февраля (1)—вечер.

Вот я и в Петербурге, мама.

Сейчас вернулся от Жени, провел вечер у Ивановых. Здесь тоже весна, я действительно ее чувствую. Ни денег, ни номера, ни портрета—страшно запаздывают. Телеграфировал в Москву. Перевожу Метерлинка (2). К тете не ходил, но посылал Лизу. Никого еще, кроме Ивановых, не видал.

Целую.

Саша.

Жду письма.

155.

ЕИ ЖЕ.

2 марта 1908.

Вчера уехала Н. Н., мама. С сегодняшнего дня опять примусь за работу. Лекция (1) моя почти решена—в Благовещенье (вторник 4-ой недели). Ты непременно послушай. Получила ли ты

Ларусса (2)? И пьесы? На днях посылаю тебе вроде подарка на рожденье—портрет Сомова (3). Он не выставлен в союзе. А выставка союза удивительно хорошая, жаль, если ты не увидишь. Я был на Vernissag'е.

Бенуа (4) очень хочет писать декорации и ставить „Прабабку" (5). Это мне очень привлекательно, только бы не поскупились и не испугались дороговизны Коммиссаржевские. Мы с Евреиновым (6) будем натаскивать их на это.

На этой неделе я пойду к Тате (7), Сологубу и, пожалуй, к Вяч. Иванову. Андреев просит у меня драму для альманаха Шиповник (он теперь редактор) и даже хочет приехать специально просить ее ко мне.

Первая неделя поста была немножко безумна, мучительна и темна. Здесь при ярком солнце и удивительной красоте Петербурга сильнейший мороз и ветер. Но пахнет весной и, я думаю, скоро будет таять.

Поздравляю тебя с 6 марта (8) и жду письма.

Целую.

Саша.

P. S. Руно еще не вышло, но деньги, портреты и оттиски 25-ти стихотворений я получил.

156.

ЕЙ ЖЕ.

5 марта (1).

Еще поздравляю тебя, мама (2).

Получила ли ты мой подарок? Мне портрет нравится, хотя тяготит меня.

— Сейчас начал писать тебе, и получил письмо от Гржебина. Не переводи Тристана, это я виноват, что забыл, есть хороший перевод Ал. Ал. Веселовского, но об этом я вспомнил только сейчас. Гржебин обещает дать тебе другой перевод.

Неужели ты не приедешь на мою лекцию? Она—во вторник 18-ого, без прений, это уже всюду напечатано, и билеты продаются, сейчас мне привезли афишу. На мою лекцию тоже уж покупают билеты—от 50 к. до 3 рублей.

Меня беспокоит, много ли ты перевела Тристана?

Весна—холодная, только на солнце тепло, а по ночам—холодно. Чувствую себя одиноко. Пьянствовать больше не стану, третьего дня был пьян до бесчувствия, но это—в последний раз в этом сезоне надеюсь.

Написал я хорошее предисловие к книге стихов, жаль, что ты не прочтешь до печати.

Сижу и готовлюсь к лекции. Вчера Андреев прислал мне „Царя Голода" с очень драгоценной надписью: „Дорогому Ал. Ал. Бл.—с крепкой верой в его прекрасный талант и светлое будущее. Леонид Андреев".

Здесь много интересного на выставках, особенно—в „Союзе" и у Борисова-Мусатова. Вижу Женю и Георг. Ив. (3) и у чужих. Вышло Руно с портретом и 25 стихотворениями. Получаю часто какие то влюбленные письма от неизвестных лиц, и на улицах меня рассматривают. Я очень рад, что тебе нравится книжка пьес—мне тоже (предисловие).

Какая то огромная и пустая квартира, и в моей комнате от постоянных посторонних лиц—что то оффициально холодное. Да и печки не особенно топятся.

Все это мне и нравится и не нравится. Целую.

Саша.

157.

ЕЙ ЖЕ.

12 марта (1).

Будет, будет лекция, мама—18-го. Все время готовлюсь к ней, она почти кончена. В пятницу буду слушать Кугеля (2).

Билет тебе будет даром. Дешевых билетов уже нет, на меня покупают больше всех. Тебя жду.

О Любе я давно уже не знаю ничего. Она давно не пишет.

Я как то радуюсь своему одинокому и свободному житью. Много гуляю, вижусь с людьми, не пью ни капли вина уже давно. Весну очень чувствую.

Перевода еще нет, п. что я Гржебина с тех пор не видал. А портрет мой все ругают—самые разнообразные люди—близкие и чужие. Пожалуй, и я склонен думать, что там преувеличены некоторые черты.

Целую. Саша.

158.

ЕЙ ЖЕ.

15. III. 08.

Мама, привези с собой Бульдур (1) и русский и франц. Если будет скоро готов исправленный перевод, то скоро он выйдет. Жду тебя в пнд. В среду или четверг Гржебин придет с тобой разговаривать. Привези также Бодлэра, и он понадобится. Лекция — 18. Билет тебе есть.

Целую. Саша.

159.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, когда ты приедешь, в пнд. или во вторник?

Билет на 18 тебе есть — 2 ряда.

Целую Саша.

На обороте: Ревель М. Батарейная 10. Ее Высокор. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

160.

ЕЙ ЖЕ.

31 марта 1908.

Мама, я все жду ответного письма от Гржебина, а его все еще нет. Потому и не писал тебе. Но теперь надеюсь скоро. На днях я его

видел мельком, он, конечно, отчаянно извинялся, а теперь опять молчит. Свинья! Я постараюсь устроить это как можно скорее.

Я погружен в занятия. Перевожу уже 2-й акт Ahnfrau (1). Сегодня буду у Бенуа — говорить о постановке, из Америки пришло любезное письмо. — Кончаю „Песню Судьбы" и буду читать ее многим лицам, вероятно, также Андрееву. На Пасхе вероятно будет Андреевский вечер с музыкой Ребикова, чтением и игрой актеров Худож. театра и с двумя докладами (один из них — мой — „Андреев, как драматург"). Все это будет торжественно. Я еще не решил окончательно, читать, или не читать, но скорее — буду читать, отчасти, для реабилитации Андреева.

Я был на гастролях Адельгеймов, видел Гамлета и Кина — недурно то и другое. М. б., пойду еще на Лира и Отелло. Еще был на концерте Забелы (Врубель) и очень мне понравилась музыка. А лекция Эттингера (2) была совсем скандальная и провалилась, он почти ничего не сказал от себя, а все читал робким голосом беспорядочные цитаты. Кричали „громче". Сегодня пойду на лекцию Чулкова.

Тетя была на днях и сказала, что ты чувствуешь себя очень скверно. А я — как когда, сейчас — неважно. Перевожу большими порциями. Писем с тех пор нет (с юга).

Пиши мне. Целую.

Саша.

Не правда ли, „Аграфена" (3) — удивительная вещь?

161

ЕЙ ЖЕ

1 апреля 1908.

Мама, сейчас получил письмо Гржебина. Хотя сегодня и 1-ое апреля, но он писал вчера. Он пишет: „сейчас могу остановиться лишь на одном Эркмане-Шатриане. Эту вещь просим переводить". Это значит „La maison Forestière" (1). Я предлагал ему и Пекопена, но он пока молчит, потом, я думаю, возьмет.

Вчера мы сговорились с Бенуа, я был у него часа 2, он—очень милый: вместе ругали Мережковских Перевод Ahnfrau подвигается быстро. Вчера же был я на лекции Г. Ивановича (2), не слишком блистательной: заснул, придя домой, как убитый.

Эттингер все разговаривает со мной о высоких материях. А вот, кого опять я понял, это— Вяч. Иванова. Перед его отъездом в Москву (ночью, когда ты ехала в вагоне отсюда), мы говорили долго и очень откровенно. Он совсем уж перестает быть человеком, и начинает походить на ангела, до такой степени все понимает и сияет большой внутренней и светлой силой.

Целую.

Саша.

16

ЕЙ ЖЕ.

4. IV. 08.

Торопиться не надо, мама. По кр. мере, Гржебин ничего об этом не пишет. А Stendhal (1), как видишь, уже взят.

Вяч. Ив. я видел недавно, перед отъездом его в Москву, в ночь твоего отъезда из Пб. Он удивителен.—Я много говорил с Бенуа, он очень мил. Завтра пойду к Андрееву, слушать новый рассказ о семи повешенных. Работаю и гуляю. Вижу разных.

Целую. Саша.

163.

ЕЙ ЖЕ.

10. IV. 08.

Решительно, я не думаю, мама, что ты стала гадкая. Но, так как у нас очень разная жизнь, действительно, мы часто не можем попасть в ритм, и происходит разногласие.

Что касается „неправедности", то, я думаю, что ты искупаешь ее сторицею, и что тебе было бы полезно иногда мириться, что ли, и вообще подавлять остроту и тупость своей тоски. Я думаю, что тут нет греха.

Люба приехала. Уедет в субботу, в 12 час. ночи, а вернется—или на Фоминой, или в мае. Насчет лета мы ничего не знаем ровно. Оба мы—бодры и веселы. Работы мои подвигаются, ясность чувств и мыслей и готовность к работе— также. Давно я не жил так ясно и просто, как этот месяц. Хотел бы я заразить тебя хоть частью своей простоты и ясности.

Христос Воскрес. Крепко целую тебя и Францика и также—хочу вас обоих перекрестить.

Саша.

164.

ЕЙ ЖЕ.

15. IV. 08.

Как ты провела это время, мама? Я только что отошел. Эти два больших христианских праздника (Рождество и Пасха) все больше унижают меня; как будто, и в самом деле, происходит что то такое, чему я глубоко враждебен.

В страстную субботу в 10 час. веч. уехала в Киев Люба, а я, за полночь, бродил по улицам. Кажется, начнись светопреставление, никто, даже самый непокладливый человек, не согласится оставить надежду на розговенье. Все чему то радуются и наполняют темные и холодные улицы.

В полночь смотрел я на Петра. Дул ветер, (осыпались розы), ладожский лед пошел густой пеленой, памятник на фоне пасхальных факелов Исаакия (что мрачнее их?) был внушителен.

Тут то, конечно, когда я пожелал остаться один, пристали посторонние люди и затеяли разговоры. Ушел домой и видел отвратительные сны. Обе ночи. А сегодня опять весело, и весна теплая, магазины открылись и животы у горожан осоловели. Сегодня ко мне придут разные люди, более и менее приятные, рассуждать. Очень много работаю, перевожу уже IV акт Ahnfrau и кончаю [третий] второй акт Песни Судьбы (сильно переделывая и шлифуя). Люба телеграфировала, что доехала очень хорошо. Она очень бодра; из поездки вывезла настоящую русскую песню о черном море и белом пароходе.

Ах да! Приехал Алекс. Львович, и подарил мне 100 рублей. Он будет у меня в четверг.

Целую. Саша.

165.

ЕЙ ЖЕ.

17. IV. 08.

Мама, Люба приедет или во второй половине мая, или на Фоминой, первое — вернее.

Боря ведь выпустил симфонию (1), прислал мне ее с нежной надписью. Я читал. Читая, получил его беспокойное письмо, что я скажу о Симфонии. Но я ничего не могу сказать ему: мало того, что она мне не нравится (она никому не нравится), но еще я имею многое против ее духа. И не отвечу ему ничего. Я просил его прислать ее тебе,—но он вероятно не прислал?

Дождь идет, я гулял, а сейчас томлюсь тем, что вечером придет Александр Львович и пожалуй надолго, помешает мне работать или гулять. Господи, как с ним скучно и ничего нет общего.

Целую. Саша.

166.

ОТЦУ (1).

Милый папа, надеюсь, что Вас застанет еще это мое письмо о том, что меня сегодня вечером экстренно вызвали на совещание по поводу

нового возникающего издательства. Мне необходимо пойти туда и потому невозможно нам с Вами сегодня увидеться. Целую Вас.

Ваш Алекс. Блок.

167.

МАТЕРИ (1).

Телеграмма.

Ревель. Малая Батарейная 10.
Александре Андреевне Кублицкой.

Все прекрасно пишу. Саша.

168.

ЕЙ ЖЕ.

18. IV. 08.

Вот удивительно, мама, что ты видишь такие сны!

Телеграмму я сейчас послал тебе.—А я действительно всю ночь не спал, оттого и почерк такой. Я провел необычайную ночь с очень красивой женщиной.

Вчера написал я тебе письмо с жалобой на приход Ал. Львовича, и сейчас же, мгновенно, решился: написал записку, что экстренно вызван на литерат. собрание, послал с Лизой и удрал из дому. Записка не дошла, А. Л. приходил, даже с учеником своим—Спекторским, жалел и проч.

Я же, после многих перепетий, очутился часа в 4 ночи в какой то гостиннице с этой женщиной, а домой вернулся в девятом. Так и не лягу. Весело.

А какой ты видела сон?

Саша.

169.

ЕЙ ЖЕ.

21. IV. 08.
СПБ.

Поздравляю тебя с имянинами, мама. Сон твой мне очень понравился романтически, но на действительноеть не похож. Действительность была гораздо лучше. И вовсе эта женщина—не почитательница; упаси меня, боже, мне все эти почитательницы омерзительны и более ничего.

Сегодня я зол с утра и мечтаю, когда я пойду на Жизнь Человека к Станиславскому, вечером, и расстанусь с А. Л. и Спекторским, которые сейчас придут ко мне обедать. Поистине, радостно мне будет посмотреть Жизнь Человека именно сегодня и напитаться тою злобой теперь благодушного Леонида Николаевича, который преспокойно женится в Крыму на дебелой и приятной брюнетке.

Я зол на Москву. Боря пишет мне встревоженные письма (обещает между проч. прислать тебе Симфонию), а я ему не в силах ответить. Ибо неуловимо....... выходки есть в этой Симфонии против меня, а в только что вышедшей книге Сережи—целая очень уловимо....... статья

обо мне (1). Московское высокомерие мне претит, они досадны и безвкусны, как индейские петухи. Хожу и плююсь, как будто в рот попал клоп. Чорт с ними.

Чтобы не заключать так письма, сообщаю, что перевожу уже последний акт Die Ahnfrau. Бенуа придумал назвать ее „Покойницей" (в скобках—немецкое заглавие) и так поставить на обложке книги и на афише. Я согласен.

Целую. Саша.

170.

ЕЙ ЖЕ.

28. IV. 08.

Мама, ты совершенно напрасно беспокоишься

Ты не бойся, что темно:
Слушай, я тебе открою:
Все невинно, все смешно,
Все божественной игрою
Суждено и создано.

Для божественной забавы
Я порою к вам схожу.
Собираю ваши травы
И над ними ворожу
И варю для вас отравы.

Эти стихи (Сологуба) (1) были лейт-мотивом всех похождений (и снялись мы на этом основании: Сологуб, я, Сюннерберг (2) и Чулков) (3). Эти дни тоже было не без пьянства. Под мутно голубыми и дождливыми рассветами пили мы шампанское, я, почему то (?), наелся устриц—и т. д. Но—„все невинно". Главное, что это

не надрывает меня. Моя жизнь катится своим чередом, мимо порочных и забавных сновидений, грузными волнами. Я работаю, брожу, думаю. Надоело жить одному. „Праматерь" кончена (вчерне), „Песню Судьбы" на днях кончаю.

Отчего не напиться иногда, когда жизнь так сложилась: бывают минуты приближения трагического и страшного, ветер в душе еще свежий; а бывает—„легкая, такая легкая жизнь" (Сологуб).

Может быть, ты и не можешь этого понять,—но неужели ты не можешь согласовать это со мной? Ведь путь мой прям, как все русские пути, и, если идти от одного кабака до другого зигзагами, то все же идешь все по тому же неизвестному еще, но, как стрела, прямому шоссейному пути—куда? куда? И потом—

„Друзья! Не все ль одно и то же
Забыться вольною мечтой
В нарядном зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?" (4).

Целую. Саша.

171.

ЕЙ ЖЕ.

1 мая 1908.

Мама, а я тебя жду.

Сегодня получил телеграмму от Любы, что она приедет около седьмого (из Мариуполя).

Сегодня читаю у себя Песню Судьбы человекам 15-ти, а в воскресенье—у Чулкова—человекам 25-ти. Мне очень хотелось бы прочесть

ее тебе в отделанном виде. Изменений много. Эпиграф ко всей драме: В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому—что в страхе—страдание. Боящийся не совершен в любви (по гречески). Мне Песня Судьбы очень важна, я боюсь за нее. Это—мое любимое дитя, ему уже год (с апреля до апреля). Когда ты приезжаешь?

Целую. Саша.

172.

ЕЙ ЖЕ.

3 мая (1).

Мама, ты верно не получаешь всех моих писем? На днях я писал тебе, что Люба приедет около 7-ого (была телеграмма). Я уж и не знаю, как тебе остановиться на Галерной? Дело в том, что тетя уедет 6-ого, не остановишься ли ты там после ее отъезда? Впрочем, вероятно, Аннушки (2) не будет. Очень мож быть, что можно и у нас, но я не знаю, какая Люба теперь, на сколько времени она приезжает, и т. д. Во всяком случае, конечно, приезжай с вокзала прямо на Галерную. Я надеялся, что ты приедешь на этих днях. И жду тебя каждый день.

А я здесь один—кую свою судьбу и в прежней атмосфере влюбленности, укрепляю мускулы духовные и телесные. Я живу „Песней Судьбы", которую на днях читал маленькому кружку (челов. 10), и остался очень доволен впечатлением и отдельными критиками (всех безнадежнее относится, по прежнему, тетя, она как то внутренно не признает, и я совсем не верю ей относит. этого своего любимого детища). Завтра читаю „Песню Судьбы" у Чулковых. Будут слушать: Л. Андреев с женой, Чулковы, Сологуб, Волынский, 2 издателя (Факелы и Шиповник), Налепинский (3), Вяч. Иванов, Сюннерберг, Лансере (4) с женой, Волошин, Кузмин, Щеголева (5), Жилкин (6) с женой и мн. др. Потом, может быть, буду читать труппе Станиславского. Я собираю и тщательно выслушиваю все мнения, как писателей, так и неписателей, мне очень важно на этот раз, как относятся. Это—первая моя вещь, в которой я нащупываю не шаткую и не только лирическую почву, так я определяю для себя значение „Песни Судьбы", и потому люблю ее больше всего, что написал. Очень хочу прочесть ее тебе в новом, отделанном виде. Жду тебя.

Целую. Саша.

173.

ЕЙ ЖЕ.

18 мая (1).

Мама, последние дни я ложусь спать через ночь и трачу много энергии на вино, катанья по морю, блужданья по полям и лесам, на женщин. Очень жарко. По всему этому—устал. Сейчас провожаю Любу на вокзал, значит с завтр. дня опять останусь один.

Я думал приехать в Шахм. на месяц (в конце мая или начале июня), да уж не знаю: не только всем будет это тяжело, но и тебе, пожалуй. Слишком разная жизнь. Я подумаю об этом еще. Во всяком случае, на неделю, на две я приеду, а когда—напишу точно.

Как думаешь ты,—можно мне жить в Шахматове, или нет? Я знаю, по кр. мере, что я давно уже разъучился там писать—ни строчки не выходит, оттого ли, что жарко, или отчего другого—не знаю.........................

Напиши об этом.

Целую. Саша.

174.

ОТЦУ.

24 мая 1908.
Спб. Галерная 41, кв. 4

Милый папа, вот теперь я обращаюсь к Вам с очень большой просьбой о деньгах: меня внезапно надули разные плательщики (г. Рябушинский и театр Коммиссаржевской), водят за нос вот уже с месяц, и я не могу выехать из Петербурга, а меня ждут в Шахматове около 1 июня. Тщетно я пишу угрожающие письма; приходится делать мелкие долги и сейчас у меня только несколько рублей, а занять не у кого. Если Вы пришлете мне рублей 200, я буду очень, очень Вам благодарен.—До 1 июля пробуду в деревне, а потом опять вернусь сюда—ставить Грилльпарцера (1) и хлопотать над своей „Песней Судьбы", которой пленился Станиславский. Может быть, он поставит ее, но я еще должен над ней работать. Кроме того, придется осенью читать лекции в Москве и здесь. Скоро выйдет книга (2) (если не надует г. Рябушинский), я Вам ее пришлю тогда. Поздравляю Вас с осенним открытием Университета, о котором я прочел в газетах.—Живу один, Люба все лето на гастролях на Кавказе. Устал.

Ваш Ал. Блок.

175.

МАТЕРИ.

27 мая (1).

Мама, сейчас получил твое письмо. Я приеду во всяком случае, и скоро, притом, должно-быть на месяц, м. б. — на две недели. Все, кому следует, уже знают, что мой адрес с 1 июня по 1 июля Шахматово. Раз ты пишешь 3-го или 5-ого—я так и приеду. Точно напишу день, если успею, а, если не удастся,—найму ямщика. Я в сущности, жду только денег. Поганое животное, именуемое Рябушинским, поставило меня в отвратительное положение, но теперь, кажется, мои угрозы подействовали, и 100 руб. у меня есть. Но мне и этого мало, чтобы выехать. Во всяк. случае, я надеюсь на днях получить рублей 300—400, расплатиться, с кем следует, и приехать в Шахматово (написал отцу, чтобы он выслал мне 200 р.).

Дела здешние почти кончил, отправил „Покойницу" (2) в Германию, привезу ее тебе читать. Мы с Бенуа сидели часов 6, потому что я наврал в переводе, а он имел любезность

и терпение обсудить со мной все мое вранье. Вчера меряли сцену в театре с ним и с Добужинским. Напиваюсь ежевечерне, чувствую потребность уехать и прервать на некот. время городской образ жизни.

Надеюсь привезти и книжку, хотя не очень (корректуры все сдал давно).

Наталья Николаевна (3) уехала давно, я даже не простился с ней. На днях шел снег.

Целую.

Саша.

За Песню Судьбы еще не принимался. Она зреет во мне (3-ий акт) (4).

176.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, сейчас взял билет (с трудом) на 3-е. Приеду в Шахматово 4-ого (в среду), на Подсолн. около 7-ми час. утра, с тем же поезд., как ты. Если не трудно, нельзя ли лошадей, а, если нельзя, то найму ямщика.

Целую. Саша.

29 мая 1908.

177.

ОТЦУ.

3 июня 1908.
Спб.

Милый папа.

Благодарю Вас очень и очень за деньги, которые я получил сейчас. Сегодня же уезжаю в Шахматово.

Вяч. Мих. Грибовского (1) я в этом году не встречал ни разу, а в прошлом возобновил с ним знакомство (после длинного перерыва) на собраниях у Сологуба, где он больше молчал. Так как главные мои воспоминания о нем—давнишние и очень незрелые, я не могу сказать, чтобы я знал его хорошо. Всегда склонен был видеть в нем талантливого диллетанта, да и много слышал о нем в этом направлении. Одно время он совмещал и ученую и литературную и служебную деятельность. В то время „принято“ было относиться к этому факту с большим скептицизмом, и я принимал это без проверки, теперь далеко не решусь осудить Грибовского. Я знаю, во всяком случае, что это—человек очень живой и деятельный, а по характеру, кажется, покладливый; он—прекрасный оратор (я слушал и его разговоры и его лекции), вероятно, без особой глубины, и, как мне представляется, человек—по всему складу своему—внепартийный. Вот и все, что я могу вспомнить о нем. Воспоминаний о нем у меня немного, но, какие есть,—хорошие. И у Сологуба мы с ним встретились хорошо, хотя я перед этим не бывал у него, несмотря на его приглашения.

Около 1 июля, вероятно, я уже вернусь сюда, а в деревне надеюсь работать, если пойдет дело.

Спасибо еще раз от всей души.

Ваш Ал. Блок.

P. S. К Оле Штейн (2) так я и не пошел, в последнюю минуту раздумал и послал телеграмму.

178.

МАТЕРИ.

Вот я и доехал, мама. Слава богу, день серый: вчера я изнемог от жары. Спать было удобно во II кл. (неспальном) (билет (10 р. 55 к.) дороже на 2 р. 10 к.), но даже спал плохо от жары. Целую. Выпил кофей в Любани.

Саша.

2 июля (1).

Люба пишет, что вернется в Птб. около 1 августа, и пот. — в августе мы приедем в Шахматово.

Она играет главную роль в стар. 2-х актной пьесе.

На обороте: Николаевская ж. д. Ст. Подсолнечная. С. Шахматово. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

179.

ЕЙ ЖЕ.

5 июля (1).

Писать пока нечего, мама.

Ты получила мою открытку?

Жарко. Я был на скачках и от лошадей—без ума.

Получил 100 руб. от Руна (2) и 40 из разн. мест. Сегодня взял тетину пенсию—и посылаю 7-ого. Уже пьянствовали и т. п. —с Чулковым. „Исповедь" Горького (это повесть), говорят, замечательна. Я вероятно буду писать сейчас

о ней и о Повешенных (в Руно). У Пястов пил чай с вареньем.

Надоела холостая жизнь.

Где же землемер? (3).

Целую

Саша.

Пьянствовать не имею особ. потребности.

Приходили Гюнтер и г. Кохановский. Я обещал читать в Териоках 10-ого, но надую. Женю еще не видал.

180.

ЕЙ ЖЕ.

13 июля. Днем (1).

Мама, я три дня занимался домостроительством. Сегодня наконец готова большая комната. Очень красивые обои. Теперь из корридора только одна дверь. Хотел бы, чтобы ты увидала, тебе бы понравилось. Комната красивее моей—совершенно светлая. И на все это я истратил рублей 17.

Я был 11-ого вечером у Ивановых в Царском. У них и вообще в Царском мне очень понравилось. У них—окраина—есть что то деревенское, фруктовый садик, старая собака и огромная даль, на горизонте виден Смольный Монастырь. Даль приблизит. III акта П. С. (2). А в парке и около дворцов пахнет Пушкиным: „сияющие воды" и лебеди (перечитай Онегина). Впрочем, до лебедей мы не доехали, потомучто Женя часа два учил меня велосипеду. Раз 15 я свалился, вымок до нитки (изнутри), но под конец сажен 15 проехал более или менее самостоятельно. Впрочем,

и тут свалился под конец. Однако, Женя констатирует призвание и требует, чтобы я учился дальше. Он чувствует себя теперь лучше. Я обещал сегодня приехать продолжать учиться, но так жарко, что, кажется, не поеду, а пойду под вечер к Мейерхольду и Городецкому, которые оба меня не застали.

Пить перестал. Непозволительно был пьян я с Чулковым, Аничковым и Iwan'ом Strannik'ом (жена его) (3) дня четыре назад на Строит. выставке. Начинаю завираться и быстро пьянею, м. б., от жары. Постараюсь прекратить. Люба приедет в нач. августа. Скоро пришлю тебе „Действо о Теофиле" (будет нижним фельетоном в „Слове"). Получила ты карточки и книгу, а тетя—пенсию и пенс. книжку?—Пиши. Целую. Саша.

Вышло Руно с концом ст. о театре, Образование со стихами. Пойду в ванну. О Мережк. не слыхать. Много гуляю—очень красиво. Поразит. закаты и сады над Невой. У меня на дворе дети играют с огромным серым догом и рыжим щенком.

181.

ЕЙ ЖЕ.

18 июля (1).

Действительно, мама, удивит. вещь—„Не могу молчать". Толстой благодарил здешние газеты за напечатание (потомучто во всей России газеты, напечатавшие статью—притом это еще не вся, а только 1/3 часть, остальное—

в иностранных газетах—оштрафованы или закрыты, и казна наживет на этой статье тысяч 10—15). В мае Толстой получил статью Леон. Семенова (тоже о казнях), и был очень взволнован ее концом (говорил, что ему давно не приходилось читать ничего подобного, это рассказал мне Женя), и написал очевидно под влиянием Семенова.

Приехали Мережковские, ходят втроем (2) по редакциям. Боюсь встретиться где ниб. с ними.

Читал Песню Судьбы Городецким и Мейерхольду. Мейерхольд сказал очень много ценного—сильно критиковал. Я опять усумнился в пьесе. Пусть пока лежит еще. Женя, по прежнему, относится отрицательно. А в Царском Селе очень хорошо. Пушкиным пахнет, и огромная даль. Сегодня ночью увидали мы из Царского пожар, думали, что близко. Когда же я вернулся в Петербург, оказалось, что это огромное зарево на Крестовском острове. Я поехал туда. Горела лесная биржа—невиданный костер. Описание прочти в „Речи".

Люба играет много, ее хвалят.

Я чувствую себя необыкновенно скверно, ты права.

Все опостылело, смертная тоска. К этому еще жара неперестающая, днем обливаюсь потом. Пью мало, с Чулковым вижусь реже. Написал несколько хороших стихотворений (3). Ужасное одиночество и безнадежность; вероятно, и эта полоса пройдет, как все. Пью всё квас.

Целую. Саша.

182.

ЕЙ ЖЕ.

24 VII 08.

Сейчас получил я твое письмо, мама. Оно доставило мне большое удовольствие. Я совершенно стосковался. Вчера и сегодня не выхожу из дому, у меня маленькая лихорадка, повидимому, с перепою. Пил один, а также с Чулковыми и с Зайцевыми—много пил. Здесь отвратительно. Люба пишет, что вернется сюда только около 15 августа, когда кончится сезон. Это меня не радует. С трудом работаю, идет дождь, пишу стихи.

Гадание тети Сони (1) я очень близко принимаю к сердцу. Впрочем, если она часто видит Сережу, я думаю, что она очень плохо настроена к нам (2)? Песня Судьбы лежит переписанная. Ее уже изложили в какой то вечерней газете, в нескольких газетах пишут, что она „закончена", что ею заинтересов. Стан. и Нем.-Данч. Станиславский рассказывал о ней многим, между прочим, хвалил ее Философову в Париже (Чулков столкнулся с Философ. в редакции и имел длинное интервью, из которого выяснилось, что Мережковские нагружены [таким] ворохом сплетен о всех нас, часто—совершенно неправдоподобных. Что же, это понятно: сами они не живут, а питаются фантастическими сведениями о чужих жизнях).

Посылаю тебе черновики трех стихотворений (если разберешь) (3). Всякие идиотские письма, которые ты пересылала, я получил. Коммис. (4) сегодня дал мне наконец 200 руб., ост. 100 даст в нач. августа. Зол. Руну написал я угрозы.

Женю я не видал давно—с пожара. Думаю, что на днях, перед службой, появится под окном его усталая утренняя фигура. Так бывает. Пиши мне. Целую. Саша.

P. S. А я забыл поздравить тетю (5). Поздравь ее и передай, что на днях я пришлю ей, наконец, паршивого Гофмансталя (6) с просьбой перевести его со страшной быстротой.

183.

ЕЙ ЖЕ.

31 июля 1908.
СПБ.

Сейчас получил твое письмо, мама. Нет, не приеду, уж теперь ждать осталось недолго, Люба пишет, что, мож. быть, приедет раньше, да у меня и денег уж нет, надо собрать, всё прокучено.

Здесь бывает хорошо по вечерам и по ночам на островах. Свежий ветер, роса, я хожу один, стараюсь забыть о времени, о прожитой жизни и о друзьях, покупаю розу и нюхаю. Месяц полный. Это гораздо веселее, чем пить ликер с польскими полупроститутками. Лихорадка моя давно прошла.

Передай тете, что Гофмансталя не будет. Этот идиот написал четыре странички рассуждений о любви и назвал это предисловием к пьесе

Грильпарцера. Я написал статью сам и на днях сдаю всю готовую книгу в типографию. Получу за нее 200 р. в два срока—позже.

Напрасно тебе не нравится „Мэри". Прочти еще. Целую. Саша.

184.

ЕЙ ЖЕ.

4 августа (1).
днем.

Мама, сейчас получил твое письмо и телеграмму от Любы. Она приедет, вероятно, девятого, уже выехала и радуется этому. Теперь—баста! Я больше не пьяная забулдыга, каковою был еще вчера и третьего дня! Сейчас умоюсь в ванне, а в 6-м часу ко мне придет обедать Женя. Я со второго раза почти научился ездить на велосипеде. Это—очень завлекательное занятие, быстро пожирает пространство эта легкая машина и очень развивает руки и ноги.

Был у меня Комиссаржевский.

Я буду скоро читать актерам свою статью о „Праматери". Бенуа уже прислал декорации, труппа съезжается, скоро беседа и репетиции. „Праматерь" пойдет в конце сент. в Москве или в нач. октября здесь.

Песню Судьбы отдаю на днях в переписку и, кажется, отсылаю в худож. театр, где уже начались репетиции. Не могу больше работать над ней. Только выкинул неск. фраз.

Кончаю статью в Руно (о Минском (2) и Сологубе,—первый уже выруган) О Горьком не буду писать.

В Сатириконе—мои стихи (3). Тоже—в Образовании (с новой редакцией) (4).

В Шахматово с Любой я очень хочу и твердо надеюсь, что мы поживем здесь немного и приедем (через неделю—две после ее приезда).

Написал я еще несколько недурных стихотворений.

Да, я понимаю чистоту Горького и очень ценю ее. Очень хочу перечитывать Толстого и Тургенева, но у меня их нет. Приобрету, когда опять соберутся деньги. Их пропито ни весть сколько. Но мне должны 130 рублей частные лица и несколько сот—редакторы.

Думаю, что сегодня Женя переночует у меня, а завтра я поеду к нему в Царское—доучиваться велосипеду. Ах, какое это занятие!

Я чувствую себя опять здоровым и бодрым. А тоска и усталость была, по выражению Сологуба—„выше гор".

Целую.

Саша.

Сегодня зовут в редакцию „Слова" обсуждать юбилейный Толстовский № газеты. Не пойду,—я не газетный человек.

185.

ЕЙ ЖЕ.

7 августа (1).

Наступила бодрая и свежая осень, мама.

Мы с Женей отваляли 25 верст на велосипедах, хотя накануне и напились (т. е., я—он но-

чевал у меня). Жду Любу, каждый день получаю от нее телеграммы с дороги.

Вчера гуляли с Городецкими. Сегодня, пожалуй, опять уеду в (2)

Завтра готова переписываемая на машине Песня Судьбы. После завтра (вероятно, день приезда Любы)—„беседа" в театре, я буду читать актерам свою статью о Праматери. Хорошая статья (3). Руно почему то вдруг прислало 200 р. сегодня—больше, чем следует; правда, оно напугано моим письмом, я написал, что если г. Рябушинский будет продолжать портить мне лето, я уйду из Руна немедленно.—

Петербургские дали необозримы, пахнет гарью, пыль улеглась, ходят высокие тучи. Я вознамерился писать еще „лирическую" драму, т. е., следовательно—три (чтобы вышел т. II).—Посылаю тебе № „Образования", прочти рассказы Сологуба и Чулкова (последний—, по моему, лучшее что он писал; я потребовал, чтобы в книжке он был посвящен мне, потомучто и действующие лица—всё знакомые—Герт, конечно, я. А какой свежий и сильный рассказ, неправда-ли?). Оба рассказа проникнуты какой то влюбленностью, какою проникнут сейчас и я (4).

Целую. Саша.

Еще прочти, как я выругал Борю и Эллиса (5).

„Матерьялы" собраны Надеждой Григорьевной (6).

186.

ЕЙ ЖЕ.

16 августа (1).

Мама, мы приедем 21-ого (четверг) утром. Хорошо бы выслать и Мартына и телегу—для Лизы (2). Приедем, если только что ниб. экстренное не задержит. Билеты еще не взяты, решили сейчас только.

Еще надо устроить разные дела. Песня Судьбы послана Станисл. и Немир. Данч. Беседа о Праматери была, я читал пьесу и статью всей труппе. Все эти рассказы откладываю до Шахматова. Люба приехала 9-ого, как я ждал. Мы были уже в Царском.

Целуем тебя крепко.

Саша.

187.

ЕЙ ЖЕ.

26. X. (1).

Вчера получил твое письмо, мама. Пишу тебе пока кратко. Самое лучшее пока событие—то, что вчера выпал снег. Остальные события—всё разговоры, иногда с утра до вечера. Во всем этом не хватает чего то самого существенного. Вижу Мережковских часто, и еще многих других.

Ездили мы с Женей целый день на велосипедах—в Царском и в Павловске. Там тишина, сквозные леса, снег запорошил траву. В сквозных парках едут во все стороны очень красивые конвойцы в синих кафтанах на стройных лошадях. Разъезжаются и опять съезжаются. Ни

звука. Только поезда поют на разных ветках ж. д.:

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы. (2)

Мережковский говорит много и красноречиво о самоограничении, о том, что надо полюбить что то больше себя. Знаю это прекрасно. Когда придет время, это случится и со мной. Пока же я говорю со всеми тоже много и красноречиво, и волнуюсь, но все кругом темно и скудно.

Кинематограф занимает тоже—лучшая замена покойного театра.

На кладбищах интеллигенции уже не пахнет даже осенней прелью, а стало просто холодно, ясно и далеко слышно.

Мне надо сочинять лекции и статьи в Русскую Мысль и Речь. И вообще—проявлять себя часто, красноречиво и с сомнительными результатами. Впрочем, я не теряю присутствия духа.

Чулкова еще нет, и ресторанов почти нет тоже.

Целую.

Саша.

188.

ЕЙ ЖЕ.

2 ноября (1) утром.

Вся неделя была деловая, мама.

Писал я об Ибсене и бывал в десяти местах, на ген. реп. Саломеи (2), в рел.-фил. собрании,

у Мережковских, у С. Маковского (3) на учредительном собр. нового большого журнала,—и везде говорил.

А сейчас иду в театр (4)—читать об Ибсене. Все это ты вероятно знаешь—из тетиного письма и из газет.

Какие то великие будни.

Надеюсь, что к весне пойдет иначе. Октябрьская тьма тоже способствует усталости.

Не стоит писать подробно о делах, все это уже не интересное, а только должное.

Всего важнее для меня—то, что Клюев написал мне длинное письмо о „Земле в Снегу", где упрекает меня в интеллигентской порнографии (не за всю книгу, конечно, но напр., за Вольные мысли). И я поверил ему в том, что даже я, ненавистник порнографии, подпал под ее влияние, будучи интеллигентом. Может быть, это и хорошо даже, но еще лучше, что указывает мне на это именно Клюев. Другому бы я не поверил так, как ему.

Письмо его вообще опять настолько важно, что я, кажется, опубликую его.

Видел я опять десятки людей. Долго говорил с Л. Андреевым. Поеду к нему в Финляндию. Кончаю письмо, потомучто надо надевать сюртук и идти. Женя будет в театре.

Целую.

Саша.

Пиши мне. Мне твое последнее письмо было очень нужно.

Такие портреты продаются у Аванцо (5).

189.

ЕЙ ЖЕ.

5 ноября 08.

Сегодня получил, мама, твое письмо.

Клюев мне совсем не только про последнюю „Вольн. Мысль“ пишет, а про в с е (я прочту тебе его письмо, когда приеду я, или ты) и еще про многое. И не то что о „порнографии“ именно, а о более сложном чем-то, что я, в конце концов, в себе еще люблю. Не то, что я считаю это ценным, а просто это какая то часть меня самого. Веря ему, я верю и себе. С л е д о в а т е л ь н о (говоря очень обобщенно и не только на основании Клюева, но и мн. др. моих мыслей): между „интеллигенцией“ и „народом“ есть „недоступная черта“. Для н а с, вероятно, самое ценное в них враждебно, тоже—для них. Это—та же пропасть, что между культурой и природой, что ли. Чем ближе человек к народу (Менделеев, Горький, Толстой), тем яростней он ненавидит интеллигенцию.

6 н о я б р я.

На эту тему приблиз. я и пишу сегодня реферат для рел. фил. собр. 11 ноября, во вторник.

Мне было очень долго страшно тяжело и скучно, как, вероятно, тебе бывает. Последние дни полегчало. Одна из причин этого—Розанов, который страшно просто и интимно рассказал мне свою жизнь и как то показался мне близким, (хотя и непонятным) человеком.

Оттепель. Петербург и кинематографы мне опять нравятся. Не пью я давно.

Чтение об Ибсене было, по моему, очень серое (по кр. мере, для меня). Сказать мне удалось мало. Как же это тете понравилось?

Я сейчас очень устал от статьи, и потому больше ничего не пишу.

Целую.

С а ш а.

У Мережк. бывает хорошо.

Я все забываю сообщить, что тебе обещан перевод—Мопассана листа 4 на месяц. Пока еще нет.

190.

ЕЙ ЖЕ.

12 ноября (1).

Мама, р. ф. (2) собрание будет завтра, а [сегодня] вчера было только предварительное—у М-их (3). На всех рефер. мой („Россия и интеллигенция“) произвел сильное впечатл., будет очень много возражений. И публики будет очень много.

Тетя, к несчастью, не пойдет, кажется; у нее 5 дней была сильная инфлуэнца.

Лесной Домик (4) пришли мне, пусть лежит у меня. Кроме нового заказа Мопассана, который будет, Пантеон (5) хочет знать, что именно из Мопассана ты перевела прежде, и, мож. быть, воспользуется этим.

Пришли мне на отдельн. листике список всего, что ты перевела (и в каких это томах), кроме стихов.

Галичу (6) я уже возражаю в очередной статье в „Руно". Ты не знаешь никаких моих статей и рефератов, а я только и делал, что писал их. И написал очень много.

Мой реферат р.-ф. собр. будет в 1 № „Русской Мысли". Ибсен еще не знаю где, просят туда же. Но я буду его еще раз читать у Коммиссаржевской.

Сегодня приехал Георгий Иванович (7), очень милый и совсем погибающий.

Праматерь выходит на днях. Скоро пойдет и в театре (после андреевской пьесы).

У меня бесконечные и беспросветные дела мелкие и крупные. Между проч., я еще не написал обещанных лекций. А я еще обещал сверх прежнего.

7-ого написал Станиславскому и жду от него ответа. Чулков слышал, что было уже назначено чтение Песни Судьбы труппе.

Я ничего не пью, все пишу, да хожу по кинематографам.

Сегодня пойду к Ремизову слушать его трагедию о принце Иуде Искариотском.

Вот, кажется, пока все. Пришли о Мопассане.

Целую. Саша.

На днях был Женя (и Ваня).

191.

ЕЙ ЖЕ.

16 ноября (1).

Сижу и чувствую, что мне 28 лет. От Любы получен в подарок кошелек, в который нечего класть, тетя обещала заранее подарить Тургенева, сделав вид, что 30 августа она уже его не подарила, а от маменьки даже поздравления нет! Не очень то все это почтительно!

„Речь" ты, должно быть, сегодня читаешь, а вот вырезка из сегодняшнего „Слова". Все газеты ежедневно рассуждают об „инциденте" (2). Писала ли тебе об этом тетя?

Станиславский телеграфирует: „в этом сезоне пьесу поставить не успеем. Подробности письмом через неделю. Приходится советовать печатать пьесу". На этот сезон я и не рассчитывал, но можно ли рассчитывать на будущий?

Получил я очень хорошее письмо от Вяч. Иванова о „Земле в Снегу".

После рел. фил. собр. мы с Женей пришли пить чай к нам, а через полчаса позвонила очень милая девушка—из публики, ... русская, дочь священника. Очень глубокая и мрачная. 18-ти лет. Сидела она у меня до третьего часа ночи. Она знает все, что я писал, не только стихи, но все статьи. Хорошо знать, что есть такие читательницы. Важнее всего, что, по всему судя, она пришла с тем, чтобы спросить (не прямо, а косвенно, больше не у меня, а у моей „силы", которую она во мне видит),— стреляться ей, или нет. Ушла кажется, светлее, чем пришла.

На собрании слушали меня очень хорошо, после собрания обступили сектанты — человек пять, и зовут к себе. Пойду.

А к Мережковским приходил Струве (3), совершенно возмущенный моим рефератом. И намекал, что он, как редактор, имеет право не пропустить такой „наивной“ статьи „только что проснувшегося человека“ в „Русскую Мысль“. Ближайшим последствием этого может быть разрыв М-их (4) и с „Русск. Мыслью“, они говорят, что будут стоять за мою статью, как за свою. Я говорю, что им необходим свой журнал. Философов говорил со мной о положении их очень откровенно.

Вчера мы с Женей пошли от Мережковских на представление новой пьесы Л. Андреева „Любовь студента“ (Дни нашей жизни). Это— ужасающая плоскость и пошлость, систематическая порча людей. Отныне для меня заподозрен и весь прежний Андреев. „Люб. студента“— плоская фотография, наглый пессимизм. Всё в совокупности (с актерами, играющими в общем хорошо и с размалеванными проститутками из партерного бо-монда)—вонючий букет, который портит душу. И тут же—эти вечные девушки, полу-курсистки, полу-швейки, с русско-еврейскими испуганными и похотливыми глазами; Шаляпин (5) стреляющий глазами из ложи; стареющие актерки, около которых почему то зажимаешь инстинктивно нос, как будто от них должно пахнуть потом.

У меня самое лучшее впечатление от моего реферата. Я увидал, что были люди, которым я нужен, и которые меня услышали.

Во вторник—собрание рел.-фил. общ. для обсуждения инцидента. Там я встречусь с А. Белым (ты получила „Весы“?).

Жаль, что тебя здесь нет. Здесь интересно. Я опять деятельно настроен.

21-ого повторю лекцию об Ибсене в театре.

Г. И. Чулков очень мил, хотя и половинчат в своей „нескромной насмешливости“.

На днях приходил бедняга Мейерхольд. Смотрит вопросительно, как то затравлен. Очень уж его, повидимому, третируют александринские мастодонты. Однако, он занят Тристаном для Мариинской сцены.

Ну, вот.

Целую тебя.

Саша.

Не хочу я ехать к Андрееву. —

Эркм. Шатр. я еще не прочитал.

— Праматерь выйдет, верно, во вторник.—Читала ли ты о том, как один из наших „кавалергардов“ (бар. Врангель) (6) дал пощечину М. П. Боткину? (7) — На вернисаж „в присутствии Елисаветы Маврикиевны“ я не пошел, хотя и получил приглашение. А выставка замечательна, говорят, надо пойти.

192.

ЕЙ ЖЕ (1).

Только что отправил тебе, мама, письмо, как получил твое.

Зачем же так много—25 рублей? Деньги, хоть и меньше, чем в прошл. году у меня есть. Ты поменьше пришли, я куплю книжек.

Саша.

На обороте: Ревель. Малая Батарейная 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

193

ЕЙ ЖЕ.

24 ноября 1908.

Сейчас получил, мама, от тебя 25 р. Очень рад им, и истрачу их на приятное, т. к. на полезное денег теперь довольно много. Спасибо тебе. Подпишусь, м. пр., на „Старые Годы" (10 р.).

А я продолжаю жить очень деятельно и, большей частью, доволен этим.

Завтра—р. ф. собрание, где будет маленький доклад Розанова на те же темы, а потом, главное, прения о всех трех докладах (Баронова (1), моем и Роз.). Теперь вход затруднен, и тетю я еще не мог выбрать в члены. После всех этих запрещений было очень много разговоров и статей в газетах, даже в Нов. Времени.

На днях курсистки приносили мне Черные Маски Андреева с тем, чтобы я прочел о них реферат на курсах. Я отказался, прочтя „Ч. М."—это пьеса опять очень плохая.

21-ого читал я второй раз об Ибсене в театре. Присутствовал Женя и мн. др.

Долгое время у меня копилось недоброжелательство на Мережковских. Вчера, наконец, я очень хорошо и откровенно поговорил со всеми ими, и теперь опять всё хорошо. Система откровенного высказыванья (даже беспощадного)—единств. возможная, иначе—отношения путаются невероятно.

Я задумал новую драму.

Давно уже не пью ничего.

12 декабря повторю свой доклад „Росс. и интеллиг." в здешнем литературном обществе. Мережк-е в среду уедут в Москву на две недели. Если Струве окончат. воспротивится напечатанью моего доклада, он появится 15 декабря в здешней новой газете „Правда Жизни" (тогда я тебе его пришлю).

В 1 № Русской Мысли будет мое стихотворение (и в 1 № этой газеты—тоже).

Третьего дня у нас целый день провели два человека нелитературных (Женин Андреев (2) и та курсистка, которая приходила ко мне после р. ф. собрания). Очень много и важно говорили.

Станиславский все еще не пишет.

Вчера Венгеров (3) прислал мне очень милое (благодарственное за „Землю в Снегу") письмо и свою новую книжку, которую я тебе завтра пришлю (в подарок). Там обо мне очень хорошо.

Не знаю, за что прежде приняться: за лекцию или за драму. Да и стихи писать не прочь. Гиппиус (4) прочла мне все свои стихи—по прежнему—хорошие.

Почему ты не пишешь? Целую.

Саша.

А. Белого я не видал. Кажется, мы не выносим др. друга взаимно.

В Русск. Богатстве Пешехонов (5) отчитал меня, Гиппиус и Минского.

194.

ЕЙ ЖЕ.

30. XI. 08.
Ночью.

Мама, посылаю тебе отчет о р. ф. о. из „Слова". „Речь" вечно все переврет.

26-ого уехали Мережковские в Москву, был я на среде у Вяч. Ив. Долго разговаривал с Лизой Безобразовой (1). Она сообщает, что Сережа совсем разжирел и подурнел. И даже—потерял блеск. Среды стали уж не те—серо и скучновато.

27-ого были мы с Любой и Женей в „Royal Star" (2)—на Марсовом Поле.

29-го пришли Ремизовы. Сер. П. (3) осталась с Любой, а мы с А. М. (4) пошли к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это—не последний раз. Писать об этом—как то не напишешь.

Все еще читаешь ты Речь? Завтра утром—мой фельетон там будет („Ирония") (5).

Сегодня читал я реферат об Ибсене в каком то поддельном высшем учебном заведении (6), неизвестно в чью пользу, среди каках то.....
Это разозлило меня страшно. Но пришла знакомая курсистка, и мы с ней очень хорошо поговорили—на все темы.

Станиславскому написал я просьбу о решительном ответе.

Начал читать твой перевод (7), он мне нравится, кроме отдельных выражений, но вещь скучная, так что я на 15-ой странице заснул (разговор с охотником) и дальше пока не читал. Боюсь, что теперь, когда Гржебин в тюрьме, еще труднее устроить и это и Мопассана. Завтра буду вести разговоры об этом.

Праматерь вышла, но я еще не видал. Пришлю.

Я задумал новую пьесу (8), гвоздят меня лекции; видел очень важные сны. Чувствую себя бодро. Ты подарила мне пока Старые Годы на 1909 г. (10 р.) и пачку больших конвертов для рукописей.

. . . .

Впрочем, о Черных Масках (9) я еще не знаю, может быть, то, что я писал тебе—неверно. Меня многие достоверные люди разубеждают.

Выходит в эт. году, что я вижу массу нелитераторов, а литераторов—редко. Это приятно.

Стих. напис. только одно—плохое.

Я читаю твои письма к Любе, и очень радуюсь им.

Целую.

Саша.

Скоро мы устроим два собрания, одно—с чтением Песни Судьбы.

195.

ЕЙ ЖЕ.

6 декабря (1).

Я очень надеюсь, мама, что дни скоро станут светлее. С утра уже нет вовсе нет солнца, трудно в комнате читать и писать. Это отра-

жается и на мне и на окружающем. Все притворяются деятельными, но смотреть на большинство людей как то больно и тошно: опустели они и глубоко тоскуют.

Вот тебе продолжение дневника?

1 дек. фельет. в Речи не было за неим. места. Будет, вероятно, послезавтра.

2 дек. получил я от Гиппиус милое и грустное письмо. Они (2) ушли и из Русск. Мысли. Я то этим скорее доволен. Моя „Россия и интеллигенция" появится фельетоном 15 дек. в № 3 „Правды Жизни" (прежний Товарищ— купи 5 коп.). 12-ого я буду ее опять читать в Литерат. Обществе.

3 дек. мы были с Любой и Женей у тети.

4 дек. ты подарила мне полные собр. Гете и Решетникова. Вечер. я скучал и слушал сплетни у Бенуа. „Праматерь", м. б., так и не поставят в театре. А, м. б., и поставят. Мне довольно все равно.

5 дек. мы были с Любой и Женей в кинематографе. Потом я скучал у Чулковых с Городецкими и Копельманами.

Сегодня пойду скучать и злиться на открытие Театр. Клуба.

Общение с людьми, без которого однако трудно обходиться, разбивает мысли.

Я хочу писать и скоро, вероятно, запишу (пьесу).

Вот и все пока события.

Целую.

Саша.

196.

ЕЙ ЖЕ.

14 XII 08.

Мама, я не пишу тебе без конца потому, что все дни очень полны, постоянный наплыв дум и дел.

„Иронию" я все забываю взять из „Речи", но скоро возьму и пришлю. Буду опять писать дневником, я сохраняю календарные листки.

Прежде всего—длиннейшее письмо Станиславского. Суть его в том, что он полюбил меня и Песню Судьбы, но не полюбил ни одного из действ. лиц. Перечитывал пьесу раза 4, пишет массу соображений,—очень скромно, очень хорошо. Я ответил ему длиннейшим письмом, главным образом о том, что для меня—Россия, относ. которой он недоумевает. Впечатл. и у меня и у Любы, что пьесы он не поставит, и я об этом не горюю, потомучто верю в Станиславского. Если [бы] действительно нет причин обходиться без театра, он поставит, если—хоть одна против театра — не надо. Мережк. предлагает [хлопотать] в Александринку, но я прошу подождать, да и не очень хочу Александринки, от нее все хуже пахнет.—18-ого буду читать П. С. (1) нескольким человекам у нас.

7 XII был я у Жени на рожд. его. Тогда же связался опять с Либерсон (основательница кружка одиноких) и г-жей Санжарь (казачка, сегодня буду слушать ее пьесу; она—типа людей случайно несамоубившихся, вроде Свенцицкого или Брюсова).

9-ого был у Мережковских, которые в ужасе от Москвы, Русской Мысли, Булгаковских кружков, и мн. др.

10-ого спорил с Чулковым не на жизнь, а на смерть — о „России и интеллигенции".

11-ого объяснялся по тому же поводу с Городецким, который просит тебе поклониться. Он — очень хороший, все такой же, но мы с ним несогласны.

12-ого, как ты читаешь, вероятно, в сегодн. газетах, читал в Литер. Общ. Об этом подробно напишет Люба. Оживление было необычайное Всего милее были мне: речь Короленко (2), огненная ругань Столпнера (3), защита Мережковского, и очаровательное отношение ко мне стариков из „Русск. Богатства" (Н. Ф. Анненского, Г. К. Градовского, Венгерова и пр.). Они кормили меня конфетами, апплодировали и относились, как к любимому внуку, с какою то кристальной чистотой, доверием и любезностью. Зал был полный. Венгеров говорит, что на засед. лит. общ. никогда не было такого напряжения. Я страшно волновался хорошим внутренним волнением, кас. темы, а не публики. К публике я окончат. привык. — В „Пр. Ж." (4) мой доклад не будет, потому что — длинен. 30-ого читаю еще, вероятно, „Культуру и стихию" в р. ф. о. (после Вяч. Ив. о „Русской идее"). Где напечатаю „Россию и интеллигенцию" — еще не знаю (5).

13-ого отдыхал от чрезмерных разговоров разговорами несложными и купался в ванне. Зато сегодня днем буду у Мережк., ранним вечером слушаю Санжарь, а поздним — у Сологуба.

Завтра — у Копельм., после-завтра — р. ф. собр. (доклад Мейера) (6).

Отчего ты мало пишешь?

Целую. Саша.

Тетю не вижу давно. О комнате для тебя думаю, тетя уж говор. об этом.

197.

ЕЙ ЖЕ.

23 XII (1).

Поздравляю тебя, мама, с Рождеством. У нас стоит большая елка и пахнет. Очень хорошо.

Эта неделя будет опять „о Мережковских". 30-ого буду читать в р. ф. о. „Стихию и Культуру", которая еще не написана.

Сейчас пришло твое письмо.

Нет, X. уже более нехарактерен ни для чего. Мы все общими силами успели уничтожить много бездарных и хлестких поэтиков и писателей, [по] рожденных в революционной пене. Теперь они окончательно замолкают. Сюда же относится и X. — обыкновенная проститутка. Пусть он и будет таковою в жизни, а не в литературе. Его..... прошлое, по слухам, очень темно. Голодным быть давно уже мало — для писателя.

Мой реферат, если опять не надуют, пойдет скоро в „Слове", в двух №№.

Дневник:

15-ого вечером мы провели очень приятный вечер у Копельманов (с Сологубами, Городецкими

и Чулковыми). Приятно, что все, наконец, были вдвоем, а не втроем. Копельман—человек серьезный, не глупый и играет на скрипке. Песня Судьбы уже продана ему за 900 рублей; пойдет в X альманах (май).

16-ого было скандальное р. ф. собр. Тетя верно писала тебе. Столпнер изобличал Мережковского, а Мережк. исповедался. Реферат Мейера был суховатый, не важный (2).

18-го обедали Тата и Ната (3), а потом я читал П. С. им, Сизову, Пясту, Безобразовой (от нее так и разит Соловьевской Москвой—семейственностью; я принужден итти к ней на елку, устраиваемую чуть ли не для меня), Асе (4) и Зверевой (5) (о которой я тебе расскажу).

21-ого днем был у Мережк., а вечером у Сологуба, а ночью—у Чулковых. Я развеселился и стал тискать Чулкова и Городецкого. Они страшно слабые оба, нельзя их тронуть пальцем. Городецкий очень мил.

У меня есть очень много новых книг и переплетов. Писать буду ближайшее—о Мережк. в „Речь" (он просил) (6),—кроме доклада.

Уходящим полусезоном я очень доволен. Усталости не чувствую, напротив.

Сегодня вечером иду с Женей к Мережк.—обсуждать свой предполагаемый доклад.

Имею в виду еще в ближ. буд. повидаться с сектантами, с Городецкими, с Тропинкой (7), с Вяч. Ив. Оба мне очень много пишут. Есть хорошие новые стихи. Все это я тебе покажу. Оттерпи Рождество и приезжай. Целую крепко. Саша.

198.

ЕЙ ЖЕ.

29 XII 08.

С Новым Годом, мама.

Пишу тебе только о том, что наконец, кажется, я нашел комнату—очень близко от тети. Но еще не условился. Если ты приедешь прежде 5-ого (советую, п. ч., все равно, иначе, как с 1-ого едва ли согласятся считать), то лучше прямо к тете. А если 5-ого, то я успею тебе написать адрес. Напиши поскорее точно день и час приезда, я тебя, во всяк. случае, встречу—у тети, или в твоей комнате.

Завтра читаю в р. ф. общ. Стихию и Культуру.

. . . .

Я сейчас не пишу тебе ни о чем, п. ч. хозяйственными заботами утружден.

Напиши поскорее, когда приедешь. Целую.

Саша.

31 утром уже придет новая Дуня (1), рекомендованная Аннушкой.

1909 г.

199.

МАТЕРИ.

2 января (1).

Непременно, мама, приезжай.

Тебе здесь будет лучше. Комнату (Демидов пер., 3, кв. 2) сегодня я взял и дал задаток. Считается—с 5-ого: первый этаж, два окна во двор, очень чисто (хозяин немец (еще не приехал) и скромная горничная): без услуг и без керосина—25 рублей. Кушанье готовить хозяин вероятно не позволит, и, когда ты будешь не у нас и не у тети, можно его тебе носить. Напиши скорее—ждать ли тебя 5-ого (лучше телеграфируй) и в кот. часу, и тогда я встречу тебя в комнате.

В праздники всегда хуже. Я тоже чувствую себя довольно мрачно, но это пройдет. Рефераты и стихи лучше прочту тебе сам. Целую.

Саша.

200.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, вот тебе оба реферата (посылаю заказной бандеролью). Ты мне их привези. Жду телеграммы и встречу тебя на вокзале.

Рефераты для меня очень мучительны, стоили много, и, кажется, бесцельны.

Впрочем, обо всем таком лучше уж поговорить, и не стоит расписываться.

Целую.

Саша.

4 января 1909 г.

201.

ЕЙ ЖЕ.

По моему, мама, ты много потеряла, что не была вчера. Слушали так, как только можно желать—внимательно, отвечая на все мои желания. И читал я лучше, чем обыкновенно, соверш. владея аудиторией. Под конец очень горячий взрыв апплодисментов и благодарности. Целую. Саша.

19 II, (1) утр....

На обороте: Ревель М. Батарейная 10. Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

202.

ЕЙ ЖЕ.

21 февр. вечер.
1909.

Мама, ...

Я в переписке с Розановым. Ему написал 2 письма и от него получил одно большое, умное и интересное. Он старается оправдаться в том,

будто он за смертную казнь, а мне доказывает, что я не против террора. Я, действительно, не (не осуждаю) против террора сейчас, о чем и пишу ему.

А мы с Любой думаем, не поехать ли весной в Италию.

Оказывается, и я совершенно расстроен, как то страшно устал, большинство людей мне дико и противно, особ.—литераторов.

Во вторник—р. ф. собр. (ты получила повестку), докл. Бердяева (1). М. б., я и не пойду. Все это смертельно надоело.

Целую.

Саша.

203.

ЕЙ ЖЕ.

23 II 09 вечер.

. . . .

. . . .

Мы хотим ехать в Венецию и Флоренцию сначала.

Розанову я не стану отвечать.

Вообще, подумываю о том, чтобы прекратить всякие статьи, лекции и рефераты, чтобы не тратиться по пустякам, а воротиться к искусству. В этом меня убеждают Люба и разные др. лица.

Думаю, что на это крайне вознегодуют Мережковские, к которым я не иду все—не хочется Ужасно они отвлеченные люди. А к их речам о Христе, которые теперь, судя по фельетонам,

возобновились (и постоянно способны возобновляться, как холера), я отношусь опять со скукой и досадой.

Можно писать разве изредка для народа и очень изредка—фельетоны,—и то, если это не повредит ощутительно. Кроме того, и вообще писать надо бы поменьше, чтобы не впасть в Андреевскую стряпню.

Болтливая зима и все прочее привели меня опять к опустошению, у меня не хватает творчества на четыре стиха. Надеюсь—не навсегда.

Самое трудное, при этом, конечно, заработок. Если печататься реже, он будет меньше. Надо что ниб. изобрести. А что ты об этом думаешь?

Целую крепко.

Саша.

204.

ЕЙ ЖЕ.

2 марта 1909.

Мама, я кашляю, потому сижу дома уже второй день, но от этого мало страдаю. В этом сиденьи есть своя прелесть . . . .

. . . .

Вчера были—днем Женя, а вечером Ваня. Я читаю о сектантах, написал стихи, из которых одно, которое мне нравится, переписываю тебе (1).

Пришло Зол. Руно, где во всех статьях говорится обо мне. Другая половина № — „художественная“ — утонченно порнографическая. Странный журнал! У них уже давно тенденция совме-

щать „утонченность“ с „интеллигенцией и народом“.

Дальше идет письмо Люб. Дмитр., в конце которого есть приписка Ал. Ал.:

Вот как все это криво написано.

Целую крепко.

Саша.

205.

ЕЙ ЖЕ.

4 III 09.

Поздравляю тебя, мама, с рождением и пишу тебе только так, кратко.

. . . .

Сегодня была тетя.

Сегодня получили письмо от Л. Андреева. Просит меня к себе и Песню Судьбы на буд. сезон Я отказываюсь—от первого—на основании бронхита (дома сидеть продолжаю), а от второго—пот. что пьеса еще не дошла до сценической стадии. Кажется, я буду работать над П. С. сильно еще и после печати.

Сегодня получил твое письмо. Да, статья о Бальм. (1) скверная. Точно также бранила меня Люба. Я написал утром и снес в Речь, не перечитав, как следует.

Ну, пока все. Целую тебя крепко.

Саша.

206.

ЕЙ ЖЕ.

7 марта 1909.

Мама, ...

. . . .

Сезон перед заграницей мы закончим довольно громко: я буду читать Песню Судьбы в большой университ. аудитории (на 5-ой или 6-й нед.), а 19-ого—в Двор. Собрании—речь о Гоголе. В первом отделении будут речи Нест. Котляревского (1) и Макс. Ковалевского (2), во втором—актеры, в третьем—Куприн (3) и Чириков (4) от реалистов, а Вяч. Иванов и я—от символистов. Устраивает Лига Образования. Опять таки жаль, что ты не будешь, это будет, я думаю, очень торжественно.

Завтра пойду к Мережковским, очень хорошее письмо мне написала З. Н. в ответ на мое злое письмо о том, что мне тошно слышать о Христе. Пишет, что они оба нас все больше уважают и любят.

На днях придет к нам Вал. Брюсов с Ниной Петровской. Они уже было напросились вчера, но отложили, пот. Нина Петровская должна была уехать в Москву.

Были у нас Ге (5) и Верховский (6). Ге собирается ехать учителем гимназии в Вологду.

Все очень одобряют наш заграничный план, и теперь не уехать было бы даже неловко, все об этом знают.

Но до тех пор еще будет открытие „камерных спектаклей“ (завтра), рел. фил. собр., чтение П. С., Гоголевский вечер, Зигфрид, Гибель Богов и мн. др.

Так что уеду окончательно изможденный. Пускай уж так. Я поправился, выхожу уже четвертый день.

№ Нашей Газеты о Толстом (7) Дуня уже уничтожила. Я читал невнимательно, но, сколько помню, это довольно неинтересно.

Целую крепко.

Саша.

207.

ЕЙ ЖЕ.

13 марта (1).

Мама, я вкладываю в Л. (2) письмо только эту записочку. Всего все равно неописать.—Мы уже послали за загр. паспортом и вывесили объявл. о сдаче квартиры.—На Гогол. веч. не буду читать, что то расстроилось.—Вчера очень хорошее впечатл. оставил у нас Вал. Брюсов. Я чувствую к нему какую то особенную благодарность за его любовь к стихам, он умеет говорить о них, как никто. И я с ним говорил, как давно уже не говорил ни с кем, на языке, понятном, вероятно, только поэтам. Он очень оценил мои переводы из Гейне.

Чтение П. С., повидимому, тоже не состоится.— Сегодня мы идем наконец в Зигфрида.—Толстой поправляется. На днях, однако, З. Н. получила от него письмо—совсем старческим почерком. Карточки его я знаю. Целую крепко. Саша.

Завтра буду у З. Н.—с В. Г. Успенской (3).

Песня Судьбы выйдет в IX альманахе (4) в апреле, а „На поле Куликовом"—в Х-м— в мае.—Андреев написал мне обиженное и злое

письмо—за мой отказ. Но я отказал уже и Мейерхольду, который, повид., был совершенно уверен, что он будет ставить пьесу на буд. сезон в Александринке.

Новых стихов нет пока. А вот, я думаю, в Венеции, Флоренции, Равенне и Риме—будут.

В Пб. (5)—серо, то снег, то ливень. Мрак и слякоть. Иногда весна похожа на осень.

Немножко подвинулась пьеса. Тернавцева не слушал.

Получила ли ты Зайцева (6)—в подарок? (мне он прислал).

208.

ЕЙ ЖЕ.

17 марта 1099.

Вот и отлично, мама, приезжай на Пасху. Мы уедем, м. б., до 15 апреля. Паспорт у меня в столе, объявление о сдаче кварт. уже вывешено, но пока никто не приходит.

Я почти ничего не делаю и чувствую себя страшно усталым и вялым. 19-ого буду читать Гоголевскую речь. 20-ого ты ее прочтешь в „Речи" (1).

Прилагаемое (2) я получил почему то.

Из Италии очевидно—в Шахматово. Хотя я его себе не представляю и не люблю.

Песню Судьбы ни за что никому не отдам. А переделывать буду, если смогу, очень сильно— для театра и для себя. Это необходимо.

Ну, целую крепко. Саша.

Мы оба—усталые. Сейчас вернулись из кинематографа.

209.

ЕЙ ЖЕ.

23 марта 1909.

Я никогда еще не был, мама, в таком угнетенном состоянии, как эти дни. Потому и не пишу тебе давно. Все, что я вижу, одинаково постыло мне, и все люди тяжелы.

Тебе говорил Ф. (1), что мы думаем приехать в субботу утром? Если это не неудобно, то лучше всего так.

Думаю, что до заграницы мое состояние не изменится. Впрочем, я на нее надеюсь тоже очень отвлеченно, и знаю только, что нужно уехать в Италию.

Ты напиши нам, всетаки, еще до субботы.

Целую. Саша.

Денег много.

210.

ЕЙ ЖЕ.

30-е утром (1).

Доехали, мама, хорошо (2).

Горло гораздо лучше.

Без нас приходил господин, которому очень понравилась квартира, он обещал придти 1 апреля (!). Еще приходил Александр Львович и сказал, что придет сегодня или завтра. Еще приходили разные плагиаторы и кикиморы и угрожали придти еще. В С.-Петербурге идет снег.

Мы накушались пирожков, бабы, Дуниной Пасхи и пр.

Если господин возьмет квартиру, я думаю поскорей уезжать.

Целую. Саша.

211.

ЕЙ ЖЕ.

3 апреля (1).

Мама, мы уедем около середины месяца, очевидно. Так выходит и с деньгами и с необходимыми визитами. Пока ведем себя примерно, ходим в гости.

Были у Ивановых и попали на имянины М. Петр. (2) и М. Павл. Вчера я ушел чуть не первый с прощального вечера (ночи) Сологуба, где было человек 50. Люба была на Синей Птице и бранится. У нас был Ал. Льв., кот. обоим нам понравился своим умом, остроумием и наружностью Нибелунга. Еще мы провели вечер у Городецких—чинно.

Горло мое давно прошло, все это было на $^3/_4$—нервное. А ведь при отъезде из Ревеля болело так сильно, что чувствовалось не только при глотании....

П. С. выйдет 20 апреля.

Мы вышлем в Шахм. корзину и ящик, а накладную, я думаю, прислать тебе: когда ты пошлешь за своим багажом—и этот захватят.

Не переменила ли ты мнение о Мартыне? Мне продолжает хотеться, чтобы не было больше ни его, ни хозяйства.

Еще мы и я увидимся с Мережк., Ремизовыми, Копельманами, Зверевой, Городецкими. Я хотел бы сделать визит Станисл. и Немировичу (3). У нас была два раза Нат. Ник. (4) . . . Я несколько приободрился вообще. Целую. Саша.

Написал неск. недурных стихотворений.

212.

ЕЙ ЖЕ.

10 апреля 09.

Мама, билеты взяты! Во вторник 14-ого, в 10 ч. 40 м. веч. мы уезжаем в Венецию через Варшаву и Вену. Крайний пункт—будет Рим, а возвратимся мы через С. Готард, по Рейну, через Франкфурт на М. и Nauheim—на Эйдкунен.

У нас был Толстой (директор музея Ал. III) (1) и купил картины (2) за 1600 р.—сегодня мы получили деньги.

У меня очень интересная неделя. Я смотрел Ревизора и Синию Птицу, много говорил со Станиславским, Л. Андреевым, Качаловым (3) и разн. другими. Был у Мережковских и Ремизовых, свез велосипед (4) Жене. Квартира не сдается, так что вы с тетей можете приехать прямо к нам. Вещи в Шахм. мы повезем сами, когда вернемся в Спб.

Подробно описать все очень трудно. Насколько пленил меня и ободрил Станиславский, настолько ни в чем не соглашался я и спорил с Андреевым. Насколько понравился Ревизор, настолько отвратительна Синяя Птица. Сегодня пойду вероятно на Врата Царства (5).

В Худож. Театре меня заметно считают своим, все актеры читают на вечерах мои стихи, директора страшно любезны, а администрация даже льстива. Станиславский ожидает от меня гениального произведения (!), которое вместе с его и Крэговскими (6) открытиями (кстати, очень важными) обновит театр.

Теперь отвечаю на твои вопросы: Альбатрос (7) показался мне приторной басней с моралью, несмотря на несколько удачных строк.—Л. Семенов дал в Шиповник дрянь.—Гениальное ребячество (8) едва ли Панченки (9); во главе стоят талантливые молодые художники.—Твое мнение о рассказах Городецкого, по моему, очень тонко—и исчерпывающе.

Дуня 3-его дня ушла, она забеременела и разболелась совсем. Два дня мы были без прислуги, да и теперь—только Елеазар (10), так что мы ходим обедать в разн. места (Люба—в вегетар. столовую). Еще напишу отсюда. Целую. Саша.

213.

ЕЙ ЖЕ.

12. IV. (1)

Мама, ты пиши нам приблизительно так: с 18—23 IV—Venezia, poste restante, A. Block. След. неделю—Firenze, p. r; потом—Roma, p. r. Впрочем, мы это напишем точно оттуда. Наш круговой билет взят.

Имей в виду, что дворник предупрежден, что ты и тетя можете всегда приехать на нашу квартиру. Объявление о сдаче ее снято до нашего возвращения. Франц. ключ у дворника. Посылаю тебе Итал. сборн. (2), в кот. ты обрати внимание на Толстого и Гиппиус. Сегодня иду к Мережковским прощаться.

В Шахматово с сегодняшнего числа переведены „Речь", „Слово" и „Наша Газета". Если найдешь на моем столе интересные для тебя журналы, читай их.

---

13 апреля.

Вчера днем мы с Любой были у Мережковских, простились и перецеловались. Я их люблю всетаки—всех трех: в них есть вкус, злоба и воля.—А вечером я воротился совершенно потрясенный с „Трех сестер" (3). Это—угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся, каким то чудом не заплеванных углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины, которую я завтра, слава тебе господи, покину. И даже публика—дура—и та понимает. Последний акт идет при истерических криках. Когда Тузенбах уходит на дуэль, наверху происходит истерика. Когда раздается выстрел, человек десять сразу вскрикивают плаксиво, мерзко и искренно, от страшного напряжения, как только и можно в сущности вскрикивать в России. Когда Андрей и Чебутыкин плачут—многие плачут, и я—почти. Я не досидел Метерлинка и Гамсуна, к Ревизору продирался всетаки сквозь полувековую толщу, а Чехова принял всего, как он есть, в пантеон своей души, и разделил его слезы, печаль и унижение; и, должно быть, всех всетаки искреннее в театре, хотя и сидел на великолепном казенном месте. Тут же болтался Л. Андреев, который, несмотря на свою картонность, всетаки трогательно волновался и злился.

Несчастны мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву—для злобы и ссоры друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий враг наш—российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники—не показывают своего лица, а натравляют нас друг на друга.

Изо всех сил постараюсь я забыть на чистоту всякую русскую „политику", всю российскую бездарность, все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти. Или надо совсем не жить в России, плюнуть в ее пьяную харю, или—изолироваться от у н и ж е н и я—политики, да и „общественности" (партийности).

Сейчас пришло твое злое тоже письмо. На кварт. приезжай непременно, все распоряжения сделаны. Тетина квартира все еще не сдается, оказывается, это не так легко. Целую крепко. Завтра уедем. С а ш а.

Я считаю теперь себя в праве умыть руки и заняться искусством. Пусть вешают, подлецы, и околевают в своих помоях.

214.

ЕИ ЖЕ (1).

4 мая 1909 г.

Мама, мы в Венеции уже четыре дня, слоняемся вместе и отдельно. Писать страшная лень. В сущности здесь очень хорошо — и всего лучше львы, гондолы и Беллини. Пишу только затем пока, чтобы ты не беспокоилась. Кажется, поживем здесь еще; целую крепко тебя. Саша.

Adresse: Russia St. Pietroburgo. С.-Петербург Галерная, 41, кв. 4. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

215.

ЕЙ ЖЕ.

7 мая n. st. 1909.
(старого здесь нет).
Венеция.

Получила ли ты, мама, от меня карточку? Не удивляйся, что я долго не пишу, здесь очень трудно и читать и писать. Я здесь очень много воспринял, живу в Венеции уже совершенно, как в своем городе, и почти все обычаи, галлереи, церкви, море, каналы для меня — свои, как будто я здесь очень давно. Наши комнаты выходят на море, которое видно сквозь цветы на окнах. Если смотреть с Лидо, весь север окаймлен большими снежными вершинами, часть которых мы проехали. Вода вся зеленая. Это все известно из книг, но очень ново, однако, —

новизной не поражающей, но успокоительной и освежающей. Дня через 3 мы уедем в Падую. Жить спокойно, просто и дешево. Очень многие мои мысли об искусстве здесь разъяснились и подтвердились, я очень много понял в живописи и полюбил ее не меньше поэзии за Беллини и Боккачио Боккачино, окончательно отвергнув Тициана, Тинторетта, Веронеза и им подобных. (за исключ. некоторых деталей).

Здесь открыта еще международная выставка, на которой представлена вся современная живопись (кроме России). Общий уровень совершенно ничтожен, хотя выставлен почти весь Штук, Цорн и Дегаз. Но итальянская старина ясно показывает, что искусство еще страшно молодо, что не сделано еще почти ничего, а совершенного — вовсе ничего; так что искусство всякое (и великая литература в том числе) еще все впереди. Здесь хочется быть художником, а не писателем, я бы нарисовал много, еслибы умел. Среди итальянских галлерей и музеев вспоминается Чехов в Худож. театре, — и не уступает Беллини; это — тоже предвестие великого искусства. Несчастную мою нищую Россию с ее смехотворным правительством, ... с ребяческой интеллигенцией я бы презирал глубоко, если бы не был русским. Теперь же я знаю, что все перечисленное, и даже все видимое простым глазом, — не есть Россия; и даже, если русские пентюхи так и не научатся не смешивать искусства с политикой, не поднимать неприличных политических споров в частных домах, не интересоваться третьей думой, — то всетаки останется все та же Россия „в мечтах".

Вчера приехала Анна Ивановна (2), которая совершеноо нам не мешает, а мне даже развлекательно и легко болтать с ней о пустяках. Люба ходит в парижском фраке, я—в венском белом костюме и венецианской панаме. Рассматриваю людей и дома, играю с краббами и собираю раковины. Все очень тихо, лениво и отдохновительно. Хотим купаться в море. Наконец то нет русских газет, и я не слышу и не читаю неприличных имен союза рус. народа и Милюкова, но во всех витринах читаю имена Данта, Петрарки, Рескина и Беллини. Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидать свою другую родину—Европу, и Италию особенно.

Ну, пойду бродить опять. Крепко целую тебя. Напиши во Флоренцию. Саша.

216.

ЕЙ ЖЕ (1).

Firenze li 13 maggio 1909.
6, via Calzaioli, 6.

Мама, сегодня мы первый день во Флоренции, куда приехали вчерашней ночью из Равенны. Сегодня я получил твое первое письмо, адресованное сюда, предъидущие два очевидно пропали, хотя я велел переслать их из Венеции.

В Равенне мы были два дня. Это—глухая провинция, еще гораздо глуше, чем Венеция. Городишко спит крепко, и всюду—церкви и об-

раза первых веков христианства. Равенна—сохранила лучше всех городов раннее искусство, переход от Рима к Византии. И я очень рад, что нас туда послал Брюсов; мы видели могилу Данта, древние саркофаги, поразительные мозаики, дворец Теодориха. В поле за Равенной—среди роз и глициний—могила Теодориха. В другую сторону—древнейшая церковь, в которой при нас отрывали из под земли мозаичный пол IV—VI века. Сыро, пахнет, как в туннелях ж. д., и всюду гробницы. Одну я отъискал под алтарем, в темном каменном подземельи, где вода стоит на полу. Свет из маленького окошка падает на нее; на ней нежно-лиловые каменные доски и нежно зеленая плесень. И страшная тишина кругом. Удивительные латинские надписи.

Флоренция—совсем столица после Равенны. Трамваи, толпа народу, свет, бичи щелкают. Я пишу из хорошего отеля, где мы уже взяли ванны. М. б., потом переселимся подешевле, но вообще—довольно дешево все. Во Флоренции надо засесть подольше, недели на две. Мы были уже у Porta Romana (2) и у рынка, я очень смутно помню направления только и пожалуй—Арно, а все остальное—ничего не напоминает. Потом поедем в Перуджию и в Рим. Я сейчас прибежал домой от грозы, но она уже прошла, и опять жарко.

Люба напишет тебе скоро. Твоему письму сегодня я очень обрадовался, т. к. уже начинал безпокоиться. Больше ни от кого нет ничего. Сегодня я просмотрел в первый раз „Речь", увидал, что закрыта „Наша Газета". Ты пиши тоже почаще—во Флор., потом—в Рим, все—

р. r. (3) Сегодня, а, м. б., и завтра—ничего осматривать не буду, приятнее—слоняться и узнавать город. Те два для меня —как на ладони, а Флоренция велика, и с ней труднее освоиться.

Самочувствие все еще не слишком хорошее. Мы оба еще не совсем окрепли, хотя уже теперь гораздо лучше. Я покупаю картинки, а Люба—древности. Целую крепко тебя и тетю. Пиши. Сейчас ухожу опять. Саша.

Очень бы хотел, чтобы с Шахматовым у вас все устроилось благополучно.

217.

ЕЙ ЖЕ (1).

Мама, сегодня пришло твое второе письмо. Мы уже нед. во Флор. Тебя ждут в Шахм. два письма. Я думал, что ты скоро уедешь и писал туда. Жарко. Целую. Саша.

19 мая 1909.

На обороте: Russie. Petersbourg, Россия. Петербург. Галерная, 41, кв. 4. Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

218.

ЕИ ЖЕ.

Firenze. Pension Lelly. V. Palestro. 3.
25 maggio 1909—26 magg.

Мама, послезавтра мы уезжаем из Флоренции, не знаю еще куда: едва ли, в Рим, потому-

что здесь уже нестерпимо жарко, и мускиты (1) кусают беспощадно. Но Флоренцию я проклинаю не только за жару и мускитов, а за то, что она сама себя предала европейской гнили, стала трескучим городом, и изуродовала почти все свои дома и улицы. Остаются только несколько дворцов, церквей и музеев, да некоторые далекие окрестности, да Боболи (2),—остальной прах я отрясаю от своих ног и желаю ему подвергнуться участи Мессины.

Также, как в Венеции—Беллини, здесь—Фра Беато стоит на первом месте, не по силе—а по свежести и молодости искусства. Рафаэля я полюбил, Леонардо—очень, Микель-Анджело—только несколько рисунков. Мы привезли с собой массу снимков.

От тебя давно нет писем, а за все время—только два (во Флоренции). Из Венеции не переслали, из Рима—тоже не надеюсь. Получила ли ты наши карточки?

Ближайшая цель—Перуджия, потом—скорее всего—прямо Пиза, т. е. море около нее.

В нашем пансионе—очень неуклюжий лакей. Хозяин, заранее рассчитывая на его неловкость, [заранее] называет большинство кушаний: crème renversée, fraise ecrasée, boeuf brisé, etc (3). Мы сыты, хотя с одной стороны сидит английская художница с расстегнутой спиной, с другой—m-me von Lebedeff, упражняющаяся в англ. и франц. языках, с третьей—громко хрюкающий англичанин, с четвертой—внушающее уважение немецкое семейство. У меня страшно укоротился нос, бо́льшую часть съели мускиты. Папиросы мои

вышли, а здесь каждая стоит около тысячи лир, так что я курю только десяток в день. Перед одним окном хозяин насадил сад для четырех кошек, а перед другим — маляры стараются один перед другим засыпать пылью мою кровать, спеша достроить изящную виллу к приезду английского короля. Арно высохло, так что вместо воды мы умываемся черным кофеем, а мороженое привозят только раз в месяц из Стокгольма.

Все это несколько преувеличено. Я беспокоюсь о том, где вы, и что с Шахматовым. Напиши об этом поскорее в Пизу. Решительно, после Перуджии, Ассизи, Сиенны (это всего несколько дней) мы будем там и поселимся, повидимому, в устье Арно (Bocca d'Arno), чгобы купаться в море. Я ничего не знаю о России, не вижу газет, напиши, если что ниб. произошло. Пишут ли что ниб. о Песне Судьбы и вышла ли она? Не написал ли кто ниб. чего ниб. хорошего? — Целуем вас с тетей крепко. Саша.

Отныне не хочу терпеть больших городов — довольно и Петербурга. В Рим надо ездить зимой.

219.

ЕЙ ЖЕ (1).

Palace Hotel
Perugia 29 maggio 1909.

Мама, мы живем здесь второй день отменно кормимые. Отель поганый — т. е. удобный европейский и дорогой.

Сегодня мы ходили по горам верст десять в этрусскую могилу и видели там удивительные

вещи. На днях уедем в Ассизи, а оттуда в Пизу куда ты и напиши поскорее. Я тебе еще из Флоренции об этом писал. Да и подлиннее.

Нравится ли тебе мое равеннское стихотворение? (2)

Целуем вас с тетей крепко. Саша.

220.

ЕЙ ЖЕ.

Sienna 8 VI 09 (1).

Мама, я безпокоюсь о России. В газетах все только мрачное.

Надеюсь завтра получить оттебя письмо в Пизе.

Всего — два! Что то у вас? Сиенна — уже одиннадцатый наш город. Воображение устало.

Скоро иссякнут деньги, и мы уедем на Рейн.

Во Франкфурте получим из банка еще. Целую.

Саша.

221.

ЕЙ ЖЕ.

Milano. 19 июня n. st 1909 (1)

Мама, мы в Милане уже третий день, и после завтра уезжаем во Франкфурт. Там проведем неск. дней (в Nauheim'e), потом поедем по Рейну до Кельна, а из Кельна, осмотрев его, прямо в Берлин и Эйдкунен. В Шахматове надеемся быть в конце июня, значит. Надо признаться, что эта поездка оказалась совсем не отдохновительной. Напротив, мы оба страшно устали и изнервни-

чались до последней степени. Милан—уже 13-ый город, а мы смотрим везде почти все. Правда, что я теперь ничего и не могу воспринять, кроме искусства, неба и иногда моря. Люди мне отвратительны, вся жизнь—ужасна. Европ. жизнь также мерзка, как и русская, вообще—вся жизнь людей во всем мире есть, по моему, какая-то чудовищно грязная лужа.

Я написал несколько хороших стихотворений. Получил от тебя в Пизе (мы уехали из ее Марины и от моря, не купаясь, от скуки и от неприятностей с хозяйкой квартиры) три письма—одно из Флор. и два из Рима. Я им особенно обрадовался, но теперь опять давно уже—ничего нет. Меня постоянно страшно беспокоит и то, как вы живете в Шахм., и то, что вообще происходит в России. Единств. место, где я могу жить,—всетаки Россия, но ужаснее того, что в ней (по газетам и по воспоминаниям), кажется, нет нигде. Утешает меня (и Любу) только несколько то, что всем (кого мы ценим) отвратительно—всё хуже и хуже.

Часто находит на меня страшная апатия. Трудно вернуться и как будто н е к у д а вернуться—на таможне обворуют, в середине России повесят, или посадят в тюрьму, оскорбят,—цензура не пропустит того, что я написал. Пишу я мало, и, вероятно, буду еще долго писать мало, потому—нужно найти заработок. Обо всем этом я очень хочу поговорить с тобой. Теперь, слава богу, мы наконец скоро объездим все, что полагается по билету. Мне хотелось бы очень тихо пожить и подумать—вне городов, кинематографов, ресторанов, итальянцев и немцев. Все это—

одна сплошная помойная яма. Сняться—мы так и не снялись. Как то не собрались, и не нашли таких фотографий. Да и как то глупо теперь сниматься. И я и Люба с этого года слишком мало любим свои лица. Мне иногда мое лицо бывает противно.

Подозреваю, что причина нашей изнервленности и усталости почти до болезни происходит от той поспешности и жадности, с которой мы двигаемся. Чего мы только не видели:—чуть не все итальянские горы, два моря, десятки музеев, сотни церквей. Всех дороже мне Равенна, признаю Милан, как Берлин, проклинаю Флоренцию, люблю Сполето. Леонардо и все, что вокруг него (а он оставил вокруг себя необозримое поле разных степеней гениальности—далеко до своего рождения и после своей смерти) меня тревожит, мучает и погружает в сумрак, в „родимый хаос“. Настолько же утишает меня и ублажает Беллини, вокруг которого осталось тоже очень много. Перед Рафаэлем я коленопреклоненно скучаю, как в полдень—перед красивым видом. Очень близко мне все древнее—особенно могилы этрусков, их сырость, тишина, мрак, простые узоры на гробницах, короткие надписи. Всегда и всюду мне близок и дорог, как родной, искалеченный итальянцами латинский язык.

Более, чем когда нибудь, я вижу, что ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь. Ее позорный строй внушает мне только отвращение. Переделать уже ничего нельзя—не переделает никакая революция. В с е люди сгниют, н е с к о л ь к о человек останетея. Люблю я только искусство, детей и

смерть. Россия для меня—все таже—лирическая величина. На самом деле—ее нет, не было и не будет.

Я давно уже читаю Войну и Мир и перечитал почти всю прозу Пушкина. Это существует.

Напиши непременно в Петербург, так чтобы мы там получили известие. Я перевел все письма на Франкфурт, но не надеюсь получить там ничего. А мне особенно важно иметь от тебя известия о том, как вы там живете.

Целую я и Люба крепко тебя и тетю (2).

Саша.

222.

ЕЙ ЖЕ.

Bad Nauheim. 25 juni 1909

Мама, мы здесь живем уже пятый день, приехали прямо из Милана. Здесь необыкновенно хорошо, тихо и отдохновительно. Меня поразила красота и родственность Германии, ее понятные мне нравы и высокий лиризм, которым все проникнуто. Теперь совершенно ясно, что половина усталости и апатии происходила от того, что в Италии нельзя жить. Это самая нелирическая страна—жизни нет, есть только искусство и древность. И потому, выйдя из церкви и музея, чувствуешь себя среди какого то нелепого варварства. Итальянцы—не люди, а крикливые, неопрятные зверушки. Общий тип итальянца—бессмысленное и добродушное лицо обезьянки, пронзительно свистящие губы, руки, засунутые в карманы всегда расстегнутых штанов. Итальянский город почти всегда есть неопрятный ватер-клозет, по итальянски—latrina, как это всюду громогласно написано. Земли нет, так что уйти из latrin'ы можно только на пыльную дорогу, обсаженную уродливым виноградом. Деревьев мало, растительность жалкая, цветов почти не разводят. Готикой соборов—даже в Милане, Пизе и Orvieto—играют, как ребятишки, не понимающие ее смысла.

Родина Готики—только Германия, страна наиболее близкая России, вечный упрек ей. О, если бы немцы взяли Россию под свою опеку! От этого только стало бы легче дышать, и не было бы больше позорной жизни. Здесь только есть настоящая религия жизни—готическая жизнь, умеющая освятить даже государственную службу. Здесь я не стыдился бы и не усумнился бы найти заработок и служить в любой конторе. Служить в Германии—значит стоять на посту.

Кроме всего этого, я нежно полюбил Nauheim. Он почти тот же, так же таинственно белеют и дымят шпрудели по вечерам (теперь уже три), только бадхаузов уже восемь—все они новые, очень красивые, но чужие, так что площадка вокруг шпруделей превратилась в сплошное каменное здание. Но парк, Teich (1), леса, деревни и Фридберг (2) с дворцом и садом—все те же. Кажется, мы поживем здесь еще. На днях я поеду во Франкфурт за твоим письмом. Отсюда мы только поднимемся по Рейну до Кельна и, осмотрев его, уедем прямо в Петербург.

Мы ездили на лодке по озеру, гуляем, ездили во Фридберг, много кушаем (еда стала очень хорошая) и чувствуем себя оба гораздо лучше. Глав-

ная забота,—чтобы не обокрали на русской таможне.

А какая мерзость—Швейцария, которую мы перерезали всю! Полное убожество. Хорошо только в туманах St. Gothard'а и в туннеле, и еще в сказочной стране на границе с Лотарингией и Баварией, где Рейн еще узок и Шварцвальд занимает безконечное пространство—вблизи от Базеля.

В Nauheim'е читал я массу русских газет, но не вычитал ничего особенного. Здесь (уже) всюду русско- . . . . надписи, русская церковь, балалаечники в Kursaal'е, толпы . . . . русских. Сезон в разгаре. И всетаки, ничто не оскорбительно, так хороша Германия. Целуем крепко. Саша.

223.

ЕЙ ЖЕ.

Bad Nauheim
27 июня 1909.

Мама, я только что вернулся из Франкфурта, где получил твое письмо из Пизы, в котором ты коротко пишешь об уходе латышей и об арендаторе. Я думаю, что, если даже арендатор окажется мошенником (иначе предполагать трудно), то всетаки это в десять раз лучше. Воображаю, как было трудно выгонять Мартына. Я очень о тебе беспокоился, вероятно, в это самое время. Нам обоим очень хочется скорей в Шахматово.

Мы продолжаем жить здесь—и это пока лучшее место. Прохладно, тихо, часто идет дождь.

Всюду — русско- . . . . хари и разговоры, все приспособлено для „русских“, „русские“ вывески и даже папиросы.

. . . .

Все. . . (т. е., почти весь состав современной „русской“ литературы) должен ругать Песню Судьбы. Это меня даже радует. На литературный успех и заработок я больше не надеюсь, и чувствую себя свободным в этом отношении. Проживу как нибудь иначе, но только развязываю себе руки, чтобы показать . . . . . , что не все русские легко жидовеют.

Обо всем этом лучше поговорить, а не писать, и теперь мы скоро воротимся. Думать о России очень тяжело и беспокойно, я от нее не жду пока ничего, кроме всяческого хамства.

Подумаем, как устроиться. Я надеюсь всетаки остаться человеком и художником. Если освинеют все, я на всех плюну и от всех спрячусь. Но Андреевых, Шиповников, газетчиков, барышень и проч. осквернителей русского языка и русской литературы терпеть больше не хочу.

Мож. быть, напишу еще, а мож. быть, уж и нет. Пора, кажется, возвращаться. Жду в Петербурге непременно письма. Деньги еще остались. Целуем крепко. Саша.

224.

ЕЙ ЖЕ.

16 (29) июня 1909.
Bad Nauheim.

Мама, вот тебе для сведенья: после завтра утром (18 июня—1 июля) мы уезжаем по Рейну. К вечеру будем в Кельне, где переночуем и по-

смотрим собор. Вечером 19 июня (2 июля)—выедем из Кельна, утром 20-ого июня (3 июля) будем в Берлине, через 2 часа уедем в Эйдткунен, в 12 часов ночи уедем из Вержболова и 21 июня (4 июля) в 6 часов вечера будем в Петербурге. Оттуда через несколько дней приедем в Шахматово. Нужно сделать только несколько дел.

Жду от тебя письма в Петербурге. Как теперь с коляской—надо ли нанимать, или повезет арендатор? Шахматово очень улыбается нам обоим. Целуем крепко тебя и тетю.

Саша.

225.

ЕЙ ЖЕ.

Петербург.
22 VI 09 (1).

Мама, мы приехали вчера вечером на красивом закате, совершенно грязные от дороги, но сразу почувствовали себя весело. Я нашел твое письмо—как долго идут письма? Ты отвечаешь только на Миланское, но, надеюсь, что теперь уже получила мои три гораздо более бодрых Наугеймских письма. Сегодня уже на минуту приходил Женя, а завтра мы поедем в Царское на весь день. На таможне нас почему то почти не смотрели и отпустили скоро с любезностью, ничего не забрав.

Плаванье по Рейну и Кельн великолепны, как и вся Германия. А, въехав в Россию, я опять понял, что она такое, увидав утром на пашне трусящего под дождем на худой лошадке одинокого стражника.

Здесь—груды книг и писем—все, как полагается: и две барышни, объясняющиеся в любви, и начинающий поэт, и прочее.

Через несколько дней мы приедем. В Шахматово, которое ты описываешь, без латышей и т. д., очень хочу. Кублицкие меня совсем не смущают. С квартирой нам жаль расстаться и, кажется, мы останемся: дворник подходит к ручке и искренно радуется, все чисто (я писал ему из заграницы о дне приезда). Ах, да! Барс (2) нашелся в буфетной хозяйки и давно живет у Савелия (3), а теперь у нас. Он похудел, но нам обрадовался. Мы привезем его в корзинке. Сообщи это тете. Люба сидит в ванне, а я уже вылез и гуляю. Целую крепко. Саша.

Как только решим о дне приезда, я напишу. Жду писем еще.

Пожалуй, лучше назначить день: мы приедем в Шахматово в воскресенье 28-ого, как всегда, утром.

Если же что нибудь помешает, я напишу сейчас же. Сообщи, можно ли теперь выслать и кто высылается, или надо нанять коляску?

226.

ЕЙ ЖЕ.

23 июня 1909.

Мама, сейчас получил твое письмо, приедем 30-ого рано утром (с поездом, кот. отсюда ухо-

дит в 4 часа дня). Билеты взяты. Лучше выслать лошадей, все-таки дешевле.

За вещами не надо—потом, потомучто позже придут еще ящик с книгами и банками.

Так возить или не возить подлого кота?

Целуем крепко.

Саша.

Сейчас едем в Царское Село.

227.

ЕЙ ЖЕ (1).

„Из хрустального тумана“ (2).

Нравится ли тебе, мама, это стихотворение? Мне и Любе нравится. Сегодня я был в Речи, набрал работы и аванс (25 руб.). Вечером хочу итти к Вяч. Иванову. Новая Паша приготовляет обед. Вот и все пока.

228.

ЕЙ ЖЕ.

15 X. (1)

Что ж ты не пишешь мне, мама? Стало ли тебе легче? Полагаю, что, если еще нет, то скоро станет, потомучто мне полегчало.

С тех пор, как был Францик, у нас каждый день гости, бывает весело. Были Чулков, Мейерхольд, Веригина. Молодой человек приносил цветы от поклонниц. В квартире уютно, стоит конторка очень удобная, за которой открыта

периодическая система (2). Денег я всетаки достал уже около 200 рублей (в т. числе от . . . . . 120); Люба получила свои 16.000 (3). С Городецким—бесплодная переписка, которая ничем, кажется, не кончится. Мож. быть, попадем на генеральную репетицию Тристана (4). У Мережк. с тех пор я не был, письма заглохли, что то кажется, что в этом году с ними буду не так близок.

Я узнавал о Сестрорецком институте для физич. методов лечения — там доктора и проч. удобства бывают только летом, а зимой—глухо и, повидимому, неустроено, так что это место едва ли подходящее.

Пишу рецензии в „Речь“, но, кажется, брошу это и поищу чего ниб. менее бессмысленного.

А ты напиши хоть неск. слов.

Целую. Саша.

229.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, сегодня я получил открытку, а ты верно, письмо. Сегодня пришло известие о смерти М. В. Лапиной (1). Она умерла внезапно, в 1/4 часа, от разрыва сердца. Я был у тети, у нее несчастный Долгополов (2), распухший от слез и ослабевший. Не знает, что ему делать.

Марье Петровне (3) сняли катаракт благополучно, но теперь трудно не шевелиться.

Напиши, что ты думаешь о приезде в Пб. для лечения или в как. ниб. санаторию?

Или тебе легче? Мне теперь гораздо легче. Целую.

Саша.

Сейчас иду к Мережковским.

16 x—вечером.

На обороте: Ревель М. Батарейная 10 Ее Высокородию Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух.

230.

ЕЙ ЖЕ. (1)

Отрезной купон.

59 руб. 70 коп.

А. А. Блок.
Спб. Галерная. 41.

На обороте:

Мама, пиши.

Получил два письма. Занят многими делами, чувствую себя бодро.

231.

ЕЙ ЖЕ.

24 X (1)

Вчера я получил, мама, твое письмо. Люба находит, что тебе лучше, судя по этому письму. Уж не знаю.

Меня спасают от того состояния, в котором ты находишься, большое количество людей, отношений и сует. Все это опять завелось, так как итальянские стихи меня как бы вторично прославили. Я выбран в Совет „Общества ревнителей худож. слова" (при „Аполлоне") в числе 6-ти (Маковский (2), Вяч. Иванов, Ин. Ф. Анненский (3), Вал. Брюсов, Кузмин и я). Приглашен в „Аполлон" (итал. стихи). Если можешь, советую подписаться, будет во всяком случае, передовой худож. журнал в России (Весы и Руно прекращаются), несмотря на пестроту сотрудников— в роде „Мира Искусства". Там встретишь все „имена".

Чествование Аничкова мы отложили. Завтра придется „чествовать" Маковского у Пивато (4), (по пов. выхода 1 № „Аполлона").

Завел я еще сношения с Ясинским (5) и Нов. журн. для всех. Отовсюду получаю деньги. „Речь" ты читаешь. Относятся ко мне, как к знаменитости установленной. Написал я длиннейшую автобиографию в благотв. сборник издаваемый Фидлером. Когда выйдет, тебе будет интересно прочесть—многое о тебе.

В Киеве вышел IV том „Чтеца-Декламатора", где перепечатано (с ист. бесстыдством) 13 моих стихотв. с портретом.

Сезон начинается с „юбилеев". С Мережковскими—тихо. Однако, я был у них еще раз, и более приятно.

Стихов пока нет, но замышляю.

То, что ты лечишься, очень хорошо. О ревельской санатории, конечно, нечего думать. Ты всетаки, когда можешь, пиши мне хоть два слова

на открытке, потому что я начинаю всегда беспокоиться, когда не получаю писем.

Присылают массу книг—для отзыва и honoris causa (6). Бывают хорошие (Горького о землетрясении). С Городецким я так и не встречаюсь. Был Женя, операция М. П. (7) благополучно прошла.

Целую.

Саша.

232.

ЕИ ЖЕ.

28 X (1).

Мама, я сижу простуженный дома со вчерашнего дня. Люба сейчас на генер. репет. „Тристана". Все эти дни было суетливо и много народу. В воскрес. чествовали „Аполлон" у Пивато—было довольно трезво и весело, говорили хорошие речи и хорошие стихи. В понед. собиралась наша „Академия" (2)—доклад делал Вяч. Иванов, а потом разбирали плохие стихи. Вчера приходили к нам Ясинский со своей секретаршей, Чулков и Веригина. Так целые дни проходят. Кроме того, ходят студенты приглашать на вечера и получают отказы. Пришла одесская . . . . и умоляла прочесть лекцию в Одессе, суля за один вечер 250—400 руб. и уверяя, что в Одессе очень популярны только Мережковский и я. Я и от этого отказался. Приходится согласиться только участвовать на вечере по пов. 50-тилетия Литерат. Фонда 15 ноября в зале Тенишева. Буду там читать стихи Майкова (вероятно, из „Трех смертей").

1 № „Аполлона"—плох. Посмотрим, что будет дальше Анненский—царскосельский. Благовещ. и Успение (3), я думаю, можно напечатать.

Тетин адрес: Екатерин. канал 128, кв. 22.

Целую. Пиши.

Саша.

233.

ЕИ ЖЕ.

2 XI (1).

Мама, я понемногу поправляюсь. Вчера был доктор Белоголовый и сказал, что еще 4—5 дней придется просидеть дома. Это—скорбут (легкая форма цынги); опухоли на губах, деснах и гландах спадают. Жар еще есть небольшой, сегодня утром—37,1. Главное, неприятно, что трудно есть и по ночам высыхает мазь. Зубы перестают ныть тоже, как только поправлюсь, сейчас же буду лечить их.

Вчера у нас были Аничковы с визитом. Чулков принес шахматы. „Весы" кончаются и меня просят 1 стих. в последний № (там будет по одному стих. всех сотрудников-основателей). Сегодня позвали меня в московскую газету Утро России (вновь возобновляется). Это—самая большая и богатая русская газета с огромными гонорарами. Буду писать там.

Настроение кислое, потому больше не пишу.

Целую.

Саша.

Получила ли ты 1 № Аполлона? И Любино письмо?

234.

ЕЙ ЖЕ.

4 ноября (1).

Мама, вовсе я от тебя не скрывал ничего. Доктор сказал, что это скорбут только в воскресенье. Губы поправляются, хотя и медленно, гланды уже почти вернулись на место, десны тоже лучше. Сегодня утром жару уже не было (36,7). Я думаю доктора больше не звать. Предположение об итал. лихор. мало вероятно. Доктор говорит, что это—от мясной пищи. Я буду есть меньше мяса и много овощей, которые Люба уже купила. Действит., я питался посл. время почти исключит. мясом. Так что, все хорошо, а ты не беспокойся.

При Ниве прилагается полное собр. соч. Гамсуна. Я переведу неск. мелких рассказов (с немецкого) и получу 50 р. за лист.

Чулков принес шахматы и шашки в подарок, и мы с Любой каждый день играем.

Сидеть дома довольно томительно и не во время.

Я почти ничего еще не делаю, трудно приняться. Но на днях, надеюсь, примусь.

Целую.

Саша.

P. S. Десны я мажу миррой, а губы—[солицил.] борным вазелином и „лаином“, рот полощу дубовой корой и борн. кислотой. Гланды мажу иодом и делаю компресс.

235.

ЕЙ ЖЕ.

10 ноября (1).

Мама, посылаю тебе Песнь Ада (2), но непременно верни мне ее, а то невозможно переписывать столько. Я думаю, что тебе она не понравится, как и мне нравится ограничительно, так что ты и для себя переписывать не станешь.

Я поправляюсь медленно, все еще температура повышается, хотя мало. Губа проходит, десны больше не болят. М. б., позовем еще доктора. Я начинаю думать, что м. б. тут не без итал. лихорадки. Но, что бы ни было, всякая болезнь в проклятом Петербурге естественна и разростается в неопределенные „инфлуэнцы“, лечить которые, как следует, нельзя.

Во всяк. случае, я уже третью неделю сижу безвыходно дома, и часто это страшно угнетает меня. Единств. „утешение“—всеобщий ужас, который господствует везде, куда ни взглянешь. Все люди, живущие в России, ведут ее и себя к погибели. Теперь окончательно и несомненно в России водворился „прочный порядок“, заключающийся в том, что руки и ноги жителей России связаны крепко—у каждого в отдельности и у всех вместе. Каждое активное движение (в сфере какой бы то ни было) ведет лишь к тому, чтобы причинить боль соседу, связанному точно также, как я. Таковы условия общественной, государственной и личной жизни. Советую тебе, не забывая о своей болезни, всегда, однако, принимать во внимание, что ты находишься в положении не лучшем и не худшем, чем все осталь-

ные сознательные люди, живущие в России. Потому, чувствовать себя сносно можно только в периоды забвения об окружающем. На Ревель особенно жаловаться нечего, эта яма не поганее других. Все одинаково смрадно, грязно и душно,—как всегда было в России: истории, искусства, событий и прочего, что и создает единственный фундамент для всякой жизни, здесь почти не было. Не удивительно, что и жизни нет.

Я пока ничего не делаю и много сплю. Спать приятно. Играю в шашки и шахматы, разговариваю и молчу. То и другое бывает сносно.

Для того, чтобы забывать о том жалком состоянии, в кот. находишься ты, я и все остальные жители России, нужно иметь одну „подкожную“ идею, или мечту, которая протекает вместе с кровью то спокойно, то бурно, то в сознании, то подсознательно. Такой ты обладаешь, и я тоже, следовательно еще можно жить.

Целую.

Саша.

Песнь Ада пришли поскорей, у меня могут ее взять на днях.

236.

ЕЙ ЖЕ.

12 XI (1).

Мама, Люба написала вчера доктору Белоголовому. Он придет, надеюсь, сегодня. Губа у меня проходит, но температура все еще держится. Дома сидеть надоело, боюсь совсем закиснуть. Третьего дня ночью отчаянно болел зуб.

Люба сшила себе гороховое платье отороченное рыбьим мехом. *Очень хорошее, и Саше нравится.* (2) (Не очень то).

Вчера опять пришел Философов, обедал и сидел весь вечер. Принес мне в подарок массу итальянских фотографий. С ним очень приятно проводить время. Я все время наклеиваю свои фотографии—почти все готово.

Напиши и пришли Песнь Ада.

Целую. Саша.

237.

ЕЙ ЖЕ.

12 XI (1).

Мама, я тебе сегодня послал письмо и получил твое с Песнью Ада. Очень рад, что она тебе понравилась. Любе тоже нравится, а Чулкову—нет (это—часто хороший признак). В ней есть нечто от старинных культур и от Данта и т. д.—т. е., от священного прошлого, к которому „демократы“ известного типа глухи.

Я пишу итал. фельетоны.

Сейчас получил письмо от Маковского; кажется, Рерих хочет иллюстрировать мои итал. стихи.

Сегодня был доктор, нашел, что я совсем поправляюсь и позволил гулять. Я сейчас же погулял, и мне стало очень приятно. Здесь уже наступила мягкая зима, все едут на санях, трамваи звенят и снег идет.

Теперь мне нужно только ·оконч. залечить губу и две слабо припухшие гланды—иодом, и тогда я буду выходить, как следует. Хину принимаю. Доктор смотрел селезенку и нашел, что она совершенно нормальна, так что лихорадки нет. Как только поправлюсь, вылечу все больные зубы, один, вероятно, придется вырвать.

Целую.

Саша.

Умершие вероятно сейчас же опять воскресают в других, и все начинается сначала. Так что спасение не в смерти, даже и непостыдной. Надо, повидимому, переростать самого себя, это и есть закон мирового движения.

О Шахматове совсем не думаю.

238.

ЕЙ ЖЕ.

17—18 ноября
ночь (1).

Мама, вчерашний и сегодняшний день я провел очень приятно. Вчера получил в подарок от Любы „Культуру Итал. Возрождения“—Буркхардта, а от тети—цветы. За обедом была утка и тетя обедала. Сегодня почтальон два раза приносил деньги от тебя (за которые очень благодарю, но боюсь что это тебе трудно—так много, не знаю еще, что на них купить, верно, книгу), но не заставал меня. Я с 4-х до 9-ти сидел у Мережковских, обедал у них и проводил время в приятных разговорах. После вечернего чаю по-

шел к концу Тристана в Мар. театр и слушал из-за дверей. С каждым разом это меня волнует все более, музыка вещь самая влиятельная и опасная, ее влияние даром не проходит. Теперь недавно вернулся оттуда. Сегодня весь день—веселая метель.

Последние дни, в противоположность времени болезни, я не могу заснуть бог знает до какого часа. Ночью страшно напрягается память, сообразительность и голова, и это совсем разгоняет сон—часов до 4-х. От этого встаем поздно, в 1-м и во 2-м часу.

Два письма твои получил.

Пойду к Козловскому (2), хотя думал к Федорову (3). Как ты думаешь, к кому лучше?

Я пишу по немногу итал. фельетоны. Италия XV века стала для меня привычной областью жизни.

Как тебе нравится это стихотворение? Мне и Любе нравится.

Напиши.

Целую. Саша.

Франц. ждем.

———

Приложено стихотворение:

„Поздней осенью из гавани“ (4).

239.

ЕЙ ЖЕ.

19 XI 09.

Мама, и вчера и сегодня я получаю все время известия об отце. Он безнадежно болен и ве-

роятно умрет через несколько недель. У него чахотка и сердечная болезнь с отеком ног, так что ему трудно дышать. Лежит он в больнице в Варшаве. Об этом написал мне Спекторский сегодня, а вчера Мар. Тимоф. Блок, у которой я были которая сегодня уедет в Варшаву.

О чахотке он не знает и страшно мнителен, так что ему не говорят. К нему почти никого не пускают. Может статься, что я поеду в Варшаву, но не теперь а позже.

Летом у А. Л. (1) был сухой плеврит, после которого он сам лег в больницу.

Моя сестра (2), с которой я говорил, такая же, какой была десяти лет. Маленькая с черными глазами, очень скромная. Марья Тимоф. совсем без лица, печальная, серьезная и какая то пришибленная. На улице я их обеих едва ли бы узнал. Они живут в огромной полковничьей квартире Изм. полка.

На Пасхе А. Л. понравился нам с Любой совершенно особенно, очевидно, именно потому, что в нем уже была смерть, и он понимал многое, чего живые не понимают. Я думаю, он находится уже давно на той ступени духовного развития, на которой доступно отдалять и приближать смерть. Вероятно, он и не хочет особенно жить по существу, хотя внешне „мнителен" и сопротивляется.

Сегодня вечером я пойду в мастерскую Головина, расположенную на потолке Мариинского театра. Внизу Шаляпин будет петь „Фауста", а [мы] наверху Головин будет рисовать группу девяти сотрудников „Аполлона" (Маковский, Вяч. Ив., Анненский, я, Волошин и еще не знаю, кто) (3).

Письмо от М. Т. (4) я прочитал, как только ушел Франц., с которым я встретился только на лестнице. Напиши, что доктор сказал о его легких.

Если бы ты видела мой костюм, галстух, манжеты и прочее, то пришла бы в восторг от элегантности. Вчера был в „Академии", было скучновато и противно.

Целую.

Саша.

240.

ЕИ ЖЕ.

23 XI (1).

Мама, вчера я получил твое письмо, а сейчас (утром)—второе от Спекторского. Он пишет, что на выздоровление отца уже нет никакой надежды и доктор считает свою помощь совершенно бесполезной.

Свой отъезд в Варшаву я как то еще внутренно не решил и склонен его откладывать. М. б., ведь, это и вовсе неприятно ему? С другой стороны, если я приеду, он уж несомненно поймет, что умирает, а это повидимому (по письму Спекторского) от него скрывают из за „мнительности". Вяч. Иванов, который был у нас, советует непременно ехать, но я вдруг не совсем поверил ему в этом. Очень мож. быть, впрочем, что все это—напрасные сомнения. Однако, я сомневаюсь также и в том, писать тебе А. Л., или не писать. Положим, что все люди перед смертью меняются или, как говорит Люба, „становятся одинаковыми".

Спекторский в прошлом письме просил писать по прежнему адресу (Кошиковая 29), так как письмо перешлют, а не по адресу больницы („Дом Здравия“ д-ра Добрского, Аллея Роз, № 10).

———

В Атлантическом океане и на материке Европы прошел циклон, как ты, вероятно, читала. У нас он отразился оттепелью, а на мне—бессонницей и дурными снами.

Я все время на людях. В мастерской Головина удивительно хорошо, и „Фауст“ с Шаляпиным и, особенно, Кузнецовой—очень приятен. Было и еще много посещений моих и ко мне. Женя поправляется от ангины и сидит дома неделю. Вчера мы с Любой обедали у Аничковых с Сологубами и Чулковыми. После закусок, вина, ликеров, обеда простого „по парижски“, автографов Ан. Франса, гравюр Пиранези, мебели XVI и XVIII века, [и т. д., Аничков читал нам] bon mots (2) произносимых Iwan'ом Strannik'ом, и т. д., Аничков читал нам свой роман—приятный роман. Вечер вообще провели хорошо и Люба особенно довольна.

Сегодня лекция Вяч. Иванова, завтра—рел. фил. собр. и собрание нашей „Академии“ (на выбор), а в среду—собрание у Дризена (3). Вообще, литераторы „опростились“—обедают, шьют смокинги, делают визиты, отвечают на них и вычисляют свои родословные, у кого есть хоть плохенькая. Это, разумеется, касается символистов, а реалисты, по прежнему, [кладут] засовывают пятерню в нос, корчатся у железных врат и хлещут водку.—

На прилагаемое письмо, пришедшее вчера из Клина, отвечать, по моему, не надо, или—ответить, что заключать договор об аренде мы можем только лично и со знакомыми людьми, так что—отложить до весны. Письмо мне перешли, я присоединю его к бумагам. Еще Муся (4), которая сейчас сидит у нас, передает, что страшно просится или в работники или в арендаторы латыш из Покровского, имеющий массу рекомендаций. Все это, во всяк. случ., приходится отложить до ранней весны.—

Целую. Саша. Вот еще стихи:

„Вновь оснеженные колонны“ (5).

P. S. Конечно, „Аполлон“, пока, мерзость, хотя я не во всем с тобой согласен. Анненский на этот раз действит. до противности вульгарен. Будем надеяться, что все к лучшему.—Зачем ты смотришь „Анатэму“? Боюсь, что эта гадость (кот. я не читал), тебя расстроит.

241.

ЕЙ ЖЕ.

29 XI 09.

Мама, на этот раз пишу тебе коротко, потому что устал. Лучшее, что было за эти дни—обед, который мы устроили Аничкову. Хотя люди собрались не слишком подходящие, ссорящиеся и ссорившиеся, однако была минута очень трогательная, и притом, по настоящему, а не по случаю выпивки, которой тоже было много. Это было 27-ого, а 28-ого я встал в 6 час. дня. Оттого сегодня и чувствую себя усталым. Утром мы были

с Любой в Эрмитаже, а вечером я пойду на совещание новой секции рел. фил. общ., где встречусь, кроме Мережковских, вероятно с Женей и Ге.

Я не могу относиться к Л. Андрееву так, как ты, потому что иначе люблю искусство, или, может быть, больше тебя его люблю. Оно очень жестоко, „хлеба" в нем искать нечего. Это—старые российские заблуждения—об „идейности", „хлебности" и т. д. Оттого, Л. Андреев и т. п.,—выдающие себя за художников и подражающие художественным методам,—меня все более злят. Впрочем, Анафемы я и не читал, да едва ли и буду—не хочу. Когда хочешь хлеба, в искусстве его не найдешь, иначе все было бы гораздо проще и легче. Думаю, что тебе от смешения искусства с другим трудно отделаться, но надо же!

Целую. Саша.

242.

ЕЙ ЖЕ.

30 XI (1).

Мама, сегодня вечером, если достану билет, уезжаю в Варшаву. Утром пришло письмо от Марьи Тимоф. о том, что А. Л. уже больше бредит, чем говорит сознательно, и доктор говорит, что его минуты сочтены. Письмо написано 28-ого.

Я сейчас от дантиста, который сказал, что мои зубы вовсе не в таком плохом виде, как я думаю. Правый нижний единств. зуб (болящий) он

вылечит и запломбирует, а пока убил в нем нерв. Левый (тоже единств.) придется вырвать и на его место вставить три! Из верхних нужно запломбировать только два. Всем этим я займусь, когда вернусь из Варшавы. Дантист очень симпатичный, чистый и боли не причиняет—немец Миттенс—он лечил Любу весной, живет на углу Невского и Морской.

Ну вот все пока.

Целую.

Саша.

243.

ЕЙ ЖЕ.

Варшава 1 XII 09.

Мама, я приехал сегодня вечером и уже не застал отца в живых. Он умер в 5 час. дня. Он мне очень нравится: лицо спокойное, тонкое и бледное. Умирал он тихо, только физически было трудно—от одышки. Всякие мои впечатления я расскажу тебе после. Сейчас ночь, завтра утром—вынос, а похороны только в пятницу. Останусь я здесь мож. быть и дольше — разбирать квартиру и дела. Ты мне напиши: „Венская гостинница" (Маршалковская 102), комн. 58 (хорошо и чисто). Ехать было как то ужасно тяжело и одиноко, а теперь—гораздо легче.

Ну, Господь с тобой.

Буду спать.

Целую.

244.

ЕЙ ЖЕ (1).

4 XII 09.

Мама, сегодня были похороны, торжественные, как и панихиды. Из всего, что я здесь вижу и через посредство десятков людей, с которыми непрестанно разговариваю, для меня выясняется внутреннее обличье отца—во многом совсем по новому. Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры. Чувствую нежность к Спекторскому, который тоже впервые является как то по новому. Смерть, как всегда, многое объяснила, многое улучшила и многое лишнее вычеркнула.

Как ты? Пиши. Получила ли ты мое первое письмо? Разбор квартиры и дел задерживает меня здесь на неопределенное время. Все это я буду рассказывать тебе в Ревеле с подробностями. Приехать ли мне в Ревель на Рождестве?

Я страшно утомлен физически, а нравственно мне лучше, чем осенью в Петербурге. Пока это отчасти—сильное нервное возбуждение.

Ну, господь с тобой. Напиши поскорее. Целую крепко.

Саша.

245.

ЕЙ ЖЕ.

Варшава 9 XII 09.

Мама, сегодня пришло твое первое письмо. Ты пишешь, что опять чувствуешь себя плохо. Я приеду к тебе в Ревель на Рождестве и буду

рассказывать много интересных вещей, а также привезу тебе груду твоих писем, карточек, часть платья и несколько вещей. Писем я, разумеется, не читал, думаю, что тебе это будет неприятно. Все это пока не разобрано и лежит в моем чемодане.—Я все время узнаю очень много об отце и нахожу его очень интересным, цельным и даже сильным человеком. Моя сестра и ее мать мне очень симпатичны, так что я даже сблизился с ними. Сестра интересная и оригинальная и чистая, у нас много общих черт (напр.,—„ирония“), но в чем то очень существенном—коренная разница, кажется, в том, что она—не мятежна; ее мать бесконечно добра, усталая и „безответная“, но с характером. Привезу тебе и их карточки. Мне было бы интересно не только продолжать знакомство с ними, но познакомить с ними и тебя и Любу. Не знаю, впрочем, захотят ли они, да и вы. Я часто бываю и обедаю у здешних молодых Беляевых, страшно типичных военных людей и, к удивлению, это меня не только не тяготит, а наоборот. Чувствую себя больш. частью молодым, веду часами разговоры о батарейном празднике и о собаке, вывезенной из Китая,—мило и любезно. Считаюсь светским. Впрочем, меня также часто интервьюируют и относятся ко мне, как к человеку, хотя и „со странностями“, но знаменитому. Также и профессора (за искл. Спекторского), от которых разумеется „пахнет парным молоком“ (1). Похороны были на клад. „Воля“, из родств. были Петр Львович (2) и „авг. Мейнандер“ (3). Студенты пели. Гостинница моя далеко от Саксонского сада. Варшава мне не очень нравится.—Денег у меня очень много, но ты этого пока не рассказывай.

Во всяком случае, я уже предпринял нечто, что ликвидирует прежде всего Шахматовский вопрос. Подумываю и о загранице. Хочу менять квартиру сейчас же. Здесь придется пробыть еще не менее недели. Пиши еще.

Целую.

Саша.

246.

ЕЙ ЖЕ.

11/24 Grudzień 1909 (1).

Мама, я уже начинал сегодня беспокоиться, как получил твое письмо. Сейчас—рождеств. сочельник, это заметно. Мне придется пробыть здесь еще неделю от сегодняшнего дня (minimum). Потому напиши мне еще. Я перешел сейчас в лучшую комнату (№ 47).

В Ревель приеду на Рождестве. Письма твои лучше привезу тебе, я думаю, тебе будет интересно. — Кроме отправки и укладки вещей, мне предстоит несколько дел и визитов. Католич. Рождество все остановило на три дня.

Господь с тобой.

247.

ЕЙ ЖЕ (1).

16 декабря 1909.

Мама, я уеду из Варшавы в пятницу утром, в субботу буду в Пб. И слава богу, уж пора.

Целую. Саша.

248.

ЕЙ ЖЕ.

21 XII 09.

Мама, я приехал из Варшавы третьего дня утром с бронхитом и вчера даже лежал, оттого и не написал тебе. Сегодня уже температура 36,6°, и я встал, но кашляю, надо будет высидеть дома, что меня даже устраивает, потомучто, по правде сказать, здесь я не имею особенного желания видеть кого либо, кроме Жени. И от литераторов и от „литературы“ я очень отбился за эту зиму, а теперь, кроме того, очень устал от новых впечатлений и хочу их переварить в одиночестве. В Ревель (т. е., не в Ревель, а к вам) очень хотим приехать мы оба; хотели на Рождестве, но теперь не знаю, как будет с бронхитом, лучше не выходить, пока совсем не пройдет. Я читал твое письмо к Любе. Лучше ли тебе? Я думаю, что подействую на тебя хорошо, если приеду. Мне самому теперь легче, чем осенью. Напиши мне поскорее.

Целую.

Саша.

249.

ЕЙ ЖЕ.

22 XII 09
вечером

Мама, я получил вчера и сегодня письма от Францика, сегодня более успокоительное о тебе. Я очень хочу приехать в Ревель, как только по-

правлюсь окончательно от бронхита. Жару нет уже второй день, но еще слегка кашляю, завтра думаю, что выйду погулять.—Всего мне неприятнее, что ты беспокоишься о том, что плохо повлияешь на меня; я хочу и надеюсь, напротив, влиять успокоительно на тебя. У нас с Любой есть уже план, который я расскажу тебе, когда приеду. Перед приездом, если хочешь, пришлю телеграмму—днем, накануне. Как тебе скверно, я чувствую и понимаю прекрасно; причину этого, по прежнему, понимаю не в целом, но склонен огромную часть, по прежнему, приписывать Ревелю и людям; даже этот Вейс (1) со своими новыми средствами и меланхолией оказывается доморощенной немецкой скотиной.

Поверь мне, пока на слово, что все это поправимо. Я бы хотел приехать как можно скорее, чтобы рассказать тебе наши проэкты, а также мои Варшавские впечатления, Шахматовские планы, и пр. и пр.—Пока только отписываюсь от горы писем, которые лежат на столе и просматриваю книги и журналы—новые и старые. Вчера вечером был уже Женя. А я в бодром настроении духа. Целую тебя крепко—и Францика за письма, которые мне очень нужны за неимением твоих. Ты не пиши, если трудно. Господь с тобой.

Саша.

Четвертого дня вечером была тетя, довольно усталая. Здесь настоящая Рождеств. зима, а в Варшаве льет дождь—оттого и кашель.

250.

ЕЙ ЖЕ.

23 XII 09

Мама, сегодня пришли твои два письма из Варшавы, которые мне очень много говорят. Прежде всего, что твоя болезнь в огромной степени—физическая. Все это—переход. Письма—от 13-ого и 15-ого—и при этом удивительно разные. В сущности, я очень рад, что не получил их в Варшаве, там бы я стал беспокоиться еще более, чем беспокоился там в последние дни, именно тогда, когда тебе было всего сквернее.

Ты спрашиваешь, как мы делились? (1)—Поровну, и вышло очень много. Все это я тебе расскажу. Они (2) хотят с тобой познакомиться.—Кашель мой проходит, но я все еще не выхожу, чтобы окончательно поправиться к приезду в Ревель. Не знаю, как тебе лучше, чтобы ехали—мы с Любой, или я один?

Пока писать больше нечего, господь с тобой, отдохни. Целую крепко тебя. Саша.

251.

ЕЙ ЖЕ.

Мама, сейчас пришло письмо от Франц. с известием, что тебе лучше, но что у тебя физическая слабость. Этого следовало ожидать, и во всяком случае это лучше, чем другое.—Вчера я не написал ничего, потому что в сущности решительно не о чем писать. Мой кашель стал более сырой, завтра, если мороз будет меньше, я погуляю. У

нас стоит елка, пахнет гусем. Вчера утром была тетя, а днем—Марья Тимофеевна. Х. обнищал совсем, я ему послал через тетю 100 р. и он принял их, не обидившись. Люба сейчас у Анны Ивановны (1), в новом черном платьи. У нее очень хорошая новая шуба со скунсом и шапка, переделанная из моей. Дворники поздравляют, все, как полагается. Мне несколько тоскливо и одиноко, ничего не пишется и плохо читается, слишком много было впечатлений в Варшаве и надоело сидеть дома. У меня в столе груды карточек твоих и отца, мне особенно нравится одна твоя. Все твои письма и сочинения завернуты и спрятаны, я их тебе покажу, когда ты приедешь. Разбираю свои бумаги, письма и стихи, и не знаю, что предпринять в ближайшем будущем. Мои вещи из Варшавы еще не пришли. Не знаю, помнишь ли ты их: это (кроме большого ящика с книгами и мелочами—между пр. серебро—и твое—, кольцо с аметистом)—огромный диван красного дерева со шкапами и полками и огромный письменный стол—ореховый. Ну, вот. Как же приехать—мне одному, или нам вместе? Целую тебя крепко, Господь с тобой. Целую Францика и благодарю за письма очень.

Саша..

25 декабря 1909.

252.

ЕИ ЖЕ.

26 XII 09.

Мама, я сейчас выйду погулять. Погода мягкая, идет снег. Кашляю меньше.

Какая дрянь—„Аполлон"! Очень жалею, что заставил тебя подписаться.

Пришли предпоследние „Весы". Там есть и мои стихи (Из хрустального тумана). „Серебряный Голубь" (1)—еще замечательней, чем в прежних №№.

Целую тебя, господь с тобой.

Саша.

Сейчас пришло твое письмо, наконец. Прежде всего, **н е в з д у м а й** ни за что быть на елке и встречать Новый Год в полку—это окончательно будет некстати и вредно (2). Я думаю, мы встретим его вместе. Мне очень хотелось бы изложить наш проэкт, но в письме не выйдет так, как на словах, поэтому—откладываю. До отъезда пойду еще в ванну, я совсем опаршивел, месяц, как не мылся.—Целую крепко тебя и Франц.

Саша.

И Люба напишет.

253.

ЕЙ ЖЕ.

27 XII 09.

Мама, сегодня я гулял второй раз, а сейчас вышел из ванны. Если завтра простуда не будет хуже, значит, я могу ехать. Сегодня пришло письмо от Франц., мы так и хотели сделать и сделаем, как он пишет. А именно: я приеду или 29-ого, или 30-ого утром (в Ревель)—в день отъезда накануне телеграфирую,—а Люба приедет 31-ого утром. Тогда мы будем вместе встречать Новый Год, что нам обоим очень хочется. Прошлые года встречать здесь было тяжело и скверно,

авось — этот будет лучше.—Сегодня была тетя, которая тоже возмутилась твоим планом быть 31-ого в полку. Разумеется, об этом нечего и думать. Я ношу фуфайку и буду носить до лета, так менее простудно. Целую крепко тебя и Франц., господь с тобой.

Саша.

Больше писать не буду, кроме телеграммы.

254.

ЕЙ ЖЕ.

28 XII 09.

Мама, сейчас я получил твое письмо. Я еду завтра вечером (если только будет билет, выдают теперь только на вокзале) и, значит, буду в Ревеле 30-ого утром, в 10 часов. Люба на следующий день.

У нас — оттепель, я уже выхожу, делаю покупки, заказал новый сюртук. Планы, действительно, решительные, мы обо всем этом поговорим, по моему так будет, все таки, лучше всего.

Слава богу, что тебе несколько лучше. Новый Год встретим все вместе. Телеграфировать уж не буду. Целую крепко вас обоих, господь с тобой.

Саша.

Очень хорошо, если ты приедешь на вокзал, только как бы ты от этого не устала. Может быть, лучше не приезжать?

Людей бы лучше избегать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. Н. БЕКЕТОВУ.

1. Написано деду Андрею Николаевичу Бекетову в 1890 г. из имения его брата Алексея Николаевича Бекетова—„Урлейка“ Саратовской губ., куда девятилетний Блок ездил гостить с матерью и отчимом.

2. Шахматово—имение Бекетовых Московской губ. Клинского уезда ст. Подсолнечная Ник. ж. д.

3. „Буля“—Виктор Недзвецкий, троюродный брат Блока.

4. Дедушка—Бекетов, Алексей Николаевич.

5. Последние слова на обороте письма.

2. ЕМУ ЖЕ.

1. Написано в 1891 г. (в 10 лет) из имения Шахматово.

2. „Феролька“—Феликс Кублицкий-Пиоттух, двоюродный брат Блока.

3. Тетя Софа—София Андреевна Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова).

4. „Андрюшенок“ — Андрей Кублицкий-Пиоттух, брат Феликса К.-П.

5. Слово „шестом“ написано рукою матери над зачеркнутым „первом“.

3. Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

1. Бекетова, Елизавета Григорьевна, бабушка Блока (1836—1902), дочь выдающегося ученого Г. С. Карелина, изв. переводчица.

2. Мать Ал. Блока—Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух, по первому мужу Блок, урожденная Бекетова, дочь известного ученого и общественного деятеля Андр. Ник. Бекетова. Родилась в 1860-м году,

6/III ст. ст., умерла в 1923-м году, 25/II нов. ст. Переводчица. Печатала переводы романов и стихов французских писателей и детские стихи своего сочинения.

3. Тетя Феля—Фелиция Феликсовна Лозинская (по второму мужу Бражникова) сестра отчима Блока.

4. Францик—Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух, отчим Блока. Военный. Служил при старом режиме в гвардии (гренадерский полк), продолжал служить при Временном и Советском Правительстве, сначала в армии, потом в двух советских учреждениях по военному ведомству. Женился в 1890-м году, умер в 1920-м году.

5. „Милорд"—собака.

4. МАТЕРИ.

1. Следующие пять писем написаны летом 1892 г. из Шахматова к матери в Петербург, куда она ездила ухаживать за больным мужем. Относя два письма (6-е и 7-е), не имеющие дат, к 1892 г., мы руководствуемся однородностью почерка, общностью содержания и упоминанием в 7-м письме о III классе, в котором Блок учился во время сезона 1891—92.

2. Дядя Адысь — Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух, брат отчима Блока, муж Софии Андреевны Бекетовой (тети Софы), отец Фероля и Андрея.

3. Тетя Маня—Мария Андреевна Бекетова, сестра матери Блока, переводчица, автор книг о Блоке.

4. Федор—старший работник (приказчик), исполнявший обязанности кучера.

5. ЕЙ ЖЕ.

1. „Колдобина"—болотистая впадина в полуверсте от Шахматовской усадьбы, расположенная у дороги около леса; за нею дорога, спускавшаяся с холма, на котором расположено Шахматово, вновь поднимается вверх по широкому полю. Отсюда еще долго можно было видеть экипаж, въезжающий в гору и сворачивающий налево в сторону ст. Подсолнечной.

2. Обозначение одного из мест прогулок, где, на холме посреди поляны, в еловом лесу, стояла высокая елка со скамейкой; отсюда открывался вид на Шахматовскую усадьбу.

3. Роща по близости от дома, где было много орешника.

4. Письмо, которое было написано матерью на ст. Подсолнечной, перед отъездом в Петербург и послано в Шахматово с кучером.

6. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо не имеет даты. Судя по содержанию, оно написано вскоре после 14-го июня.

2. Орлов, Ив. Ив.—земский врач Подсолнечной больницы.

3. Дети доктора Орлова и их гости.

7. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо написано незадолго до 22 июня, на что указывает дата следующего письма.

2. Тетя Саша и тетя Наташа—Александра Мих. Марконет и Наталия Мих. Дементьева, урожд. Коваленские (племянницы Ел. Гр. Бекетовой).

3. Предыдущую зиму Блок страдал расстройством пищеварения и долго сидел на диэте, этим и объясняются заботы матери и радость Блока по поводу того, что ему в первый раз дали ягоды.

4. Катюля — Екатерина Андреевна Бекетова (по мужу Краснова), тетка Блока (род. 1855 - ум. 4 мая 1892 г.). Писательница, переводчица. Сборник ее стихотворений издан в 1894 г.

8. ЕЙ ЖЕ.

1. Семеновское—имение в пяти верстах от Шахматова, служившие только местом прогулок, так как с семьею помещика (Шидловского) не были знакомы.

2. Яркино - село в нескольких верстах от Шахматова, тоже служившее местом прогулок.

3. Фраза; „Подошла к окошку" и т. д. вероятно приписана по окончании письма внизу 2-й страницы, где осталось свободное место.

4. Дядя Платон — Платон Николаевич Краснов, муж Екат. Андреевны, небезызвестный литератор, печатавший критические статьи в „Неделе“ и переводы преимущественно новых французских поэтов.

5. Детки—Фероль и Андрюша.

6. Условная фраза, которой Блок ежедневно сообщал матери о действии своего желудка.

9. Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

1. Подарок предназначался дедушке или ко дню рождения (26 ноября) или ко дню именин (30 ноября)

2. Автор книги — Каразин.

3. Автор книги — Луиза Олькотт.

4. Коля и Ася — Лозинские, племянники отчима Блока.

5. Приводимые стихи переделаны Блоком из какого-то детского стихотворения.

10. ЕЙ ЖЕ.

1. Братья—Ферољь и Андрей Кублицкие-Пиоттух.

2. Догонять пришлось потому, что у Блока была в эту зиму корь.

3. Блок устроил у себя выставку из картинок, вырезанных из газет и журн. „Нивы“.

4. Здесь говорится о кошке Мухе.

12. ЕЙ ЖЕ.

1. „Родник“ - детский журнал.

2. „Приключения Финна“— Марка Твэна.

3. Подробное описание елки объясняется тем, что с этого года Е. Г. Бекетова перестала выходить из дому и нигде не бывала вследствие хронической болезни, которая продолжалась много лет и свела ее в могилу.

13. ЕЙ ЖЕ.

1. Астаховы—семья офицера Гренадерского полка.

2. Бринкены—тоже.

3. Грибовские — семья Вяч. Мих. Грибовского, прив.-доц. Петербургск. Университета, который будучи студентом, готовил Блока в гимназию.

14. ЕЙ ЖЕ.

1. Дядя Лука—Люциан Феликсович Кублицкий-Пиоттух, брат отчима Блока.

2. Левкеева — очень талантливая актриса на бытовые и комические роли Она играла в „Плодах Просвещения“.

3. В подлиннике было написано: „Давыдова“, потом зачеркнуты три последних слога и надписано сверху: „лматова“. В. П. Далматов — известный актер на роли резонеров, фатов и трагические („Смерть Иоанна Грозного“ и „Король Лир“). В „Плодах Просвещения“ он играл Вово.

4. Панчин — талантливый актер на роли простаков, играл Григория.

15. ЕЙ ЖЕ.

1. Евгений Осипович Романовский, друг семьи Бекетовых. Минеролог, знаток драгоценных камней. По матери родственник обширной семьи Бенуа (архитектор - Леонтий Бенуа, худ. Александр Бенуа и т. д.).

2. Тетя Липа—Олимпиада Николаевна Галанина (по мужу Гущина).

3. „Принц и Нищий“ — Марка Твэна.

16. ЕЙ ЖЕ.

1. Большой просп. Петербургской стороны.

2. Осип — деньщик отчима Блока.

3. Речь идет о переходе в V-й класс.

4. „Вестник“—рукописный, ежемесячный журнал, издавался Блоком с января 1894 г. Последний номер вышел в январе 1897 г. Всего было 37 номеров. Журнал писался рукою самого редактора-издателя, он же наклеивал иллюстрации, вырезанные из газет и журналов. Главными сотрудниками были бабушка и мать Блока, а из детей Ферољь Кублицкий-Пиоттух. В журнале была преимущественно беллетристика. Блок

помещал переводные и оригинальные произведения в стихах и прозе и много объявлений по большей части юмористического характера.

5. Костюнино - деревня в нескольких верстах от Шахматова.

17. ЕЙ ЖЕ.

1. Кучеров - товарищ Блока по классу.

2. Мальчик—лошадь, на которой Блок ездил верхом, та самая, о которой упоминается в его лирических стихах и в „Возмездии".

3. Диана и Стрелка—собаки Диана одна из любимейших собак Блока.

4. В то время в Шахматове рыли новый колодезь. Это была одна из многих неудачных попыток.

19. С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

1. Митропольский — домашний доктор матери и отчима Блока.

2. Феликс Кублицкий-Пиоттух считался заведующим беллетристическим отделом „Вестника" и у него был в то время штемпель, заказанный специально для „Вестника" и подаренный Блоку его матерью.

20. МАТЕРИ.

1. Бар. Пиляр - сослуживец Адама Феликс. Кублицкого-Пиоттух, занимавшего в то время важный пост в Удельн. Ведомстве.

2. Нижегородская (Всероссийская) Промышленная Выставка.

3. Голицын, Трубецкой и Мюрат — сослуживцы Адама Феликсовича по Удельн. Ведомству.

4. На этой выставке были представлены все русские вина, их подвергали экспертизе и лучшим сортам присуждали премию.

22. МАТЕРИ.

1. Это и два последующих письма написаны в Шахматово.

2. Суровцев—учитель русской словесности.

3. Предыдущим летом Блок сопровождал свою мать в курорт Наугейм, где она лечилась от болезни сердца. Там произошла встреча с К. М. С., которой посвящен цикл стихов I тома „Через двенадцать лет". Это была первая любовь Блока, и таким образом 1897 год можно считать переходным от отрочества к юношеству и весьма знаменательным в его жизни.

4 Фосс—один из ближайш. товарищ. по гимназии.

5. Гун, Ник. Фед.—любимый товарищ Блока по гимназии, покончивший самоубийством в студенческие годы. Ему посвящено стихотворение I тома Блока (1898 г.). „Ты много жил, я больше пел"... и в 1902 году: „На Волковом кладбище" („Удалены от мира на кладбище") см. А. Блок. Стихи 1898—1921 г., не вошедшие в собрания сочинений. Изд „Петроград". 1925 г.

6. Грановский—один из товарищей отчима по полку.

7. Шершов и Лавренович—солдаты роты Франца Феликс. Кублицкого-Пиоттух

8. Чехова—городская учительница.

9. Совещание, на котором обсуждались дела городских школ.

10. Книжный магазин в Гостинном дворе; „Аниськин мост"—Аничков мост в Ленинграде.

11. Братья Кучеровы, один из которых был товарищем Блока по классу.

12. Андреев — известная в то время булочная и кондитерская против Гостиного Двора.

13. Относится к матери.

14. Каламбур—вместо „Досви—дания".

23. ЕЙ ЖЕ.

1. Квартира Софии Андреевны Кублицкой-Пиоттух.

2. Гвардейское Экономическое О-во, помещавшееся сначала на Кирочной ул., потом на Б. Конюшенной.

3. Перев.: „Да здравствует Франция! Да здравствует Феликс Фор!" Это было время Франко-Русского сближения и приезда тогдашнего президента Фел. Фора.

4. Упоминание о Наугейме объясняется тем, что в предыдущее лето Блок впервые посетил этот город.

5. Блок уже в гимназии увлекался древними языками. Его перевод отрывка из „Энеиды“ Вергилия был удостоен почетного отзыва учителя латинск. языка.

6. Блок изучал в то время „Ромео и Юлию“ и любил декламировать монологи Ромео.

7. Босик—собака Бой.

8. Выражение „плебейская“ нужно понимать отнюдь не в смысле: демократическая, а скорее - буржуазная и пошлая, что можно видеть из последующего перечисления наблюдаемых в гимназии типов: купцов, хлыщей, забулдыг и пр.

24. ЕЙ ЖЕ.

1. Речь идет о ст. Подсолнечной, на которой мать Блока должна была сесть в вагон, чтобы вернуться в Петербург.

2. Фаршированная репа—одно из обычных блюд, подававшихся к завтраку в доме Кублицких-Пиоттух.

25. Е. Г. БЕКЕТОВОЙ.

1. Письмо написано на бумаге, приобретенной в Наугейме летом 1897 г. На первой странице Наугеймский вид с надписью: „Gruss aus Bad Nauheim“.

2. Кавычки и слово „мамою“ вместо „мамой“ — подражание манере говорить одного из близких знакомых.

3. Это стихотворение написано за тем же завтраком. Его название и содержание объясняется тем, что мать Блока переводила в то время стихотворение Бодлэра „Альбатрос“.

26. МАТЕРИ.

1. Написано на почтовой открытке без даты. Судя по штемпелю, в Петербурге получено 5 июня 1898 г., а написано вероятно 3-го или 4-го июня. Опущено на Нижегородском вокзале в Москве, куда Блок и его

товарищ Гун ездили праздновать окончание курса в гимназии.

2. Приписка рукою Н. Ф. Гуна.

27. ЕЙ ЖЕ.

1. Post-scriptum написан на 3-ей чистой странице вдоль.

28. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты, но, как следует из относящейся к нему приписки М. А. Бекетовой, оно послано из Дедова 4 июля 1898 г.

2. Дедово—имение А. Г. Коваленской (урожд. Карелиной, сестры Елиз. Гр. Бекетовой), где Блок гостил это лето с М. А. Бекетовой.

3. Маруся—внучка А. Г. Коваленской.

4. Дядя Коля—один из сыновей А. Г. Коваленской.

5. Трубицыно—имение Соф. Григ. Карелиной (сестры Елиз. Григ. Бекетовой), в 60-ти верстах от Шахматова.

6. Post-scriptum написан карандашом в конце письма, будто бы от имени М. А. Бекетовой. Просьба относится к поездке на предполагаемый спектакль в Дедове.

7. Фраза: „Я очень тебя благодарю...“ и т. д. написана карандашом сбоку письма через строки в начале первой страницы. Post-scriptum и приписка есть особый вид просьбы в шуточной форме, который Блок не раз пускал в ход, будучи заранее уверен в успехе.

29. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано в 1898 г. из Дедова в Шахматово.

2. Эльза—подруга Маруси по гимназии. Маруся ездила к своей подруге в имение Бедо́во, находившееся около Подсолнечной, и на обратном пути встретилась с Блоком. Усталость Блока объясняется отчасти тем, что дорога от Шахматова до Дедова была довольно сложна, и утомительна: приходилось ехать 18 верст до Подсолнечной по очень дурной дороге, потом 2 станции в поезде и еще 8 верст тоже по плохой проселочной дороге до Крюкова.

3. Из „Бориса Годунова". Блок играл роль „Самозванца".

4. Из „Иоанны Д'Арк" Шиллера. Блок играл роль „Дюнуа".

5. Сережа – Сергей Михайлович Соловьев, которому в то время было около 13 лет. Сцена из „Женитьбы" не была поставлена.

6. Соловьевы, Ольга Михайловна и Михаил Сергеевич—родители Серг. Мих.; Ольга Мих.—урожд. Коваленская (дочь А. Г. Коваленской). Мих. Серг.—брат философа Влад Соловьева. Оба имели большое значение в жизни Блока, что будет выяснено в позднейших письмах.

7. В Дедове жили обыкновенно все дети А. Г. Коваленской со своими семьями.

8. Тетя Оля—Ольга Мих. Соловьева.

30. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на почтовой открытке без даты. Судя по Петербургскому штемпелю, отправлено 24 авг. 1898 г.

2. Письмо написано из П—га, куда Блок уехал к началу университетских занятий.

31. ЕЙ ЖЕ.

1. Год не обозначен, но несомненно писано в 1898 г.

2. Паша—кухарка

3. M-lle Marie Kuhn — гувернантка двоюродных братьев Блока

4. Буля—Виктор Недзвецкий.

5. Коля Енишерлов—дальний родственник Блока.

6. Урлейка —имение Алекс. Ник. Бекетова.

32. ОТЦУ.

1. Отец поэта Александр Львович Блок (род. 20. X. 1852—ск 1. XII. 1908 г.), немец по отцу и русский по матери, получил высшее образование в Петербургск. Унив-те на Юридическом факультете. По окончании курса был оставлен при Унив-те у проф. Градовского. Вскоре получил кафедру госуд. права в Варшаве, которую занимал до конца своей жизни. Его брак с Ал. Андреевной состоялся в 1878 г. Это был человек очень талантливый, своеобразный и вообще замечательный, но после рождения сына (16 ноября 1880 г.), которое произошло в доме А. Н. Бекетова, Ал. Андр-ва принуждена была расстаться с мужем, опасаясь, что проявления его крайне тяжелого характера дурно отзовутся на сыне. Мальчик воспитывался в доме своего деда до 9-ти лет, а после этого в доме отчима, т. е. второго мужа матери, Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух. Отец виделся с ним, когда приезжал на рождественские и пасхальные каникулы, он посылал известную сумму на его воспитание и требовал, чтобы мать давала подробный отчет в этих деньгах. Ал. Андр-на переписывалась с ним, извещая о главных событиях жизни сына и о всех текущих тратах. После поступления в Унив-тет переписку с отцом взял на себя сам Блок.

Предлагаемые письма к Ал. Львовичу были найдены после его смерти сыном, когда он приезжал хоронить отца в Варшаву, и отданы на хранение матери.

2. Сергеевич В. И.—профессор русского права, автор „Русских Юридических древностей".

3. Петражицкий Л. И.—проф. энциклопедии и философии права, поляк.

4. Георгиевский П. И.—проф. политической экономии.

5. Ефимов В. В.—проф. римского права.

6. Качаловы – семья Ольги Льв. Качаловой (сестры А. Л. Блока). Блок был хорош с ее дочерью Ольгой и Софьей Николаевной.

7. Менделеевы – семья известного химика Дм. Ив. Менделеева, состоявшая из жены, двух сыновей и двух дочерей, старшая из которых, Люб. Дм., впоследствии вышла замуж за Блока.

33. ЕМУ ЖЕ.

1. В правом верхнем углу письма на первой странице есть пометка карандашом „1899" г., сделанная рукою Ал. Льв. Такие пометки встречаются и в дальнейших письмах Блока к отцу. Все они сделаны рукою Ал. Льв-ча.

2. Бабушка—Ариадна Ал. Блок, урожд. Черкасова, мать Ал. Льв-ча. После смерти мужа она поселилась в доме своей дочери О. Л. Качаловой

3. После цифры 400 поставлен карандашом вопросит. знак. Вероятно у Ал. Льв. возникло сомнение относительно точности этой цифры.

4 Коркунов, Н. М.—читал лекции по общей истории права и истории философии права.

5. Против числа 20/VIII есть карандашная пометка „сентября", означающая вероятно позднейшую поправку, так как судя по началу письма, оно вряд ли могло быть написано в августе.

34. ЕМУ ЖЕ.

1. Ивановский Игн. А. проф. государственного права.

2. Гардеры—родственники Ал. Льв-ча.

35. ЕМУ ЖЕ,

1. Петр Львович Блок—брат Ал. Льв-ча.

2. Александра Николаевна Блок—жена Петра Льв-ча.

3. Николай Николаевич Качалов—муж Ольги Львовны Блок.

36. ЕМУ ЖЕ.

1. Зал Павловой на Троицкой ул.—известная зала со сценой, сдававшаяся под концерты и спектакли. Упоминаемую роль (в какой-то переводной франц. пьесе) Блоку играть не пришлось, ему дали другую совершенно незначительную.

2. 8 февраля—день университетского акта.

37. ЕМУ ЖЕ.

1. Дядя Петя—Петр Львович Блок,

2. К 8-му февраля часто приурочивались студенческ. волнения.

38. С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

1. Софья Андреевна (тетя Софа) с мужем и сыновьями, жившая в Петербурге до 1900 г., уехала в этом году в Барнаул, где ее муж, Адам Феликсович, получил место Управляющего Алтайским округом.

2. Дидя—Андрей Ник. Бекетов, который с лета 1897 года был разбит параличом.

3. Иван—старший работник.

39. ОТЦУ.

1. Введенский, А. И.—известный проф. философии.

2. Перевод „Творений Платона" издан без обозначения имени Мих. Серг. Соловьева. Точное название книги: „Творения Платона. Перевод с греческого Владимира Соловьева. Изд. Солдатенкова. Москва 1890". В предисловии Вл. С. Соловьева оговорено участие брата в переводе: указано, что из семи диалогов—три, обозначенные звездочками, переведены М. С. Соловьевым.

40. С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

1. Каминская, Ольга Юрьевна—женщина-врач, лечившая Елиз. Гр. Бекетову, друг семьи. Упоминаемые трое детей—ее воспитанницы.

2. Евгений Осипович Романовский.

3. Железнова, Эмилия Никол.—дочь известного ботаника Н. И. Железнова.

4. Гущины—Борис Петрович, знаток библиотечного дела и библиотекарь Института Путей Сообщения в Ленинграде, и жена его Олимпиада Николаевна.

5. Хрусталева Екат. Евг.—дальняя родственница, молодая барышня, талантливая пианистка.

6. M-lle Marie Kuhn.

7. Гиппиус, Александр Вас.—товарищ Блока по университету, брат Владимира Васильевича и Василия Васильевича.

42. М. А. БЕКЕТОВОЙ.

1. „Тетя, тетя!" Начиная с юношеского возраста Ал. Блок называл свою тетку М. А. Бекетову „тетей" без обозначения имени.

2. Панченко. Сем. Викт.—композитор. В то время он состоял в переписке с М. А. Бекетовой.

3. Покровский, Ив. В.—композитор, ученик Панченко.

4. Шуточное стихотворение из этого письма опубликовано в книге: А. Блок—„Неизданные стихотворения 1897—1919 г.“, изд. „Жизнь Искусства“, Л. 1926.

43. ОТЦУ.

1. Пометка карандашом „1901 г.“

44. С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ.

1. Здесь упоминается об анонимном письме, посланном кем-то из крестьян соседней деревни, которое сильно расстроило Шахматовских обитателей. В этом письме были очень грубые ругательства и угрозы, написанные с очевидной целью напугать и не имевшие никаких последствий.

45. ЕЙ ЖЕ.

1. 17 сентября—день именин Софии Андр. Кублицкой-Пиоттух.

2. Во флигель, в котором жил в то время Блок, приходилось ходить из дома на другой конец двора по траве, в узком проходе между двумя густыми куртинами цветущих кустов.

3. „Вывешивать“—технический термин, обозначающий подымание верхней части деревянной постройки для подведения новых венцов из бревен

4. Дмитрий—новый старший работник.

46. ОТЦУ.

1. Пометка карандашем „1901 г.“.

47. ЕМУ ЖЕ.

1. „Здоровой дух в здоровом теле“.
2. „Добро и зло“.
3. „Как Бог“.
4. Фалес—греческий философ.
5. „Все полно богов“.
6. Цитата из стихотв. В. Соловьева: „Хоть мы навек незримыми цепями“.

7. Из стихотв. Вл. Соловьева: „В тумане утреннем неверными шагами“.

8. Зелинский, Ф. Ф.—известный филолог-классик. Ернштедт, В. К.—проф. классич. филологии; ум. 21 авг. 1902 г.

9. Это стихотворение, представляющее собою первоначальный текст, было напечатано впервые в „Литературно-художественном сборнике студентов С.-Петербургского Университета под ред. Б. В. Никольского, с иллюстрациями студентов Имп. Академии Художеств под ред. И. Е. Репина“, СПБ. 903, в искаженном виде (изменена вторая строфа и выпущена вся последняя) и впоследствии появилось только в первой книге Собрания стихотворений, (изд. „Мусагет“ 1911 г.), а в 1922 г. вошло в I т. „Собр. сочинений Ал. Блока“ (изд. „Алконост“ Петербург) с восстановлением последней строфы и изменениями, сделанными самим автором (перепечатано в I т. „Собр. сочин.“ изд. „Эпоха“ Берлин).

10. Вверху конверта пометка карандашом: „Стихи 1901 г.“.

48. С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

1. В то время Алекс. Андр-на была попечительницей одного из приютов Общества Защиты Детей от жестокого обращения и ревностно занималась этим делом.

2. Ванновский, П. С.—министр Народн. Просвещения, считавшийся в то время очень либеральным.

3. Виндельбандт, Вильгельм - известный философ и автор популярных в России трудов по истории философии.

49. ОТЦУ.

1. Вверху конверта пометка карандашом „февраль 1902 г.“.

50. ЕМУ ЖЕ.

1. В „Лит.-Худ. сборнике студентов“ были напечатаны стихотворения Блока: „Ранний час“, „Чем больней душе мятежной“ и „Тихо ясные дни“, вошедшие с изменениями в Собр Стихотвор., т. I, изд. „Алконост“. 1922.

2. Сборник вышел только в 1903 г.

3. Во всех собраниях стихов Ал. Блока, стихотв. „Верю в солнце завета“ напечатано с изменением по-

следней строфы. Это стихотворение впервые появилось в 1903 г в мартовской книжке „Нового Пути“.

4. В собраниях стихов Ал. Блока это стихотворение напечатано без второй строфы и с легкими изменениями в первой и в последней.

5. Вверху конверта пометка карандашом: „Март 1902 (стихи)“.

51. ЕМУ ЖЕ.

1. Это стихотворение напечатано впервые в 1903 г. в мартовской книжке „Нового Пути“. Во всех собраниях появилось без изменений.

2. Вверху конверта надпись карандашом: „Июнь 1902 г. Стихи“.

52. ЕМУ ЖЕ.

1. „Объективничать“—выражение Ал-дра Львовича.

2. Спекторский Е.—ученик Ал. Льв-ча по Варшавскому Ун-ту и большой его почитатель. Проф. Госуд. Права. Им написана биография Ал. Льв-ча.

3. Внизу конверта карандашом: „Август 1902 г.“.

53. ЕМУ ЖЕ.

1. Венгерова, Зин. Аф.—известный критик и переводчица, сестра С. А. Венгерова.

2. Карташов, А. В.—один из деятельных членов Религиозно-Философского Общества, впоследствии министр при Временном Правительстве.

3. Перед началом стихотворения помечена карандашом дата: „1902 г“. Вошло в 1-й том; впервые появилось в „Журнале для всех“, 1904, V.

4. Впервые напечатано в „Нов. Пути“ (Март, 1903). В книгу „Стихов о Прекр. Д.“ вошло без изменения против текста письма, прибавлен только эпиграф: „Бысть Экклесиаст мудр“

5. В первом издании „Стихов о Прекрасн. Даме“ напечатано без изменений, также как и в последующих; в „Собр. сочинений“ (1 т. изд. Алконост) прибавлена дата: „20 августа 1902 г.“.

6. С левой стороны конверта пометка карандашом: „Сентябрь 1902 г. Стихи.

54. ЕМУ ЖЕ.

1. Адрес Петра Львовича Блока.

2. „Самообразование“—научно-популярный журнал, изд. Брокгауз и Ефрон.

3. Ангелиночка — Ангелина Александровна Блок, дочь Ал. Львов-ча от второго брака. Ей посвящены „Ямбы“ (Современные стихи), изд. „Алконост“. Петерб. 1919.

4. Перцов, П.—один из редакт. „Нового пути“. О его знакомстве с Блоком см. книгу: П. Перцов—„Ранний Блок“, изд. „Костры“. М. 1922. Там же и письма Блока к Перцову за 1902—06 г.г.

5. Намек на изд-во „Скорпион“, в котором В. Я. Брюсов принимал деятельное участие.

6. Бороздин, А. К.—проф. истории русской словесности.

7. „Порочный круг“.

55. ЕМУ ЖЕ.

1. В начале письма пометка карандашом: „Апрель 1903 г.“. По справкам оказалось, что точная дата письма—4 апреля.

2. Марья Тимофеевна Блок (урожд. Беляева)—вторая жена Ал. Львовича.

3. „Генрих Блок“—известная в Петербурге банкирская фирма. Речь идет о черносотенной газете „Знамя“, которая в № 79 от 24 марта 1903 г. в отделе „Русская печать“ поместила следующий отзыв: „Стихотворения откуда-то выкопанного поэта Ал. Блока (хорошо еще, что хоть не Генриха Блока),—набор слов, оскорбительных и для здравого смысла и для печатного слова... Новый путь в старую больницу для умалишенных“. Цитируется: „Я к людям не выйду навстречу“ и „Царица смотрела заставки“.

4. Буренин, В. П.—критик и переводчик, особенно известный по фельетонам „Нового Времени“, в которых, между прочим, глумился над так наз. декадентами.

5. Андрей Белый—псевдоним Бориса Ник. Бугаева, сына математика Бугаева, проф. Моск. универс.,—поэт-символист, романист и критик. Один из близких друзей Блока. В пору написания письма еще не был

с ним знаком, — между поэтами возникла переписка с 1903 г. Знакомство состоялось в Москве в 1904-ом году, после женитьбы Блока. См. А. Белый — „Воспоминание о Блоке" в „Записках мечтателей" П. 1922, № 6 и журн. „Эпопея". Берл. 1922. №№ 1—4.

6. Заявление, касающееся подписи, вызвано недовольством Ал. Львовича, по поводу того, что стихи сына могут приписать ему.

56. ЕМУ ЖЕ.

1. Заграничная поездка—второе посещение курорта Наугейм, куда Блок сопровождал мать, уже будучи женихом Люб. Дм. Менделеевой.

2. В „Северн. Цветах", альманах третий, изд. „Скорпион", М. 1903, был напечатан цикл Блока: „Стихи о Прекрасной Даме".

3. Стихотворение „Все тихо у ней на лице"—напечатано только во II изд. „Стихов о Прекр. Даме" („Мусагет" 1911) с небольшим изменением в первой строке и с тем же изменением в „Стихах, не вошедших в собрания сочинений А. Блока", изд. „Петроград" 1925 г. Впервые в сб. „Белые ночи", П. 1907 г.

4. Стихотворение „Я вырезал посох из дуба" вошло во все издания стихотворений с небольшим изменением в первой строфе. Впервые напечатано в „Новом Пути", 1904, VI.

5. На конверте пометка карандашом „Апрель 1903 г. Стихи".

57. ЕМУ ЖЕ.

1. Телеграфный штемпель: „Варшава. 19$\frac{20}{V}$03".

59. ЕМУ ЖЕ.

1. Перед началом письма пометка карандашом: „июнь 1903 г."

2. М. А. Бекетова.

3 Дмитрий Иванович Менделеев присутствовал в церкви во время венчания

4. Боблово—имение Менделеевых.

60. МАТЕРИ.

1. Л.—Любовь Дмитриевна.

2 Паша—кухарка матери Блока.

3. „Виша"—В. В. Грек, товарищ Блока с детских лет, сын одного из сослуживцев отчима по полку.

4. Дмитрий - старший работник в Шахматове.

61. ЕЙ ЖЕ.

1 Мякишева—белошвейка.

2. Анна Федоровна Коврайская—надзирательница приюта, попечительницей которого была в то время Ал. Андреевна.

3. Люба—Любовь Дмитриевна.

62. ЕЙ ЖЕ.

1. Чрезвычайно язвительное и неприятное письмо Ал. Льв-ча написано им под влиянием обиды на то, что сын не позвал его на свадьбу.

2. Анна Ивановна Менделеева—мать Люб. Дм.

3. Письмо Б. Бугаева (А. Белого) от 19. VII. 03 (в архиве А. Блока).

4. Развадовский, А-др. - один из шаферов Люб. Дм., поляк, католик, человек очень своеобразный, с мистическим уклоном. См. о нем: А. Белый: „Воспоминания о Блоке" („Зап. мечт " 1922, № 6 и „Эпопея", Берл. 1922—3, №№ 1—4) и С. Соловьев — „Воспоминания о Блоке" в кн. „Письма Ал. Блока", изд. „Колос", Л. 1926.

5. Перевод этот погиб при пожаре Шахматовского дома после 1917 года

6. Соболевский, А. И.—профессор истории русского языка.

63. ЕИ ЖЕ.

1. Приложено ненапечатанное стих. „Разбушуются бури, прольются дожди". Перепечатано с этого списка в „Неизданных стихах 1897 — 1917 г.". Изд. „Жизнь Искусства", Ленинград, 1926.

2. „Палата мер и весов" на Забалканском просп., где была казенная квартира Менделеевых.

3. Abfahren — отъехать.

4. Наливайко—деньщик Франца Феликсовича.

5. См. Нов. Путь, 1903, № 8. Записки рел.-фил. собраний в Спб.—Записка В. В. Розанова: О некоторых подробностях церковных воззрений на брак".

6. Зенгер, Г. Э.—тогдашний министр народного просвещ.

64. ОТЦУ.

1. „Стремление на Восток".
2. „В Москву".

65. ЕМУ ЖЕ.

1. Mos geometricus—геометрический способ.
2. Ex cathedra—с кафедры.
3. Философов Дмитрий Влад.—известный публицист.
4. Πόλεμος – „Война".
5. Семенов, Л. Д. —товарищ Блока по университету, поэт. В 1905 г. вышло его „Собрание стихотворений", изд. „Сотружества", в 8-ом альм. „Шиповник": „У порога неизбежности" и „Листки".
6. Сочинение было написано на другую тему.
7. Вошло без изменения во все издания стихотворений Блока.
8. Напечатано во всех изданиях стихов, кроме I, с некоторыми изменениями. Впервые появилось в альм. „Гриф", 1905 (третий выпуск), в редакции, близкой к печатаемой здесь.
9. Вошло во все издания без изменения. Впервые в альм. „Гриф", М. 1904
10. Вошло во все издания „Ст. о Пр. Даме", кроме первого („Гриф". 1905 г.), без изменения, во II изд. „Ст. о Прекрасн. Даме" („Мусагет" 1911)—под названием „Испуганный", в III („Мусагет". 1916.) и Берлинское изд. („Слово". 1922) без названия, в I томе „Собр. Сочин." („Алконост" Петербург 1922) вместо названия стоит посвящение „*Иммануил Кант*". Впервые появилось в ж. „В мире искусств", Киев, 1909, I.
11. Вошло во все издания с небольшим изменением в 3-ей строке. Впервые напечатано в „Нов. Пути" (июнь 1904 г.).
12. Вошло во все издания без перемен. Впервые— в альм. „Гриф", М. 1904.

13 Напечатано только во II изд. „Ст. о Прекр. Даме" („Мусагет" 1911), с перестановкой 2 и 4 строк и в „Стихах, не вошедших в собрания сочинений А. Блока", изд. „Петроград", 1925. Впервые—в сб. „Белые ночи", П 1907

66. МАТЕРИ.

1. Письмо написано на почтовой открытке, адрес—рукою Ал. Андр-ны.
2. Пустая квартира Ал. Мих. Марконет, бывшей в то время в больнице.

67. ЕЙ ЖЕ.

1. Все это письмо в форме дневника.
2. Марконет, Влад. Федорович—дальний родственник, живший в том же доме.
3. „Агнес"—так называл в шутку В. Ф. Марконет свою русскую кухарку.
4. Тетя Саша—Александра Григорьевна Коваленская.
5. Бугаев, Борис Николаевич—Андрей Белый.
6. Петровский, А. С.—друг Бугаева, в то время студент Унив-та. Переводчик Якова Беме.
7. „Гриф"—книгоиздательство.
8. Квартира Марконет, где остановились Блоки, была на Спиридоновке.
9. Тетя Лена—дальняя родственница.
10. Соколов (Серг. Кречетов)—основатель издательства „Гриф".
11. Нина Ивановна Петровская—жена Соколова.
12. Бугаева, Ал-дра Дм.—мать Андрея Белого.
13. Из кружка „Аргонавтов", см. „Воспоминания об А. А. Блоке" Андр. Белого („Записки Мечтателей" № 6 Петерб. „Алконост" 1922 и журнал „Эпопея", Берлин, 1922.).
14. Тоже.
15. Рачинский, Григорий Алексеевич — друг Соловьевых.
16. Лопатин, Л. М.—философ, друг Влад. Соловьева.
17. Зязя и Варя—две поповны из села Надовражина, которые были в дружеских отношениях с семьями Соловьевых и Коваленских.
18 Тетя Соня—София Григорьевна Карелина.

19. Больница для душевно-больных.
20. Бенкендорф — товарищ по гимназии Сергея Соловьева.
21. Михаил Коваленский—внук А. Г. Коваленской, историк, марксист.
22. „Скорпион“—издательство.
23. Бальтрушайтис, Ю. К.—поэт.
24. Кобылинский, Л. — поэт, переводчик Бодлэра и др., автор книги „Русские символисты“, изд. „Мусагет“, 1910, писал под псевдонимом Эллис.
25. Койранский, А. и Курсинский, А.—литераторы, сотрудники „Грифа“.
26 Тетя Саша — А. Г. Коваленская.
27. Вера Влад. Коваленская - жена одного из сыновей А. Г. Коваленской, Виктора Михайловича, математика.
28. Вл. С. и С. П.—Вл. Серг. Соловьев и София Петровна Хитрово.

68. ЕЙ ЖЕ.

1. Эта статья А. Белого напечатана в „Мире Иск.“ 1904, № 5 и перепечатана в сб. „Арабески“, М. 1911 под заглавием „Символизм., как миропонимание“ и „Священные цвета“.
2. Менделеевы—родственники Л. Д. Блок.
3. Соловьев, С. М.—историк, отец Влад., Мих., Всев и поэтессы Поликсены (Allegro) Соловьевых.
4. Попова, Вера Серг.—одна из сестер Владим. Соловьева, дочь историка.
5. См. Альманах „Гриф“, М. 1904. Это был второй выпуск. Первый был издан в 1903 году, третий—в 1905 г., четвертый—в 1913 г. Стихи Блока печатались во всех выпусках, кроме первого.
6. 16 января 1903 г. — день смерти Мих. Серг. и Ольги Мих. Соловьевых.
7. Речь идет о романисте П. Д. Боборыкине.
8. Сытин, Ив. Дм.—известный издатель.
9. Жигарев—вероятно заведующий художественным и детским отделами в изд-ве Сытина.

69. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на почтовой открытке.

71. ОТЦУ.

1. Первый день Пасхи в 1904 г. был 28 марта.

72. МАТЕРИ.

1. Почтовая открытка, написанная карандашом, дата не обозначена; судя по штемпелю, письмо написано 23 апреля 1904 г., на что указывает и поздравление с именинами, которые праздновались в то же число.
2. Стариков—лавка на ст. Подсолнечная, где забирали провизию и другой товар.
3. Мартин - старший работник, латыш.
4. Яков—знакомый крестьянин, у которого нанимали телегу для перевозки вещей.
5. Подпись „Люба“—рукою Люб. Дм.

73. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты; судя по тексту — написано 26 апреля 1904 г.
2. Дарья - скотница, жена Мартина.
3. „Величиной“ Блок называл в детстве ветчину, и это слово употреблялось в семье в шутку.
4. Заграждение — Шахматовский пруд, питаемый родниками и ручьем, который вливаясь в него, бежал дальше, лежал в долине между двумя холмами. Заграждение, о котором говорит Блок, состояло из плотины, которая несколько раз укреплялась осенью, но часто прорывалась бурным весенним половодьем.
5. „Поражает гармонией очертаний“—фраза, взятая из сценария диалога Кузьмы Пруткова „Спор греческих философов об изящном“. В подлиннике сказано: „Акрополь поражает гармонией очертаний“.
6. Ананьевна — крестьянка из соседней деревни, которую брали обыкновенно на лето в качестве садовницы и судомойки.
7. Дмитрий—только что смененный работник.
8. Фоминское—соседняя деревня.
9. Негин — известный в округе мясник.
10. „Свокол“—свекла по произношению Мартина.
11. Кривая полоса — один из участков Шахматовской земли.

12. Тараканово—соседнее село.

13. Осинки—деревня между Шахматовым и Таракановым.

14. Таракановское поле—луг, лежащий по дороге к Тараканову.

15—16. Арапка, Марс—собаки.

17—18. Гудино, Шепляково—соседние деревни.

19. Сухой пруд—заглохший пруд под горой среди леса, почти совершенно иссохший и заросший травой, но с запахом подпочвенной влаги.

20. „Кусты“ —молодой лес.

21. „Ее превосходительство“—Любовь Дмитриевна.

74. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на почтовой открытке.

75. ЕЙ ЖЕ.

1. Ясень, росший на поляне в казенном лесу Праслово,—одна из любимых прогулок.

2. Руново — одна из дальних деревень в окрестностях Шахматово.

76. ЕЙ ЖЕ.

1. Батюшков, П. Н.—один из „Аргонавтов“.

2. Шмидт А. Н.—известная почитательница Влад. Соловьева, писала по вопросам религии и мистики. См. „Из рукописей А. Н. Шмидт“, П. 1916 г. и воспоминания о ней М. Горького: Собран. сочинений. Т. XVII. „Заметки из дневника“. Гос. Изд. Л. 1926 г.—Приезд Шмидт в Шахматово состоялся. Длинный разговор ее с Блоком произошел в присутствии жены поэта. По словам последней, Блок больше отмалчивался. Это было единственное свидание их. Очевидно, поведение Блока сразу показало А. Н. Шмидт, что из ее попытки завязать с ним сношения ничего не выйдет. Блок не признал ее „душой мира“ и не заинтересовался ни ее личностью, ни ее теориями.

3. Ив. Борисов—соседний крестьянин.

4. „Живойт“—слово „жить“ на жаргоне Мартина.

5. „Серебрянный колодезь“—имение А. Белого.

77. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не обозначена. Вероятно письмо написано около 10-го мая 1904 г., так как в письме упоминается о посылаемой Перцову рецензии на новый сборник стихов Брюсова—в трезвом жанре. (См. Перцов „Ранний Блок“ стр 40, письмо от 10-го мая 1904 г.).

2. Пикуша—собака Пик.

78. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Судя по фразе: „Мы доехали великолепно с помощью пересадки о которой тоже напишу“, письмо написано незадолго до 28 августа 1904 г., так как в письме с этой датой подробно объясняется, как нужно пересаживаться.

79. ЕЙ ЖЕ.

1. Лейнер—ресторан на Вас. Острове.

2. Угольные ямы—известное место в одном из Шахматовских лесов.

3. Книжный магазин М. О. Вольфа.

4. Глазов, Вл. Г.—министр народного просвещения.

80. ЕЙ ЖЕ.

1. „Дафнис и Хлоя“—известная древне-греческая повесть Лонгуса, в переводе Д. С. Мережковского.

2. Иванов, Евгений Павлович—близкий друг Блока, участник религ.-философск. собраний. Сотрудничал в журн. „Мир Искусства“, „Новый Путь“ (см. его статьи: „О смрадном и святом“, ответ на статью З. Гиппиус—Анг. Крайнего о В. Розанове, „Новый Путь“, 1903, X, „Эдип в Колоне“, 1904, II, рец. на „Семейный вопрос“ В. Розанова, 1904, VIII и др.), „Вопросы Жизни“, „Тропинка“ и др. Автор очерка „Всадник (нечто о городе Петербурге)“ в альм. „Белые ночи“, 1907, и детских книг: „В лесу и дома“. Б-ка „Тропинки“, 1915, и „Рассказы“. Гос. Изд. 1925 г.—В 1922—24 г.г. участник Вольной Философской Ассоциации в Ленинграде.

3. Иванов, Александр Павлович, брат Евг. Павл.—художеств. критик, автор монографий о Врубеле (1911)

и Репине (1925) и повести „Стереоскоп". Его статья: „Логе и Зигфрид" напечатана в журн „Мир Искусства". 1904, № 6.

4. Фридберг, Д.—поэт.

5. Тернавцев, В. А.—секретарь синода, участник рел.-фил. собраний.

6 „М-ие"—Мережковские.

7. Сасс-Тисовский — товарищ по курсу, дирижер студенческ. оркестра.

8. „Жизнь Василия Фивейского"—рассказ Леонида Андреева.

9. Ваня — Менделеев, Иван Дмитриевич, брат Люб. Дм.

10. Борис Петрович Гущин — в то время студент Технологическ. Инст-та.

81. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Письмо написано вскоре после 3-го сентября 1904 г., что видно из текста предыдущего письма.

2. Баня и балкон—то и другое перестраивалось.

83. ОТЦУ.

1. Письмо написано в конце декабря 1904 г., на что указывает поздравление с Нов. годом.

2. В ответ на посылку первого сборника стихов Ал. Льв. написал сыну очень неприятное и насмешливое письмо.

84. ЕМУ ЖЕ.

1. Марианна Петровна—двоюродная сестра Блока, дочь Петра Львовича Блока.

2. „Для немногих".

85. ЕМУ ЖЕ.

1. Дата не полная, обозначен только год; судя по штемпелю письмо, написанное на почтовой карточке с рис., отправлено 16/IV 1905 г.

2. Александров, А. Н.—по всей вероятности, ученик Ал. Львовича.

86. МАТЕРИ.

1. Без даты. Написано на почтов. открытке. Штемпель: „$19\frac{27}{IV}05$".

87. ЕЙ ЖЕ.

1. Дмитров—уездный город.

2. Второй раз подпись „Люба"—рукою Люб. Дм.

88. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты, судя по штемпелю, послано 27 августа 1905 г., написано карандашом на почтовой открытке.

2. „Нэт"—одно из словечек того времени.

3. Подпись „Люба"—рукою Люб. Дм.

89. ЕЙ ЖЕ.

1. Оборванная фраза, взятая из пушкинского „Каменного гостя":

„Все к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным..."

2. Евангелическая больница на Песках.

3. Булгаков, С. — один из основателей „Вопросов жизни".

4. Чулков Г. И.—писатель, один из редакторов „Вопросов жизни".

5. Жуковский, Д. Е.—издатель „Вопр. Жизни".

6. Вяч. Иванов—поэт и ученый филолог.

7. „Идеалисты" — редакция „Вопр. Жизни", сменившая „мистиков" „Нового Пути".

8. Бердяев, Н. А.— литератор, мистик, член Религиозно-Философского Общ-ва.

9. Слово „провокатор" очевидно нужно понимать в смысле „агитатор".

10. Мирэ, А.—писательница. В рецензии Блока на ея книгу: „Жизнь", Нижн. Новг., 1904, в „Вопр. Жизни", 1905, VII, говорится, что „Горький подал сигнал к своему... падению... тем, что искренно нена-

видя абстрактное, бездарное, рабское, — он сам своей рукой загнал себя на какую-то оъвлеченно-моральную кафедру под кулак какого-то огромного, прожорливого и бессмысленного деспота — „человека", который остался абстракцией и пустотой".

11—13. [ ] - скобки поставлены автором

12. Ремизовы — Алексей Михайлович — известный писатель и жена его Сераф. Павловна.

14. Громов, А. А. — преподаватель русской литературы. См. его воспоминания о студенческих годах Ал. Блока в сборнике „Стожары" кн 3-ья. Птб. 1923 г.

90. ЕЙ ЖЕ

1. Точной даты письма нет. Судя по тексту предыдущего письма относится к 1905 г., т. е. написано в тот же день.

2. Бринкен и Рудаков — офицеры Гренадерского полка.

3. Женя — Евг. Павл. Иванов

4. „Без дров" — приписка карандашом.

5. К письму приложен план с надписями Блока, который здесь не печатается, т. к квартира не была нанята.

91. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата письма не полная. Почтов. штемпель: „4—9—05". Написано на почтовой открытке.

2. Лапшин. И. И. — проф. философии.

3. „Всадник" Е. П. Иванова — напечатан в альманахе „Белые ночи". II. 1907 г.

92. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты. Из текста этого письма и следующего от 12-го сент. можно заключить, что оно написано 9-го сент. 1905 г. („разговор Витте в сегодняшней газете 9-го").

2. „Словачка" - так обозначены все экзамены по славяноведению, самое же слово есть намек на некоего московского профессора, которого изображал в лицах Серг. М. Соловьев.

3. По всей вероятности И. Гюнтер, о котором будет дальше.

4. Журнал „Искусство" издавался в Москве в 1905 г (вышло 8 №№).

5. Волжский, (А. С. Глинка) — один из редакторов „Вопросов Жизни", автор книги „Из мира литературных исканий", П. 1906 г.

6. Сардыка — завед. обозом того полка, где служил отчим Блока.

7. Малиновая гора — часть Шахматовской земли, поросшая лесом.

8. И. Д. Менделеев.

9. Боргман, И. И. — проф. физики, тогдашний ректор Унив-та.

93. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная, следует отнести к 1905 г.

2. Браун, Ф. А. — известный проф романской филологии.

3. Жебелев, С. А. — проф. классич. филологии.

4. Ася - Анна Евг. Лозинская, дальняя родственница, с которой Блок играл в гимназические годы. В пору написания письма она была на Бестужевских курсах.

94. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Судя по смыслу предыдущего письма, написано 12 сентября 1905 г.

95. ЕЙ ЖЕ.

1. Настоящее письмо составляет шуточную приписку к письму М. А. Бекетовой к матери Блока, написанному в день ее приезда в Петербург (13 сентября 1905 г.). Блок получил в этот день очень лестное письмо от немецкого поэта Гюнтера, который просил позволения переводить его стихи и был в восторге от „Стихов о Прекрасн. Даме".

2. Перевод М. А. Бекетовой.

96. ОТЦУ.

1. Библиографическая работа, которая не сохранилась.

99. МАТЕРИ.

1. Дата не полная. Написано на почт. открытке. Штемпель „4 сент. 1906". Послано по городской почте, так как Блоки в то время переехали уже на отдельную квартиру на Лахтинской.

2. Аничков, Е. В. — критик, состоял в Унив-те прив.-доц. по истории западной литературы.

3. Статья о Некрасове не была написана.

100. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Письмо написано в начале октября 1906 г. См. примеч. 3-е.

2. Намек на крайнюю родственность отца Блока, которой он отличался в конце жизни.

3. „Краб" — такса отчима и матери Блока, которую загрызли собаки в ночь на 1-е октября 1906 г. Краб притащился домой под утро и умер к вечеру на глазах у хозяев, которые его особенно любили. Последняя фраза в письме есть ответ на извещение о смерти собаки.

101. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Написана на почтовой открытке. Штемпель „18 окт. 1906".

2. „Тата" — Тат. Ник. Гиппиус, сестра Зин. Ник., художница.

3. Пяст Вл. Ал. (Пестовский) — поэт, журналист, друг А. Блока.

4. Семья Евг. Павл. Иванова.

5. „Ната" — Нат. Ник. Гиппиус, сестра Зин. Ник., скульптор.

6. Кузнецов П. — художник.

7. Мейерхольд В. Э., известный режиссер, работавший в то время в театре В. Ф. Коммисаржевской.

8. Статья „Поэзия заговоров и заклинаний", напеч. в Ист. русск. литературы под ред. Аничкова и Овсянико-Куликовского, изд. „Мир", Том I. М. 1908.

9. „Среда" Вяч. Иванова. О сборищах в квартире Вяч. Иванова смотри книгу М. А. Бекетовой: „Ал. Блок. Биографич. очерк", примечан. В. Пяста в его „Воспомин. о Блоке", (1923), статью Н. А. Бердяева в „Русск. литературе

XX в." вып. VIII, изд. „Мир" и „Воспоминания о Блоке" Серг. Городецкого в ж. „Печать и революция", 1922, № 1.

10. Соловьева П. С. (Allegro) — сестра Влад. Соловьева, известная писательница, издат. детского журнала „Тропинка"; скончалась в Москве в 1924 г., летом.

11. Гонорар был прислан за стихи „Вербная суббота" („Тропинка"), 1906, № 6 от 15/III).

102. ЕЙ ЖЕ.

1. 16 ноября.

2. Ссылка в скобках относится к М. А. Бекетовой.

103. ЕЙ ЖЕ.

1. „Незнакомка" — пьеса.

2. „Сестра Беатриса".

104. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Судя по тексту двух следующих писем, написано в 1906 г.

2. Жюри конкурса, объявленного в 1906 г ред. журнала „Золотое Руно" в Москве на тему: „Дьявол". Условия конкурса напечатаны в №№ 5—10 „Зол. Руна" за 1906 г., отчет и премированные произведения — в № 1 за 1907 г. В состав жюри по литературному отделу входили: А. Блок, В. Брюсов, В. Иванов, А. Курсинский, Н. Рябушинский. Первую премию получили: М. Кузмин за рассказ: „Из писем девицы Клары Вальмон" и А. Ремизов за рассказ: „Чертик" (см. письмо № 108 от 21/XII 1906).

105. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не обозначена. Судя по содержанию и дате следующего письма, написано 29 ноября 1906 г.

2. Палата мер и весов, где жили родители Люб. Дм.

3. Юрий Беляев, драматург, сотрудник „Нов. Времени".

106. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1906 г. (См. предыдущ. письмо).

2. Зиновьева-Аннибал, Л. Д. — жена Вяч. Иванова.

3. Макс Волошин—поэт.
4. Мунт, Е. - актриса театра Коммиссаржевской.
5. Веригина, В.—тоже.

107. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано на почтовой открытке, штемпель „11 дек. 1906".

2. Репетиция „Балаганчика" в театре Коммиссаржевской.

108. ЕЙ ЖЕ.

1. Репетиция „Балаганчика".
2. Рябушинский, Н. П. - издатель „Золотого Руна".
3. Сергей Городецкий—поэт.
4. Кузмин, М. А.—поэт.
5. Сапунов, Н. Н. — художник, писал декорации к „Балаганчику".
6. Бакст, Л. С.—художник.
7. Верховский, Юр. Н —поэт.
8. Веселовский, А. А.—литератор, сын филолога Александра Ник. Веселовского, товарищ Блока по университету.
9. „Жар души"—выражение, взятое из стихотворен. Лермонтова „Благодарность" („за жар души, растраченный в пустыне"). Этими словами принято было у нас с матерью Блока, что было известно и ему, обозначать иносказательно романические чувства.

109. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты. Судя по фразе в конце письма — „драму кончаю" — следует отнести письмо к концу 1906 г. (не позже ноября, так как в этом месяце была окончена „Незнакомка"), на это же указывает упоминание об усиленных обысках.
2. „Товарищ"—газета, выходившая в 1906—07 г.г. под. ред Л. В. Ходского.
3. Копельман—один из издателей „Шиповника".
4. Розанов В. В.—известный писатель.
5. Де-ла-Барт, П.—молодой филолог, друг Веселовского.
6. Столыпин П. А.—премьер-министр.

110. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Следует отнести к концу 1906 г., так как упоминается о сборнике („Нечаянная Радость"), который вышел фактически в декабре 1906 г.
2. Поляков, С А.—издатель „Весов".
3. Бронислав—деньщик.

111. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Письмо следует отнести к декабрю 1906 г.; на это указывает упоминание о стихах, в одно и то же время посланных в „Тропинку" и отданных в „Ниву"—так как в январе 1907 г. стихи Блока были напечатаны и в „Тропинке" и в „Ниве".
2. Журнал „Золотое Руно".
3. Лиза—прислуга.
4. Абонемент на Вагнеровские спектакли.

112. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты. Судя по упоминанию о сборнике („Нечаянная Радость") письмо написано в конце 1906 г.
2. Гюнтер Иоганн (Ганс)—немецкий поэт, талантливый переводчик „Стихов о Прекрасной Даме".

113. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо написано карандашом, без даты. Это и три последующих (114, 115, 116), тоже без дат, связаны между собой по смыслу.

Все четыре следует отнести к началу января 1907 г. Это подтверждается 1) записью в моем дневнике 7 янв. 1907 г. о письме Л. Дм., в котором сказано, что они с мужем не могут быть у меня в этот день вследствие нездоровья Ал. Ал (простуда), 2) отсутствием других писем в январе этого года, 3) сопоставлением фразы в письме 115: „Люба заедет к тете и предложит ей билет" и т. д. с записью в моем дневнике о спектакле,

в котором я была вместе с матерью Блока 8 января 1907 г.

2. Гиппиус, Александр Вас.—товарищ по университету и один из близких друзей Ал. Блока.

114. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты. См. примечание к предыдущему письму.

2. „Сестра Беатриса"—пьеса Метерлинка, которая ставилась в театре Коммиссаржевской в сезон 1906—1907 г.

115. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. См. два предыдущих письма.
2. Речь идет о третьей книге стихов.

116. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не обозначена. См. три предыдущих письма.
2. Вячеслав Иванов.
3. Кондратьев, А. А.—поэт.
4. „Незнакомка" - пьеса.
5. Речь идет о „Снежной маске", вышедшей в апреле 1907 г. с рисунком Бакста.
6. Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал — жена поэта Вяч. Иванова.
7. „Шиповник"—Гржебин и Копельман.

117. ЕЙ ЖЕ.

1 Написано на почтовой открытке. Без даты. Поч. штемпель „31 янв. 1907 г.".

118. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. По записи в дневнике М. А. Бекетовой можно с уверенностью сказать, что письмо написано около 19 февраля 1907 г.

2. Сем. Викт. Панченко.

3. „Жизнь Человека" Л. Андреева, которую давали в то время в театре Коммиссаржевской.
4. Иванова В. В.—актриса театра Суворина.

119. ЕЙ ЖЕ.

Даты нет, из следующего письма видно, что написано накануне, т. е. 6 апреля 1907 г. Подписи нет.

120. ЕЙ ЖЕ.

1. „Незнакомка" — пьеса, законченная 6 ноября 1906 г.
2. Гофман М. Л.—поэт, историк литературы.
3. Намек на портрет, который рисовал в то время К. А. Сомов цветными карандашами.
4 Читау 2-я—актриса Александринск. театра.
5. Дягилев С. П.—издатель „Мира Искусства".
6. Рерих Н. К.—художник.

121. ЕЙ ЖЕ.

1. Качалов В. И.—артист Моск. Худ. театра.
2. Румянцев - администратор Моск. Худ. театра.
3. Со слов „А вот кусок..." и т. д. написано карандашом.

4. „Песни Билитис"—П. Луиса. В альм. „Цветник Ор". п. 907. напечатанно 6 стихотворений Блока под общим заглавием: „Пред ликом твоим".

5 Сеанс во время работы Сомова над портретом Блока.

122. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Письмо написано 29 или 30 апреля 1907 г. на что указывает предыдущее письмо.

123. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Написано карандашом (адрес—чернилами). Почт. шемпель „$19\frac{10}{VI}07$".

2. Обыкновенно ездили в Шахматово со ст. Подсолнечной, так как Клин значительно дальше.

124. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г. Письмо очевидно написано вскоре после отъезда матери в Ревель, который состоялся в половине сентября 1907 г.

2. Ауслендер, С.—писатель.

125. ЕЙ ЖЕ.

1. Волохова, Н. Н.—артистка театра Коммиссаржевской. Ей посвящен цикл стихов „Снежная маска".

2. Леман, Б.—писатель (псевд. Дикс).

3. В 1908 г. „Шиповником" были изданы „Лирические драмы" Блока, содержащие: „Балаганчик", „Короля на площади" и „Незнакомку", с музыкой к „Балаганчику" М. Кузмина и в обложке работы К. Сомова, с предисловием автора неперепечатанным в последующих изданиях.

126. ЕЙ-ЖЕ.

1. См. А. Белый: „Символический театр" в московской газ. „Утро России" 1907, №№ 1 и 11 от 16 и 28 ноября; перепечатано в сборнике статей „Арабески". М. 1911.

2. Сизов, Мих.—литератор, мистик.

127. ЕЙ ЖЕ.

1. Нина Ив. Петровская.

2. „Пеллеас и Мелиссанда"—пьеса Метерлинка.

3. Иванова В. В., актриса Суворинск. театра.

4. Мусина, Д. М.—актриса Александр. театра.

5. „Францика" — Франца Феликс Кубл.-Пиоттух.

128. ЕЙ ЖЕ.

1. Сестра Люб. Дм.—Мария Дм. Менделеева.

2. В журн. „Луч" П. 907, № 1 напечатаны стихотворение Блока: „Я ухо приложил к земле" (вошло с вариантами в „Собрание стихотворений", т. III) и заметка: „Пробуждение весны" (Ведекинда); в № 2— „Сказка о той, которая не поймет ее". („Собр. Соч.", т. IV.).

129. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.

130. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г. Судя по записям в моем дневнике, написано после того, как мать приезжала в Петербург из Ревеля, куда она уехала обратно 24 октября 1907 г.

2. „Действо о Теофиле".

3. Зиновьева-Аннибал, Л. Д.

131. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. По содержанию письма и по записям в моем дневнике следует отнести к 1907 г.

2. Бар. Дризен, Н. В. — театральный деятель, устроитель „Старинного Театра", где в декабре 1907 г, было поставленно „Действо о Теофиле". См. книгу Э. А. Старка: „Старинный Театр", изд. Н. Бутковской. П. [1911].

3. М. П. Арцыбашев—писатель.

132. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г.

2. „Победа смерти" в театре В. Комиссарский.

133. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г.

134. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г.

135. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо написано по возвращении из Ревеля.

2. 17 ноября был концерт, в котором Блок не участвовал: уехал в Ревель, не предупредив устроителей. Лиза—прислуга Блоков.

3. В архиве матери Блока не сохранилось указаний какие именно стихи были приложены к этому письму.
4. Н. Н.—Волохова.
5. День рождения Блока.

136. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г.
2. Оленина-д'Альгейм, М. А.—известная камерная певица, основательница „Дома Песни"
3. „Строитель Сольнес" Ибсена.
4. Айседора Дункан, известная танцовщица.
5. Будкевич—актриса театра Коммиссаржевской.
6. Давидовский—актер того же театра.
7. Собинов, Л. В.—известный тенор.
8. Коломбина—действ. лицо в „Балаганчике".
9. Клитемнестра—действующее лицо в „Электре" Гофмансталя.
10. Клюев, Н. А.—известный поэт.

137. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1907 г.
2. Речь идет о Л. Д. Блок и Н. Н. Волоховой.

139. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Написано на почтовой открытке; штемпель: „14.12.07".

140. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты. Написано в сезон 1906—07 г. Вернее отнести его к началу 1907 года не позже мая, до отъезда матери в Шахматово, на что указывает упоминание о денщике.

141. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Следует отнести к первой трети 1907 г., когда Сомов рисовал портрет А. Блока.

Рецензия Брюсова, к которой могут быть отнесены слова письма, появилась в № 2 „Весов" 1907 г. (о „Нечаянной Радости").
2. Ал. Павл. Иванов с женой.

142. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Следует отнести к весне 1907 г. См. письмо 120, где говорится о работе Сомова над портретом Блока.
2. Вероятно в Религ. Философское Собрание.
3. Озаровская, О. Э. известная рассказчица, собирательница русских сказок, преподавательница драматического искусства, писательница.

143. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет. Следует отнести к весне 1907 г. На это указывает поездка за город, вероятно в конце театрального сезона, когда уже не раз видели „Чудо св. Антония".

144. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1908 г., когда Блок начал писать „Песню Судьбы".
2. „Песня Судьбы".
3. Книга Метерлинка „Serres chaudes" (Теплицы).
4. „Праматерь" („Die Ahnfrau"). Впоследствие переведена Блоком и издана „Пантеоном" (1909).
5. N. N.—Н. Н. Волохова.

145. ЕЙ ЖЕ.

1. „Клеопатра"—стихотворение из II-й книги собрания стихотворений Блока.

146. ЕЙ ЖЕ.

1. 25 января 1908 г. А. Белый читал лекцию: „Фридрих Ницше и предвестия современности"; отчет о лекции в газ. „Наш День", от 28/I-908 г.

2. Палкин—известный ресторан.
3. „Факелы"—альманах; вероятно, второй выпуск.
4. Третий сборник „Земля в снегу", изд. ж. „Золотое Руно". М. 1908.

148. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1908 году.
2. Вошло в сб. „Сети". М. 1908.

149. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Следует отнести к 1908 г. См. дату следующего письма.

150. ЕЙ ЖЕ.

1. Почтовый штемпель „8—2—08". Деньги посланы в Ревель.

151. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Судя по содержанию (упоминание о 50-и р.), следует отнести к 1908 г.

152. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. На это указывает ряд предыдущих писем.

153. ЕЙ ЖЕ.

1. Телеграмма „принята 14.11.8".

154. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. предыдущие письма.
2. Блок начал переводить цикл стихов Метерлинка „Serres chaudes" („Теплицы"), но это дело у него не пошло и перевод был оставлен.

155. ЕЙ ЖЕ.

1. Лекция о театре в помещении Театрального клуба.
2. Французский словарь.
3. Воспроизведение подлинника в красках.
4. Бенуа, Ал. Ник.—известный художник.
5. „Праматерь" Грилльпарцера.
6. Евреинов, Н. Н.—известный режиссер, театральный критик.
7. Тата—Т. Н. Гиппиус.
8. День рождения матери Блока.

156. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. предыдущие письма.
2. С днем рождения (6 марта).
3. Г. И. Чулков.

157. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. письмо 155, примеч. 1-е.
2. А. Р. Кугель (Homo Novus)—известный театральный деятель.

158. ЕЙ ЖЕ.

1. „Легенда о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур" В. Гюго; перевод матери Блока, впоследствии был издан „Алконостом" (1919 г.).

159. ЕЙ ЖЕ.

1. Даты нет, написано на почт. открытке. Штемпель „16.3.08".

160. ЕЙ ЖЕ.

1. „Праматерь".
2. Эттингер, П. Д.—литератор и театральный деятель.
3. „Аграфена"—рассказ Бориса Зайцева.

161. ЕЙ ЖЕ.

1. „Лесной домик".
2. Г. И. Чулков.

162. ЕЙ ЖЕ.

1. Стэндаль—(псевдоним Анри Бейля)—известный французский писатель, автор „Красного и черного", „Хроник" и т. д.

165. ЕЙ ЖЕ.

1. А. Белый: „Кубок метелей", 4-ая симфония, „Скорпион". М. 1908.

166. ОТЦУ.

1. Письмо без даты. Из текста письма 18 апреля 1908 г. к матери в Ревель видно, что это письмо написано 17 апр. 1908 г.

167. МАТЕРИ.

1. Телеграмма „принята 18 IV. 1908". Послана в ответ на письмо матери, встревоженной дурным сном.

169. ЕЙ ЖЕ.

1. Полемическая статья о Блоке в книге Сергея Соловьева: „Crurifragium", М. 1908.

170. ЕЙ ЖЕ.

1. Ф. Сологуб—„Пламенный круг", М. 1908, см. стр. 148. У Сологуба 5-ая строка: „Рождено и суждено".
2. Сюннерберг, К. А.—художественный критик, теоретик искусства, автор книги „Цель творчества" и сборника стихов „Плен". Пишет под псевдонимом К. Эрберг.
3. Снимок воспроизведен в книге М. Бекетовой: „А. Блок и его мать". П. 1925.
4. Из стихотворения Пушкина: „Калмычке".

172. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. Дата подтверждается записью в моем дневнике этого года, совпадающей по содержанию с началом письма Блока.
2. Аннушка—(А. И. Шалгунова)—прислуга М. А. Бекетовой.
3. Налепинский, Тадеуш — польский писатель и критик.
4. Лансере Е.—художник.
5. Щеголева В., актриса, жена историка П. Е. Щеголева.
6. Жилкин И., публицист, член Госуд. Думы.

173. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. На эту дату указывает упоминание об отъезде в Шахматово около 1-го июня в письме к отцу 24 мая 1908 г.

174. ОТЦУ.

1. „Праматерь" в переводе Блока.
2. „Земля в снегу", изд. журн. „Золотое Руно". М. 1908.

175. МАТЕРИ.

1. 1908 г. См. письмо 176 от 29 мая 1908 г.
2. „Праматерь".
3. Волохова.
4. Речь идет о переделке „Песни Судьбы", которая подверглась большим изменениям после того, как Блок прочел ее Станиславскому.

177. ОТЦУ.

1. В. М. Грибовский был знаком Блоку еще в детстве, т. к. готовил его в гимназию; позднее Блок слушал его лекции в Унив-те.
2. О. Штейн, двоюродная сестра Блока, урожд. Качалова.

178. МАТЕРИ.

1. Дата не полная. Почтовая открытка, штемпель: „3—7—08". Напис. карандашом.

179. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. предыдущее письмо.
2. „Золотое Руно".
3. Этим летом предполагалось пригласить в Шахматово землемера для проведения более точных границ.

180. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. Написано, как и предыдущее письмо, по возвращении из Шахматова.
2. „Песня Судьбы". См. III действ. в альм. Шиповник, IX, 1909, или 5 карт. в отдельн. изд. „Алконоста", 1909: „Широкий пустырь озарен осенней луной. На втором плане—какое-то заколоченное здание. Вокруг пятна лунного цвета... за углом здания открывается просторная даль. Безконечная равнина..."
3. Iwan Strannik—литературный псевдоним А. М. Аничковой.

181. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. На дату указывает то, что „Песня Судьбы" была закончена летом этого года.
2. Третий был Д. В. Философов.
3. Из цикла „Мэри". См. следующее письмо и упоминание в письме от 31 июля.

182. ЕЙ ЖЕ.

1. С. Г. Карелина—хорошо гадала на картах.
2. С Серг. Мих. Соловьевым отношения в то время были испорчены.
3. Из цикла стихов „Мэри": „Опять у этой двери", „Жениха к последней двери" и „Косы Мэри распущены". Эти произведения, напечатанные первоначально по тексту черновиков в сб. „Италии", изд. „Шиповник", 1909, вошли в 3 книгу „Стихотворений" А. Блока (см. изд. „Мусагет", 1912 и 1916 гг., „Алконост" 1921 и др.), из них второе и третье без—изменений (в последнем только один вариант: вместо „желтых кос" в черновиках: „русых кос"). Первое стихотворение: („Опять у этой двери") в черновике и в сб. „Италии" содержит шесть строф вместо трех строф „Собрания стихотворений"
4. Коммиссаржевский, Ф. Ф. — режиссер театра В. Ф. Коммиссаржевской, сменивший В. Э. Мейерхольда.
5. М. А. Бекетову, с днем именин (22 июля).
6. Предисловие Гофмансталя к „Праматери".

184. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. Из записи в моем дневнике видно, что Блоки приезжали в Шахматово в конце лета 1908 года.
2. Минский, Н. М.—(псевдоним Виленкина)—известный поэт. Статья Блока о Минском и Сологубе напечатана в „Золот. Руне", 1908, № 7—9.
3. Стих. „За гробом" (Божья матерь „Утоли моя печали")—„Сатирикон", 1908, № 17 от 2. VIII.
4. Журн. „Образование", с 1896 г. издаваемый и редактируемый А. Я. Острогорским (ум. в 1908) в июне 1908 г. перешел на короткое время к И. М. Василевскому; при новой редакции в журнале участвовали Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Белый и др.—В июльской книге напечатаны рецензия Блока о „Монастыре" Верхарна в пер. Эллиса и его стихотворение: „Анархист" (И я любил). Последнее, без этого заглавия и с большими вариантами, вошло в Собр. Стихотвор. кн. Ш. (во всех изданиях).

185. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. На дату указывает упоминание о „Праматери", которая была поставлена в 1908 г.
2. Фраза оборвана, последнее слово вероятно—„Царское"

Статья Блока: „Об одной старинной пьесе" напечатана в газ. „Речь" 17.XI.908, № 280 и частично, как вступление к переводу „Праматери", изд. „Пантеон". Перепечатана в „Собр. сочинений", т. IX, Берлин, 1923.
3. Рассказы: Ф. К. Сологуба—„Опечаленная невеста" и Г. И. Чулкова — „Парадиз", „Образование", 1908 г., № 7.
4. Эллис (Кобылинский)—поэт, критик.
5. Жена Г. И. Чулкова.

186. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. предыдущее письмо о „Праматери“.
2. Лиза, прислуга Блоков.

187. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. Ездой на велосипеде Блок занимался только в 1908 г.
2. Из стихотворения А. Белого: „Время“ в сборнике: „Урна“, М. 909.

188. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. письмо 189 о Клюеве.
2. „Саломея“ Оскара Уайльда ставилась в театре Коммиссаржевской и после генеральной репетиции была запрещена.
3. Сергей Маковский — поэт, художественный критик.
4. Театр Коммиссаржевской.
5. Распространенный в то время портрет Блока на открытке, в блузе с белым отложным воротником, со скрещенными руками.

190. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. письмо 189 о реферате.
2. Собрание Религиозно-Философ. Общества.
3. М—их—„Мережковских“.
4. „Лесной домик“—сказка Эркмана-Шатриана
5. „Пантеон“—книгоизд-во.
6. Л. Галич—литератор, сотрудник газ. „Речь“, ответ ему Блока напечатан в „Зол. Руне“, 1908, № 11—12.
7. Г. И. Чулков.

191. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. См. первую фразу письма (Блок род. в 1880 г.).
2. Инцидент в Рел.-Фил. Об-ве заключался в том, что полиция запретила прения после реферата Блока „Интеллигенция и народ“. См. „Слово“, 15. XI. 1908, № 621, отдел „Хроника“ (в обществах и собраниях) и „Бирж. Ведом.“ от 15. XI. 1908.
3. Струве, П. Б. — известный публицист, кадет, бывш. издатель „Освобождения“, в пору написания письма—редактор „Русской Мысли“.

4. „М—их“—Мережковских.
5. Шаляпин, Ф. И.—знаменитый певец.
6. Бар. Н Врангель, сотрудник художеств. журн. „Старые годы“. Под общей кличкой „кавалергардов“, придуманной Ремизовым, известны были светские молодые люди, близко стоявшие к изданию „Старых годов“.
7. Боткин, М. П.—известный коллекционер, знаток искусства, брат знаменитого доктора С. П. Боткина.

192. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо без даты, написано на почтовой открытке (штемпель „16 11.08“) в день рождения поэта, по этому поводу мать и обещает прислать в подарок 25 рубл

193. ЕЙ ЖЕ.

1. Герман Баронов—член Религиозно-Философск. Общества. О его докладе в рел.-фил. об-ве, см. статью Блока „Народ и интеллигенция“ в „Собрании Сочинений“, т. VII, Берл. 1923.
2. 21. XI. 1908 г. Блок читал в театре В. Ф. Комиссаржевской об Ибсене перед постановкой „Строителя Сольнеса“ (см. объявление в № 621 газ. „Слово“ от 15 XI. 908).
3. Андреев - сослуживец Евг. Павл. Иванова.
4. Венгеров, С. А.—истории литературы, критик.
5. Гиппиус, З. Н. (Мережковская).
6. Пешехонов, А. В.—публицист, сотрудник „Русского Богатства“ См его статью „На очередные темы“, „Русск. Богатство“ 1908, № 11.

194. ЕЙ ЖЕ.

1. „Лиза Безобразова“ — племянница Влад. Соловьева.
2. Royal-Star—кинематограф.
3. Серафима Павловна Ремизова (Довгелло)—жена А. М. Ремизова.
4. А. М. Ремизов
5. Статья была напечатана 7 декабря.

6. Психо-Неврологический Инст-т.
7. „Лесного Домика“ Эркман-Шатриана.
8. Пьеса с сюжетом, близким к „Песне Судьбы“, не была написана. Наброски не сохранились.
9. „Черные маски“—пьеса Леонида Андреева, см. письмо от 24.XI.

195. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. Дата обоскована упоминанием о „Праматери“, постановка которой готовилась в этом году.
2 „Они“—Мережковские.

196. ЕЙ ЖЕ.

1. „П. С.“—„Песня Судьбы“.
2. В. Г. Короленко—писатель, ред. „Русского Богатства“.
3. Столпнер Б.—член Религ.-Философск. Общества.
4. „Пр. Ж.“—газета „Правда жизни“.
5. Доклад: „Россия и Интеллигенция“ был напечатан в журн. „Золотое Руно“, 1909, № 1; вошел в „Собрание Сочинений“, т. VII, 1923.
6. Мейер, А. А.—член Религ.-Философ Об-ва.

197. ЕЙ ЖЕ.

1. 1908 г. Письмо связано по смыслу с предыдущими и последующими письмами того же года
2. Отчет об этом заседании Рел.-Фил. Об-ва напечатан в газ. „Слово“, 18 XII. 1908, № 654. Доклад А. А. Мейера на тему: „Религия и Культура“, зачитанный в этом заседании, напечатан в сборнике статей: А. Мейер—„Религия и Культура“, П. 1909.
3. Тата и Ната—Т. Н. и Н. Н. Гиппиус.
4. Анна Евг. Лозинская—дальняя родственница, племянница братьев Кублицких.
5. Зверева—курсистка, революционерка.
6. Статья Блока: „Мережковский“ напечатана в газ. „Речь“, 31.I.1909, № 30.
7. „Тропинка“ детский журнал, изд. П. С. Соловьевой и Н. И. Манасеиной.

198. ЕЙ ЖЕ.

1. Дуня—прислуга.

199. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Дата обоснована упоминанием о комнате, найденной для матери. См. предыдущее письмо.

201. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата не полная. Штемпель на открытке „19 февр. 09“.

202. ЕЙ ЖЕ.

1. Бердяев, Н. А.—публицист с мистическим уклоном, чл. Религ.-Философск. Об-ва. 24 II. 1909 им был прочитан доклад: „Опыт философского обоснования христианства“. См. отчет в газ. „Речь“, 1.III.909, № 58.

203. ЕЙ ЖЕ.

1. На оборотной стороне письма приписка Люб. Дмитр. (карандашом).

204. ЕЙ ЖЕ.

1. К письму приложено стихотворение „Когда под заступом холодным“, напечатанное без изменений в сборнике „Снежная ночь“, „Мусагет“, 1912 г., в 3-ей книге „Стихотворений“, „Мусагет“, 1916,—„Алконост“ 1921 г. и т. д. Везде поставлена дата: „Февраль 1909 г“. и название „На смерть младенца“.

205. ЕЙ ЖЕ.

1. Статья Блока о Бальмонте напечатана в газ. „Речь“, 2.III.1909.

206. ЕЙ ЖЕ.

1. Котляревский, Н. А.—академик, литературн. критик, скончался в 1925 г.

2. Ковалевский, М. М.—ученый юрист и публицист.

3 Куприн, А. И.—писатель.

4. Чириков, Е. Н.—писатель.

5. Ге, Ник Петр.—внук известн. художника. В „Мире Искусства“ 1903, № 10—11 напечатана его статья: „Врубель“, в сб. „Белые ночи“, П. 1907 очерк: „Белые ночи и мудрость“.

6. Верховский, Ю. Н.—поэт.

7. В „Нашей газете“ № 49 от 28 февр. 1909 г. напечатана статья Л. Н. Толстого „Христианство и смертная казнь“. Эта статья была вызвана письмом какого-то студента в ответ на статью А. Столыпина в „Нов. Врем.“ от 18 дек 1908 г., где доказывалось, что смертная казнь оправдывалась Христом.

207. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Поездка Блоков в Италию состоялась в 1909 г.

2. „Любино“—Люб Дм.

3. Вера Глебовна Успенская, дочь писателя Глеба Успенского.

4. IX альманах „Шиповника“.

5. „Пб.“—Петербург.

6. Речь идет о работе над переделкой „Песни Судьбы“.

7. Бор. Зайцев—писатель.

208. ЕЙ ЖЕ.

1. „Дитя Гоголя“ напеч. в газ. „Речь“, 20. III. 1909, № 77 и перепечат с вар. в Собр сочин., т. VII, Берл. 1923.

2. Вероятно, письмо или повестка для матери Блока.

209. ЕЙ ЖЕ.

1. Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

210. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г., 30 марта. Дата обоснована содержанием письма.

2. Очевидно говорится о возвращении из Ревеля, куда Блоки ездили на несколько дней.

211. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Дата обоснована упоминанием об отъезде в Италию.

2. Мария Петр. и Мария Павл.—мать и сестра Е. П. Иванова.

3. В. Немирович-Данченко—один из гл. режиссеров Моск. Худ. Т-ра.

4. Нат. Ник.—Волохова.

212. ЕЙ ЖЕ.

1. И. И. Толстой.

2. Картины, принадлежавшие семье Менделеевых.

3. В. И. Качалов—актер Моск. Худ. Т-ра.

4. А. А. совершенно охладел в это время к велосипедному спорту, которым так увлекался прежде, и велосипед названный Васькой, подарил Е. П. Иванову.

5. Пьеса Кнута Гамсуна.

6. Гордон Крэг—известный режиссер.

7. „Альбатрос“ — Бодлэровское стихотворение из „Цветов зла“ („Fleurs du mal“).

8. „Гениальное ребячество“ — статья в одном из художеств. журналов.

9. Панченко, композитор-мыслитель и музыкальн. критик.

10. „Елеазар“—так называли Блоки прачку-поденщицу.

213. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущими письмами того же года

2. „Италии“, литер. сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине, изд. „Шиповник“, 1909 г. В нем напечатаны доклад Блока: „Стихия и культура“ и три стихотворения: „Мэри“. См. примеч. 3 к письму № 182 от 24. VII. 08.

3. Постановка Моск. Худ. Т-ра.

214. ЕЙ ЖЕ,

1. Написано на открытке с изображением мадонны Сассо-Феррато. Под фотографией надпись: Venezia-Vergine-Sassoferato Chiesa della Salute.

215. ЕЙ ЖЕ.

1. К письму приложены две открытки, помеченные Блоком „Венеция 7 мая 1909 г." Под фотографиями надписи: Venezia—G. Bellini—La Maddalena и Venezia—Accad. Belle Arti—La Verità—Allegoria (G. Bellini).

2. А. И. Менделеева.

216. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо написано на бланке гостиницы Splendide Hôtel, Patria; здесь воспроизводится только главная надпись и адрес, т. е. слова: „Firenze" и „6, Via Calzaiole, 6".

2. Место, около которого Блок жил, когда был во Флоренции четырехлетним мальчиком.

3. p. r.—poste restante, до востребования.

217. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо написано на открытке с изображением бронзового кабана. Под репродукцией надпись: Firenze Galleria Uffizi. Un Cinghiale.

218. ЕЙ ЖЕ.

1. Мускиты—москиты.

2. Боболи—сад на окраине города.

3. Crême renversée—опрокинутый крэм,
fraise écrasée—давленная земляника,
boeuf brisé—битое мясо.

219. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на бланке отеля.

2. Стихотворение „Равенна" („Все, что минутно, все, что бренно"), переписанное рукою Л. Дм., Блок послал матери в письме из Флоренции. Оно напечатано без изменений во всех изданиях III тома, кроме 2-го изд. „Мусагет" 1916 г., в котором выпущена пятая строфа.

220. ЕЙ ЖЕ.

1. Письмо написано на открытке с изображением сивиллы, под репродукцией надпись: Siena—Cattedrale La Sibilla Eritrea Antonio Federighi

221. ЕЙ ЖЕ.

1. Дата и название города написаны карадашом.

2. Слова: „Я и Люба" приписаны сверху, после слова: „целую".

222. ЕЙ ЖЕ.

1. Teich—пруд в парке.

2. Фридберг—загородная местность с княжеским дворцом.

225. ЕЙ ЖЕ.

1. Письма из за границы датированы по новому стилю,—с Петербурга начинается старый стиль.

2. Барс—кот, принадлежавший М. А. Бекетовой.

3. Савелий—старший дворник.

227. ЕЙ ЖЕ.

1. Это письмо, начинающееся стихотворением, под которым есть пометка Блока: „доконч. 6.X.09.СПБ.", написано повидимому между 6 и 15 октября 1909 г.

2. Стихи „Из хрустального тумана" напечатаны во всех последующих изданиях без изменений против первоначального текста. Впервые появились в журн. „Весы", 1909, № 10—11.

228. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. На эту дату указывает упоминание в письме о хлопотах Блока по приисканию санатории для больной матери, что происходило в 1909 году.

2. Конторка, доставшаяся после смерти Д. И. Менделеева.

3. Часть наследства, оставленного отцом Люб. Дм.

4. „Тристан и Изольда", опера Вагнера.

229. ЕЙ ЖЕ.

1. Лапина М. В.—знакомая Ал. Андр., работавшая вместе с ней в одном из приютов Об-ва защиты детей от жестокого обращения.
2. Долгополов—друг Лапиной.
3. Марья Петровна Иванова—мать Евг. Павл.
4. 1909 г. Дата обоснована упоминанием о смерти М. В. Лапиной, которая умерла именно в этом году.

230. ЕЙ ЖЕ.

1. Штемпель: „Ревель 21.10.09“.

231. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. В этом году начал выходить журнал „Аполлон“.
2. Маковский Сергей — поэт и художественный критик.
3. Анненский Иннокентий—поэт, критик и филолог.
4. „Пивато“ — ресторан на Морской (ныне ул. Герцена).
5. Ясинский И. И.—романист.
6 Honoris Causa—в знак почтения.
7 М. П. Иванова.

232. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.
2. „Академия“—Общ-во ревнителей худож. слова.
3. Из „Итальянских стихов“.

233. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Дата обоснована упоминанием о первом № „Аполлона“.

234. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.

235. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.
2. „Песнь Ада“—вошла во все собрания стихотворений без изменения.

236. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.
2. Курсив—слова Л. Дм., написанные ее рукою.

237. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.

238. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.
2. Козловский—доктор.
3 Федоров—тоже.
4. Во всех последующих изданиях это стихотворение напечатано без изменений против первоначального текста. Впервые напечатано в журн. „Новая Жизнь“, 1910, № 1, декабрь.

239. ЕЙ ЖЕ.

1. А. Л.—Александр Львович.
2. Ангелина Блок.
3. Эта группа не была написана Головиным.
4. Блок М. Т.—вторая жена отца Блока.

240. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.
2. Bon mots—остроты.
3. Дризен, Н. В.—один из учредителей Старинного театра.

4. Муся—Мар. Дм. Менделеева, сестра Люб. Дм.
5. Это стихотворение под заглавием: „На островах", напечатано во всех последующих изданиях без изменения против первоначального текста. Впервые появилось в „Альманахе для всех", 1911, № 2, изд. „Нов. журн. для всех", под заглавием „Нет".

242. ЕЙ ЖЕ.

1. 1909 г. Письмо связано по смыслу с предыдущим.

244. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано на 7-ми рождественских открытках с картинками и одинаковой надписью: „Wesolych swiata" („Веселых праздников").

245. ЕЙ ЖЕ.

1. Цитата из юношеской (ненапечатанной) шуточной пьесы Серг. Мих. Соловьева: „Пробегает стадо профессоров. Пахнет парным молоком".
2. Блок П. Л.—брат отца Блока.
3. Мейнандер—дальний родственник Блока.

246. ЕЙ ЖЕ.

1. Написано 11/24 XII на бланке гостинницы: Hotel Wiedeń, Telefon № 11—17, Marszalkowska 102, vis—à—vis Dworca Wiedeńskiego Warszawa.

247. ЕЙ ЖЕ.

1. На бланке гостинницы. См. предыдущее письмо.

249. ЕИ ЖЕ.

1. Вейс—доктор.

250. ЕЙ ЖЕ.

1. Речь идет о наследстве, которое Блок получил после отца.
2. Ангелина Блок с матерью.

251. ЕЙ ЖЕ.

1. А. И. Менделеева.

252. ЕЙ ЖЕ.

1. „Серебряный голубь"—роман А. Белого.
2. Мать Блока очень тяготилась ролью командирши и светскими обязанностями. Насилие над собой пагубно действовало на ее нервы (см. книгу М. А. Бекетовой „А. Блок и его мать", вторая часть).

СОДЕРЖАНИЕ

---

*) Прямые скобки в перечне писем отмечают даты, поставленные мною—*М. Б.*

1902.

1903.

1904.

1905.

1906.

ИЛЛЮСТРАЦИИ